

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ

Системы

Научного

Объяснительного

Знания —

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

г. Чернигов 1993 г.

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ

Системы
Научного
Объяснительного
Знания —

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

г. Чернигов 1993 г.

Григорий Иванович НЕВОЛЬКО

**ПРОЛОГИ
НОВОЙ
СИСТЕМЫ
НАУЧНОГО
ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО
ЗНАНИЯ**

Редактор Н. И. Быковец.

Техн. редактор Н. Ф. Зенченко.

Корректор А. И. Балаева.

ISBN 5—7707—0657—0.

{с) Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является второй частью текста «Прологи новой СНОЗ», которым вместе с текстом «Логи новой СНОЗ» излагаются основания и основы новой СНОЗ (СНОЗ — система научного объяснительного знания), общая характеристика чего дана в предисловии, помещенном в первой части (книге) «Прологов...», изданной в 1992 г., частичным добавлением к которому является и это предисловие.

Те условия на нашей планете, которые обеспечили появление, размножение и развитие растительного и животного мира, что увенчалось появлением и продолжающимся развитием человечества, меняются. Вследствии этого разрастаются несоответствия между потребностями и способностями некоторых организмов растительного и животного мира и, с другой стороны, условиями на планете и в окружающей или в пропитывающей их среде. Это приводит к вымиранию и исчезновению или к приспособительному изменению соответствующих растений и животных. Эти процессы продолжают-ся и даже усиливаются, в том числе и под влиянием добавившихся и усилившихся антропогенных факторов. И дело идет к тому, что предсказывалось и в библейских и в прочих пророчествах. А ныне и строго научные предсказания и обоснования имеются тому, что человечество неотвратимо приближается к глобальному кризису, опричинивающемуся многими факторами. Основные компоненты причинения его: геогенетический фактор, экологический кризис, энергетический, биосомогенетический (засорение и искажение генофонда, ослабление иммунной системы, засорение соматических и нейронных тканей и хаосизация метаболических процессов и пр.), нейро-психологический, гносеологический (ограниченность и кризис старой системы научного объяснительного знания — СНОЗ). Да и экономический, и политико-идеологический, и прочие кризисы примешиваются.

Актуализируется и обостряется проблема спасения и выживания человечества. Не вымрут ли люди на нашей планете, как вымерли гигантские ящеры, динозавры, мамонты и прочие разновидности животных? Искать ли человечеству и найдет ли оно самостоятельно оптимальный и благо-прогрессотворный выход из ситуации этого глобального и многими факторами вызывающегося кризиса, ведущего человечество к вечной гибели? Или довериться хаотически-

стихийному ходу исторического саморазвертывания заложенных в организмах человеческих индивидов потенций приспособления к окружающей среде? Если довериться этому, то когда и к чему это приведет человечество? Получатся ли или не получатся (в результате хаотического стихийно-слепого саморазвития, мутаций, проб и ошибок, естественного отбора) такие изменения в биологии, в генофонде, в иммунных системах, в анатомии, в нейрофизиологии и в прочем, которые приведут к более благопрогрессотворному согласованию человеческих организмов с изменившимися и изменяющимися условиями на планете Земля и в среде обитания? Улучшится или ухудшится порода человеческая?

Божьей милости ждать нам? Или ждать пришествия инопланетян, уже познавших все так исчерпывающе и истинно, как это возможно вообще (— и ныне, и во веки веков, и разумом людей-землян, и разумом любых достаточно для этого разумных инопланетян, т. е. и вселенским разумом), пожелавших и смогших прилететь на нашу планету, чтоб спасти человечество, образумив его такой вселенской СНОЗ? Или руководствоваться мудрой и благопрогрессотворной поговоркой: на Бога надейся, а сам не плошай?

Разве человечество не может самостоятельно выйти на рубежи такого исчерпывающего и истинного познания фундамента реальной действительности и механизмов саморазвития из него получающихся неживых и живых образований, какое возможно вообще?! Оказывается может и уже осуществляются первые шаги в этом. Первый росток такой новой СНОЗ излагается текстами «Прологи новой СНОЗ» и «Логика новой СНОЗ». И опираясь на вглубь до дна исчерпывающее и истинное познание сути и состава элементов и причинно-следственных механизмов зачатия, сохранения и развития сознания и умознания людей, возможностей оздоровительного и благопрогрессотворного влияния сознания на организм и организм на сознание, возможностей их энерго-информационного взаимодействия, возможностей развития души, разума и тела, человечество найдет оптимальнейшие и наиболее прогрессотворнейшие пути и средства: и для коррекции генофонда, и для освобождения от слишком сильной зависимости от вредных факторов окружающей среды и условий на нашей планете, и для выживания, и для выхода на новые более благопрогрессотворные формы жизнедеятельности, и для выхода на новый виток эволюционного развития.

Старая СНОЗ привела человеческий разум к блужданиям в непонятных темных дебрях, к гносеологическому кризису, к торможению развития познавательных способностей и результатов, преодоление чего в изучении, в дальнейшем развитии и совершенствовании новой СНОЗ и в переходе человеческого умознания на смыслологику этой новой СНОЗ. Это можно осуществить без потери использования тех возможностей и пригодностей старой СНОЗ, которыми она все еще обладает.

Открыты основания и разработаны основы такой новой для землян вселенской СНОЗ, с которой к нам, землянам, явились бы инопланетяне (если бы они были, да смогли, да пожелали это сделать), дающей возможность так истинно и так исчерпывающе глубоко в микромир, полно и окончательно познавать всякие неживые и живые образования (и то, из чего, почему и как они могут получаться и развиваться), как это возможно познать вообще. Истинно и вглубь до дна исчерпывающе познается как раз все то существенное, глубинное и всеобщее-фундаментальное, за границей чувственного различия находящееся, что ныне остается неизвестным, загадочным, служащим обоснованию агностицизма и в смыслологике ныне использующейся человечеством старой СНОЗ такому познанию и объяснению не поддается.

Новая СНОЗ получилась в результате радикального переосмысливания и обновления смыслов и перестроения состава фундаментальных понятий и идей старой СНОЗ — в ее вариантах монистического идеализма и монистического материализма, — включая и ее гносеологию, и ее физику, и химию, и биологию, и ее фундаментальный логико-понятный аппарат, методологию, направление и стиль научно-познавательного и объяснительного мышления. Она получилась, в частности, и в результате изменения монистического начала и монистической логической формы старой СНОЗ на немонистическое начало и немонистическую логическую форму.

Публикация текстов, излагающих основания и основы новой СНОЗ в развитии из смыслологики старой СНОЗ, осуществляется официально, но за счет автора, чем и обуславливается затяжка в опубликовании последующих частей этих текстов, уже имеющихся у автора и готовых для опубликования. О возможностях приобретения уже опубликованных книг читайте на 210 странице этой книги.

Исходя из неопровержимой истинности, особенностей и чрезвычайной благопрогрессотворной важности новой СНОЗ;

— исходя, во-вторых, из ее системности;

— исходя, в-третьих, из обширности объема охватываемого ею идейного содержания (а это и общая философия, и гносеология, и физика, и химия, и биология, нейробиология, и генетика, и психофизиология, и вообще все объяснительные и эвристичные науки старой СНОЗ и сверх того);

— исходя, в-четвертых, из того, что оценивать новую СНОЗ (как систему, соразмерную и альтернативную старой СНОЗ, ее объяснительные и эвристические возможности и преимущества по сравнению со старой СНОЗ) следует прочитавши, верно понявши и изучивши достаточно для этого тех текстов, которыми излагаются основания и основы ее (с поисками, выяснениями, объяснениями, полемиками, доказательствами и развитием из старой СНОЗ);

— исходя, в-пятых, из того пути, которым, как оказалось, автор вынужден доводить новую СНОЗ до общественного умосознания. А это путь опубликования текстов новой СНОЗ за счет автора, вынужденного оплачивать издание первой и последующих частей этих текстов за счет своей пенсии, да за счет займа, да за счет распроражи уже изданных книг этого труда (а это ж чтиво пока не широкого спроса и далеко не всякому по силам и интересам).

— исходя, в-шестых, из необходимости и возможностей обеспечения и ускорения опубликования и облегчения продвижения новой СНОЗ к человечеству;

— исходя в-седьмых, из того, что за издание последующих частей текста «Прологи новой СНОЗ», а потом и текста «Логика новой СНОЗ», запрашиваются все более и более крупные суммы (вследствие инфляции и пр.), а изданные уже книги раскуповываются медленно;

— а также исходя из всего остального;

я прошу у всех всяковоозможной и нужной в этом деле помощи, среди разных видов которой особенно нужной и актуальной ныне является оказание денежной помощи, которая, я клянусь, будет использована именно на финансирование издания текстов новой СНОЗ и на продвижение ее в общественное умосознание.

Грядут исторически вечные и справедливые благодарения и прославления всем тем организациям и лицам, которые оказывали, окажут и будут оказывать помощь в опубликовании текстов, излагающих основания и

основы новой СНОЗ, в изучении и в дальнейшем развитии и совершенствовании ее, в продвижении ее в умознание человечества.

Обращаюсь к тем читателям, которые верят в Бога и признают важную благотворную роль той религии, которой они придерживаются; хотя общепринятого или общеизвестного смысла понятия «Бог» и несомненных и гносеологически состоятельных объяснений, определений и доказательств логической и фактической истинности этого смысла нет, — которые верят в Бога слепо, доверяясь проповедникам соответствующей религии или говору непосредственно окружающих людей, увлекаясь в эту веру интуитивным мнением, что все же что-то управляющее людьми и природой вроде бы есть, да предрасположенностью не думать, не спорить, не докапываться до истиннейшего, не противиться мнению окружающих, даже если оно и не истинно и не прогрессотворно, присоединяться к мнению старшего, или более говорливого, или большинства, или руководствуясь соображениями личной выгоды и невыгоды или неудобства от показного присоединения или неприсоединения к (согласия или несогласия с) соответствующим учениям, мнениям, идейно-политическим и прочим группировкам и пр. Не поддавайтесь отрицательным чувствам или мнениям, которые возможно возникнут у вас при чтении некоторых фрагментов текстов «Прологи...» и «Логич...», которыми выражается мое критическое отношение к бессмысленному или к неистинному, сомнительному смыслу понятий «Бог», а не пасуя перед трудностями продолжайте изучать новую СНОЗ, упражняйте ум и вырабатывайте в нем новую смыслологику и этим и превращением непонятного или труднопознаваемого в верно понятое развивайте его. И в итоге вы познаете, тот смысл понятия Бог, в котором истинно отображается та реальность, которая на самом деле управляет всеми людьми и ведет их к благопрогрессу и истинное знание чего, вера во что, служение и послушание чему отворачивает людей от сатанинской пагубы и введет их к благопрогрессу и счастью. Путь дальнейшего прогресса и выживания человечества лежит через изучение, дальнейшее развитие и всестороннее совершенствование новой СНОЗ, через овладение ею, через полное использование того вглубь до дна исчерпывающего и истинного познания реальной действительности, которое посредством ее достигается и о котором говорится в этом предисловии и в предисловии к первой части «Прологов...».

Г Л А В А I

Выяснения, определения и интерпретации новых смыслов категорий материального и идеального

Э п и г р а ф: «А начало не возникает. Из начала неизбежно должно возникнуть все, что возникает, а само оно ни из чего не возникает. Если бы оно возникло из какого-либо начала, оно уже не было бы началом. Раз оно не возникает, то не может никак и уничтожиться. Если бы погибло начало, оно уже никогда не могло бы возникнуть из чего-либо, да и ничто другое не возникло бы из него, так как все должно возникнуть из начала. Значит, начало движения, — это то, что движет само себя. Оно не может ни погибнуть, ни возникнуть, иначе и небо, и вся природа, перемешавшись, остановилась бы, и уже не было бы ничего, что привело бы их снова в движение, чтобы они возникли». ^{1/}

«Начало... ничем не должно быть опосредовано и не должно иметь какое-либо основание: оно само, наоборот, должно быть основанием всей науки». ^{2/}

«Однако в то время, как начало является неопределенным, развитие имеет значение определения. Только в процессе изложения раскрывается и определяется то, с чего я начинаю». ^{3/}

«Начало философии в действительности довольно поздний продукт философского творчества того или иного мыслителя. Оно представляет собой не некоторый психологический момент, с которого начиналось движение его мысли, следовательно, не факт его интеллектуальной биографии, а апостериори выбранный им логический исходный пункт, как бы содержащий в свернутом виде суть данной философской системы». ^{4/}

§ 1. Вводные рассуждения

I

Человеческий разум в начале своего развития не имел никаких логических правил и принципов и все же дошел в своем развитии до нынешнего состояния себя и логики поз-

^{1/}. Платон. Избр. диалоги. М., 1965 г., стр. 358.

^{2/}. Гегель. Наука логики. Т I, М. 1970 г., стр. 126.

^{3/}. А. Фейербах. Сочинения. М.—П. 1923 г., т. I, стр. 9.

^{4/}. Ю. К. Мельвиль. Декарт и Спиноза о начале философии. Журнал «Вопросы философии» № 2, 1978 г., стр. 133.

нания и знания. Благодаря чему это оказалось возможным? Чем он при этом управлялся? Да все тем же принципом: познать мир таким, каков он есть. И проявляя при этом произвол, разум все же пришел к осознанию необходимости введения диалектического противоречия, хотя и со всякими недоразвитостями и недопониманиями его. При этом он пошел против монизма, господствовавшего и господствующего еще до сих пор в знании о познании и о реальности. Что же, сделав продвижку в правильном направлении, он остановится? Нет! Влекомый светом истинности пойдет он к ее абсолюту, познавая все непознанное и опровергая все ложное и ошибочное на этом пути!

Вопрос о том, возможны ли и как возможны синтетические суждения, т. е. суждения, содержащие в себе то новое знание, которое не содержится в исходных суждениях, над которым бился Иммануил Кант в своей работе «Критика чистого разума», не мог получить своего разрешения, т. к. он и другие мыслители, пытавшиеся решить его, сами мыслили логикой, недостаточно пригодной для производства максимально углубленного, полностороннего и истинного знания, — мыслили логикой, проявлявшейся с различными интенциональными и экстенциональными ограничениями у разных мыслителей и находившейся в подчиненном положении по отношению к монистической логической форме. По существу это были попытки развивать познание без развития и существенного обновления форм и приемов научно-познавательного мышления, что можно уподобить попыткам производить машины существенно новых конструкций, не меняя обрабатывающих устройств и движений. И совершенно прав Рене Декарт, говоривший, что «Нельзя лучше доказать ложность аристотелевых принципов, чем отметив, что в течение многих веков, когда им следовали, не было возможности продвинуться вперед в познании вещей».^{1/} А такое новое знание, которое не содержится в исходной мысли, имеющей соответствующую логическую форму, как раз и формируется в мышлении актуально мыслящего субъекта тогда, когда он проявляет достаточное по продолжительности и напряженности творческое мышление, управляя его (случайно, интуитивно, бессознательно или частично, а то и полностью, осознанно) при этом по правилам и законам логики, наиболее прогрессотворной (т. е. ведущей разум к наибо-

^{1/}. Аналогия мировой философии. М., 1970 г., т. 2, стр. 237.

лее глубокому, истинному и исчерпывающему познанию), которые нам следует вскрыть и показать для всех, желающих овладеть всеми потенциальными способностями своего мышления и наиболее эвристически мыслить и истинно и исчерпывающе познавать любой предмет познания.

Если в объективной реальности закон единства и борьбы противоположностей выступает в роли причины, источника развития, то в мышлении он также должен играть роль методологического средства для управления и развития познавательного мышления, которым мыслящий субъект может и должен сознательно пользоваться для производства, получения истинного знания об интересующем его объекте реальности!

Различают противоречие диалектическое, которым называют «внутренний источник всякого движения, развития, изменения, перехода в новое качество»,^{1/} и противоречивость, когда признают одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, («А есть» и «А нет»), которая запрещается формальной логикой и которая по сути является синонимом неправильности, ошибочности мышления; но такая неправильность и ошибочность, которая некоторыми отрицается, игнорируется в практике познавательного и объяснительного мышления, оспаривается или подвергается сомнению. Избежать всякой противоречивости, ошибочности в знании и в познании мышлением человечества до сих пор не удавалось. Ошибочные мнения о монистичности реальности (что она, де, фундаментируется только на одной субстанции) опровергаются предшествующей историей познания и его результатами. В противном случае и реальность не развивалась бы, и элементы диалектического противоречия не приобрели бы прогрессирующего развития в знании о реальности и о познании, движущемуся к абсолютной истинности результатов познавания и к полному исчерпанию познавательных возможностей человеческого разума. Но как избежать противоречивости мышления и правильно, истинно и безошибочно познать противоречивую реальность т. е. состоящую из противоположностей и различностей? Общий путь для решения этой проблемы правильно указывает И. С. Нарский: «Между объективными диалектическими противоречиями и противоречиями формально-логическими нет

^{1/} Н. И. Кондаков. «Логический словарь». М. 1971 г., стр. 424.

противоречия (в смысле несовместимости), а гносеологические диалектические противоречия разрешаются при непременном условии преодоления тех формально-логических противоречий, в которых они до этого находили свое выражение».^{1/}

Мы хотим получить логику непротиворечивого (безошибочного) мышления, — мышления творческого, своим процессом производящего так развивающееся знание, как на самом деле развивается в этом знании отображающийся объект познания. Т. е. нам необходимо исключить такую непротиворечивость логики мышления и знания, которая вынуждает нас мыслить реальность как она не есть, и включить такую противоречивость, которая дает такое знание о реальности, какой она есть; нужны такие логические формы познания, которые давали бы нам знание в том и так противоречивой и в том и так непротиворечивой реальности, как она есть на самом деле. Следовательно, необходимо сохранить запрет на ошибочную противоречивость мышления, уяснить, познать и овладеть тем и так диалектически противоречивым мышлением, результатом применения которого к познанию предмета познания дает истинное знание. А для этого необходимо уяснение противоположностей как элементов противоречия и возможностей отношений между ними, к предварительному уяснению чего мы и перейдем.

II

Ф. Энгельс, выражая в письме к К. Шмидту разочарование книгой П. Барта «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гертмана включительно» и выступая за необходимость судить о каждом философе по тому, что в его деятельности является непреходящим, прогрессивным, а не по тому, что было неизбежно преходящим, реакционным, не отрицал упрека Барта Гегелю в том, «что Гегель сваливает иногда в одну кучу контрарные и контрдикторные противоположности».^{2/}

Два понятия называются контрдикторными, когда в одном из них позитивно мыслится некоторое содержание, а в другом выражается только отрицание этого же содержания. Если первое из них выражается каким-либо словом или сло-

^{1/} И. С. Нарский. «О месте логики науки среди наук о познании», ж. «Философские науки», 1973 г., № 5, с. 25.

^{2/} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 38, стр. 108—109.

восочетанием, то второе выражается отрицанием того же слова или словосочетания. Например: «здоровый» и «нездоровый», «белый» и «небелый», «имеющий высшее образование» и «не имеющий высшего образования», т. е. в общем виде: «А» и не-А.

В контрарных понятиях содержание одного понятия не только отрицается другим, но, кроме того, в отрицающем понятии позитивно мыслится некоторое содержание, противоположное содержанию отрицаемого понятия. Например: «здоровый» и «больной», «северный» и «южный», «положительный» и «отрицательный».

Гегель в своей «Науке логики» за начала берет понятия «бытие» и «ничто» для последующего выведения понятия «становление» и прочих понятий. Но после определения содержания понятия «бытие» («Бытие есть чистая неопределенность и пустота... Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле ничто и не более и не менее, как ничто»^{1/}) и понятие «ничто» («...Ничто есть, стало быть, то же определение или вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще то же, что и чистое бытие»^{1/}) оказывается, что «бытие» и «ничто» у него есть одно и то же. Следовательно, эти два понятия не являются ни контрарными, ни контрадикторными; они суть одно и то же. А два разных названия одного и того же введены Гегелем для формирования своей монистической и фиктивно-дуалистической логики, о чем уже говорилось.

В объективной реальности явление актуализирует свое существование и развитие благодаря единству не любых различий, а таких прямо противоположных тождественностей, которые устремляются друг в друга и друг из друга, борются и объединяются, и разъединяются, сливаются и обособливаются, т. е. которые в такой какой-то сути и как-то так образуют диалектическое противоречие, как самопричину и самодвигатель существования и развития данного явления. Тогда спрашивается: какие же два понятия (пару контрарных или пару контрадикторных или еще какие-то) и как следует объединять, чтоб иметь развитие познания и истинно развивающееся истинное знание о реальности и о ее познании? Возможно ли это? Будет ли это эвристично? Как это осуществлять? Не потому ли монистическая формальная логика сводится лишь к средству выявления,

^{1/} Гегель. Наука логики. М. 1970 г., т. I, стр. 140.

высвечивания, выискивания того знания, которое имплицитно уже содержится в исходных положениях, что ее запрет на формально-логическую противоречивость мышления переносят и на диалектическое противоречие? Не обеспечится ли для мышления возможность творения нового истинного знания установкой его на такие правила, которые не только позволяют, но и предписывают искать и находить в предшествующем знании, или снимать из опыта, или творчески придумывать понятия с противоположным смысловым содержанием и с соответствующими отношениями, которые составляли бы собой диалектическое противоречие как движущую силу развития познания и знания?! Специфика форм мышления диалектико-материалистической логики должна состоять в том, что в них, как и в объективной реальности, должно осуществляться истинное соединение каких-то истинных противоположностей в единство и истинное разделение чего-то единого на истинные противоположности. В этом видел суть диалектики и В. И. Ленин. Эта суть ее должна проявляться и проявится, в чем убедитесь ниже, и на уровне форм чувственного познания, и на уровне понятий, и в суждениях, и в других более сложных формах мышления и знания, в которых мышление осуществляет действия с понятийными и с другими формами организации знания.

Но содержит ли в себе контрдикторное отрицание любого понятия также и контрарное отрицание? То есть, содержит ли в себе, например, понятие «не юг» также и понятие «север»? Когда говорят «не-А», то что при этом имеют в виду? Или, во-первых, просто отрицают, отвергают содержание понятия А и только, не мысля при этом ничего другого, или, во-вторых, осуществляют Булеву операцию дополнения до единицы, т. е. мыслят все, все, все, за исключением А? Или, в-третьих, мыслят контрарную противоположность понятия А? В первом случае мы имеем дело с формально-логическим отрицанием, с антидиалектическим, со зряшным, метафизическим (по Ленину). Во втором случае имеем дело с неопределенно диалектическим отрицанием. В третьем — с диалектическим отрицанием, т. е. с таким отрицанием, когда отрицающемуся понятию противопоставляется понятие с противоположным смысловым содержанием, понятие с такой контрарной противоположностью по отношению к отрицающемуся, с которой образуется диалектическое противоречие, способное при соответствующем

мем мышлений порождать новое знание или прояснять, делать уясняющееся более четким, отчетливым. А если отрицание понятия А производится в смысле «дополнения до единицы» по Булю, то в таком случае контрарикторное отрицание понятия является более общим случаем по отношению к контрарному. Тогда понятие «не-А» не только есть отрицание «А», но и содержит в себе контрарную противоположность понятия «А», т. е. понятие «не юг» содержит в себе все, что угодно, в том числе и «север»: в нем отрицается только «юг». И тогда контрарикторные понятия могут включаться в диалектические суждения в виде тех противоположностей, которые должны обусловить собой выведение нового знания. Но так как «не-А» включает в себя все, все, за исключением, «А», то содержание его весьма неопределенное, что обуславливает неизвестность того, понятие какого содержания из всех, всех, всех понятий, составляющих собой «не-А», выступает по отношению к «А» контрарной противоположностью.

Поэтому составлять диалектические суждения следует стремиться из понятий, которые являются диалектически контрарными, противоположными до взаимопротивотождественности, полярными и т. п. Но в некоторых случаях можно ограничиться употреблением контрарикторных понятий, если в понятие «не-А» вкладывается смысл: все, все, все, т. е. любое, всякое и все содержание мысли за вычетом, за исключением, при отрицании только «А», т. к. в «не-А» в этом случае содержится и диалектически взаимоотнождественная противоположность по отношению к «А». Естественно, что при этом будет неопределенность, которая может быть устранена оперированием в диалектических суждениях контрарными понятиями, содержания, смыслы которых тождественно взаимопротивоположны, что еще получит свое разъяснение.

Когда формальная логика запрещает мыслить одновременно «А» и «не-А», то этим самым она запрещает мыслить одновременно с «А» как контрарное, так и контрарикторное по отношению к нему понятие, т. е. накладывает запрет: во-первых, на такое мышление, при котором мыслят понятие «А» с конкретно фиксированным в нем смысловым содержанием и в это же время это же понятие «А» с этим же смысловым содержанием просто по «зряшнему» отрицают и только, чем и выступает такая логика противником алогизма; во-вторых, накладывает запрет на такое мышление,

при котором мыслят понятие «А» с конкретно фиксированным в нем смысловым содержанием и в это же время мыслят как смысловое содержание этого же понятия «А» и то все и всяковоозможное смысловое содержание, из которого выделяется смысловое содержание, мыслимое в понятии «А», чем и выступает такая логика противником неопределенности; в-третьих, запрет на такое мышление, при котором мыслят понятие «А» с конкретно фиксированным в нем смысловым содержанием и в это же время мыслят отрицание, отсутствие этого же смыслового содержания у этого же понятия «А», чем и выступает противником гегелевской и вообще монистической диалектики, допускающей такие утверждения, что «А» содержит в себе такой-то конкретно фиксированный смысл и не содержит, что «А» есть «А» и это же «А» не есть это же «А». Например, что материальное в реальности есть таким и так есть, что его в ней вообще нет, ибо оно и есть лишь формой проявления идеального, пробуждающегося к движению без своей противоположности и вообще без всякой инакости. Или: что идеальное в реальности есть таким и так есть и его в ней вообще-то нет, ибо оно и есть лишь формой проявления материального, пробуждающегося к движению без своей противоположности и вообще без всякой инакости. И все эти запреты совершенно справедливы. Но эта логика, налагая запрет на всякую противоречивость мышления, вместе с правомерным запретом на ту ошибочную противоречивость, которой не должно допускать мышление, стремящееся к истинному познанию, неправомерно запрещает и диалектико-истинное противоречие в мышлении, потому что она не уяснила его сути, сути своих запретов и своей сущности. Да она и не могла этого уяснить без того, чтобы место на олимпе начала, занимаемое ее исходной аксиомой, не уступить для начальной аксиомы такого последовательного, глубокого и повсеместного диалектико-материалистического мышления, в результате применения которого получалось бы наиболее истинное и наиболее исчерпывающее познание. Нынешняя теория познания также полностью не уяснила суть и те возможности для познания, которые дает истинное диалектико-материалистическое противоречие.

А если цель исчерпывающе истинного, глубокого, полного и окончательного познания предмета может быть достигнута в результате такого мышления, когда находят или мысленно производят такие два разные и истинные понятия «А»

и «не-А», смыслы которых по отношению друг к другу находятся в отношении такой особой абсолютно истинной контрастности, или такие два смысловых элемента в сложном смысловом содержании одного и того же понятия, которые по отношению друг к другу находятся в отношении такой особой, абсолютно истинной контрастности, смысл которой еще будет открываться и объясняться ниже? То следует ли нам подчиняться в таком случае логике, запрещающей мыслить такое понятие «А» одновременно с таким понятием «не-А»? Нет, конечно! Например, в понятии атома со сложным смысловым содержанием мыслят и положительный и отрицательный заряд. Дело здесь в том, что правомерным запретом формальной логики мыслить одновременно такое: «есть А» и «не есть А», неправомерно запрещают также мыслить одновременно и такое: «есть А» и «есть не-А». Ведь разрешив второе, логика не отменяет своего запрета на первое?! А диалектическая логика, снимая запрет на второе, не только не нуждается в отмене запрета на первое, но нуждается в сохранении его, дабы избежать противоречивости, некорректности и ошибочности мышления. Если в реальности есть взаимопротивоположности, то верное выражение в суждениях смыслов, их истинно отображающих, создает взаимопротивоположные суждения или понятия не об одном и том же, а об одной и о другой реальной взаимопротивоположности, находящихся в соответствующем взаимоотношении. И поэтому мышление сохраняет диалектическое противоречие и избавляется от логической противоречивости, как неправильности. И Аристотель остается совершенно прав, утверждая, что «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле (пусть будут здесь также присоединены все (оговорки), какие только мы могли бы присоединить, во избежание словесных затруднений)».^{1/} Правда, Аристотель тут же говорит, что «...все, кто дает доказательство, возводят (его) к этому положению как к последнему: по существу это ведь и начало для всех других аксиом».^{2/} Но если обвинять Аристотеля в том, что он не видел более общей и первичной логической аксиомы, то тогда следует обвинять и Ньютона за то, что он не видел и не разработал более общей теории, и вообще обвинять каждого мыслителя

^{1/}. См. «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. I, стр. 412.

^{2/}. Там же, стр. 413.

за то, что он не открыл сразу все абсолютно истинное знание о всем. Поэтому аксиома диалектического противоречия: «А» и «не-А», будучи материалистично уяснена, переосмысленна и взятая за исходное начало всякого мышления, раскрывает свои эвристические возможности и становится совместимой с формальной логикой, которая при этом сама получает новые возможности для своего развития, для очищения от своих неясностей, несовершенств, ограниченностей и неразрешенных вопросов, получает возможность для уточнения своего предмета, метода, начала и т. п.

Верны слова И. С. Нарского: «Каких-то особых, «свободных от формально-логической структуры диалектических понятий не существует. Вхождение понятий в диалектические формы и связи... не упраздняет их формально-логических признаков, а на форме понятий диалектика их содержания оказывается путем развития и усовершенствования этой формы, а не путем ее устранения и замены».^{1/} Низшие логические формы так же должны быть по-своему диалектичны; а при включении в высшие логические образования в качестве их элементов они реализуют собой и высшие логические формы. Профессор К. Бакрадзе в своем курсе «Логика» предвосхитительно заявил: «Не существует двух наук о формах и законах правильного мышления: существует одна наука, и эта наука — логика или формальная логика».^{2/} Последние три слова в этой цитате я бы зачеркнул и тогда я согласен с ней. Диалектико-материалистическая логика должна включать в себя всю и всякую логику правильного мышления, ведущего к истинному познанию, и иметь логические формы высшего уровня развития разума, познания и знания. Она не противостоит верно осмысленной формальной логике, а противостоит ограниченностям метафизики, не учитывающей реальных противоположностей в предмете познания и его развития. Но она не должна также и продуцировать противоречия из самой себя, а должна истинно отображать логикой понятий суть элементарно-структурного состава предмета познания, обстоятельств и факторов, движущих зарождением, развитием и гибелью предмета познания, т. е. отображать все противоположности, различия и противоречия и такими, каковы, сколько и как они есть и взаимодействуют в реалиях предмета познания и его окружения.

^{1/} Журнал «Вопросы философии». 1970 г., № 8, стр. 50—51.

^{2/} К. Бакрадзе. «Логика». Тбилиси. 1951 г., стр. 79.

Однако ограничиться вышеприведенным уяснением диалектического противоречия, в результате применения взаимоположностей которого можно получать новое и истинное знание, нельзя, т. к. к проявлению подобной диалектичности может приспосабливаться и идеалистически сориентированное мышление. Оно может конструировать исходные положения, а затем вымысливать им противоположные и тем самым представлять мысль как бы в развитии. Но очень многие результаты такого мышления могут и не иметь реальной интерпретации и могут быть или ложными и бесполезными, или нуждающимися в истинном переосмыслении. А некоторые результаты такого мышления могут использоваться в процессах политико-идеологической борьбы и в реакционных целях.

Субъективный идеализм, пытающийся вывести объяснения всего мира из субъективистского начала, из Я, также оказывается противоречив и неэвристичен вследствие своей идеалистичности и монистичности, вследствие отрицания объективной реальности как предмета познания и критерия истинности знания, и вынужден выкручиваться, вынужден не-Я сводить к Я и обратно. Вот какую логику изобрели субъективные идеалисты: изначально монистическое Я собственной самоактивностью и своим произволом вынимает из себя свою сущность (которая при этом насквозь монистична и в единственном экземпляре) и созерцает ее в своих восприятиях уже как не-Я, как противоположность, изначально не вкладывавшуюся в мононачальное Я и выдаваемую теперь за объективный и материальный мир. Но по сути дела получается, что это лишь одно монистическое Я, само созерцающее свою сущность, свою яйность. Субъективисты пытались преодолеть замечавшуюся тождественную противоположность и ограниченность монистических систем. Подразумевая под догматизмом монистический материализм, Фихте, например, пишет: «Догматизм исходит из бытия как из Абсолютного, и его система поэтому никогда не возвышается над бытием. Идеализм не знает, безусловно, никакого бытия, как чего-то пребывающего в себе... первый исходит из необходимости, второй — из свободы. Оба находятся поэтому в двух совершенно отличных друг от друга мирах».^{1/}

Соломон Маймон (Хейман) еще точнее вскрывает и харак-

^{1/} См. «Антология мировой философии». М., 1971 г., т. 3, стр. 227.

теризует монизм и противоположность этих систем: «Материалист понимает под материей только данное, то, что существует в себе независимо от действий познавательных способностей. Он утверждает, что только существование материи в себе не является модификацией познавательных способностей. Сама же эта способность или само Я есть, по нему, только идея, которой не принадлежит никакое существование. Идеалист же утверждает, напротив, что все существующее есть лишь модификация познавательных способностей, хотя оно и не порождено каким-нибудь действием этих способностей; следовательно, и данное не имеет существования в себе, тогда как сами познавательные способности как условия всякого существования должны существовать с необходимостью, несмотря на то, что мы не можем мыслить эту способность как определенный объект, есть не Я, а нечто, отличное от него; оно есть, таким образом, единственное в своем роде, что мыслится как объект и в то же время не может мыслиться определенно как объект».^{2/}

«А поэтому, — пишет Ф. В. Шелинг, — если действительно существует трансцендентальная философия, то ей остается идти лишь... исходя от субъективного как от первичного и абсолютного и показывая, как отсюда возникает объективное».^{1/} А натурфилософия, по его мнению, должна брать за основу объективное и выводить субъективное.

Но недостаточно заметить затор, образовавшийся в философском познании. Необходимо правильно уяснить сложившуюся гносеологическую ситуацию и прогрессивно ее преодолеть. А субъективисты, хотя местами и проявляли элементы плодотворного мышления, но это все та же диалектика вытягивания противоположности из мононачала: из одного Я пытаются вывести не-Я и вступают в конфликт с формальной логикой своими утверждениями, что Не-Я такое, что оно есть и не есть, т. к. в сущности оно есть только Я и есть только оно. Вот образчик этой логики у Фихте: «Я духовное, чистый разум и Я — это тело в телесном мире совершенно одно и то же, только рассматриваемое с двух сторон и воспринимаемое двумя различными способами: первое — чистым мышлением, второе — внешним созерцанием».^{2/}

Эта же логика и у Гегеля: из понятия в себе он произ-

^{2/}. Там же, стр. 401.

^{1/}. См. «Антология мировой философии», М., 1971 г., т. 3, стр. 249.

^{2/}. См. там же, стр. 234.

вольно творит понятие как для-себя-бытие и видимость, а затем произволом своего творящего мышления возвращает понятие как для-себя-бытие внутрь самого себя, т. е. в первое состояние понятия, внутрь понятия в себе, получая, таким образом, развитое, де, состояние понятия в себе и для себя.^{3/} Этим приемом он и получает возможность для фиктивного выведения материи из идеи и для столь же фиктивного объяснения дуализма в реальной действительности — наличия материального и идеального.

Этим же логическим приемом он выводит из одного множественность. Гегель пишет: «Одно», следовательно, не способно становиться иным; оно неизменно». ^{4/} А выведение изменения «одного» в иное Гегель получает посредством фиктивного и логически неестественного расщепления этого «одного» на стороны соотношения этого «одного» с самым собой: «Одно, — пишет Гегель, — отталкивает от себя лишь само себя, оно, следовательно, не становится, а уже есть». ^{5/} Чуть ниже на этой же странице он пишет: «Одно», отталкивая само себя, остается соотношением с собой, как и то «одно», которое с самого начала принимается за отталкиваемое». ^{6/} И в результате такой вот логики Гегель выводит такое: «Иначе говоря, множественность «одного» есть собственное полагание «одного»; «одно» есть не что иное, как отрицательное соотношение «одного» с собой, и это соотношение, стало быть, само «одно», есть многие «одни».» ^{1/} Какая «изумительная» логика, выворачивающая мозги наизнанку! Какой «корифей» ее автор! Какой «гений»! Вот какую «логику» вымучивают, лишь бы сохранить монизм. И эту «диалектику» переносят и в монистический материализм?!

В моноидеализме: «...понятие в своей формальной абстрактности оказывается незавершенным и через диалектику, имеющую свое основание в нем самом, переходит к реальности так, что производит ее из себя, а не так, что возвращается к некоторой готовой, найденной в противоположность ему реальности...». ^{2/} А в мономатериализме: материя... через диалектику, имеющую свое основание в этой же материи, переходит в такое понятие, считающееся на

^{3/} Гегель. Соч., 1929 г., т. I, стр. 142.

^{4/} Гегель. «Наука логики». М., 1970 г., т. I, стр. 232.

^{5/} Там же, стр. 236.

^{6/} Там же, стр. 236.

^{1/} Гегель. «Наука логики». М., 1970 г., т. I, стр. 237.

^{2/} Гегель. «Наука логики». М., 1972 г., т. 3, стр. 26.

словах идеальным, которое производится материей из самой себя и только и является формой, свойством или функцией особого существования особо организованной и развитой материи и только, а не так, чтобы материя отображалась в своей противоположности, фактически, а не фиктивно, имеющейся в реальности наряду с материей, ибо, де, в мире нет ничего, кроме одной материи и только, — ибо монистический материализм стремится сохранять монистическим в своем фундаментальном начале, подобно монистическому идеализму.

И смешно, и удивительно, что многие гегельянцы различных времен и оттенков (в том числе и мономатериалистического цвета) принимают эту логику всерьез, как науку развития реальной действительности и понятий, как логику в чистом виде. Вспомните сказку: Ах, какая вязь, какие кружева! Ах, тонкая какая ткань! Лишь очень умные и высокоученые могут видеть ее и по достоинству оценить! А невышколенный в лъстивом духе мужик брякнул очевидную правду напрямик: а король-то голый!

Право же, такая «логика» является хорошим средством для проверки людей по вопросу о том, кто из них способен не иметь своего мнения или отказываться от него и без возражений принимать мнение, проповедующееся данной философской системой? — хорошо ли данный человек гнется? — покорный ли его ум?

«Логике Гегеля нельзя применять в данном ее виде, нельзя брать как данное. Из нее надо выбирать логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей: это еще большая работа».^{1/} Для этого следует добиваться не только того, чтобы мыслимое было несомненно истинным, но и весь процесс реального мышления при этом должен быть так естественным, логически стройным, логически истинным, так отчетливо естеством процесса мышления и мыслящегося смыслового содержания обусловленным и сопрягаемым, чтоб обеспечить прогрессивное развитие этого же мышления и производящихся им результатов познания на существенно новый уровень, и в результате произвести новую СНОЗ, истинно и исчерпывающе вглубь отображающую и объясняющую зачатие, суть, развитие и возможности познаваемого. «...Нам непременно надо и общее обнять и человека, увидеть цель и выяснить причину» (Поэт Ю. Марцинкявичюс, «Миндаучаса»). А для этого необходимо мыс-

^{1/} В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 29, стр. 238.

лить не только диалектически, достаточно всесторонне, глубоко, пронизательно, напряженно и полно, но и так, чтоб и принцип материалистичности в началах, принцип истинности смыслов и состава начал в начале, в ходе и в результатах мышления выполнялся.

Требование принципа диалектичности мышления, берущегося в недовыясненном смысле, в отрыве от принципа истинности смыслологии, ведет мышление к чисто произвольным преобразованиям смыслологического содержания мысли, не дает опоры мышлению для получения истинных результатов и критерия для правильной интерпретации полученных результатов. Истинно диалектическое мышление должно выработать такие логические операции, приемы, методы, правила и т. п., которые, в отличие от аналитических умозаключений в формальной логике, должны обеспечивать умопроизводство, синтетическое приращение нового знания, форма и содержание которого должны находиться в таком отношении к форме и содержанию исходных положений, в каком находятся и отношения развитием произведенного к развитию производящему и обуславливающему тех объектов реальности, которые истинно отражаются исходной и производной мыслью. Логика мышления не имеет иного доказательства своей состоятельности, как доказательство правильной, корректной выводимости истинного нового производного знания из истинного исходного, как доказательство того, что именно применение этой логики приводит разум к такому знанию, когда отсутствует несоответствие между ним и той реальностью, которая отображается в этом знании. «Диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот»,^{1/} — верно писал В. И. Ленин. Учитывая то, что смыслы понятий и суждений изменяются и развиваются не сами по себе, а людьми, чему материалисты возражать вроде бы не должны, следует смелее творчески развивать, уточнять и обновлять смыслологическое содержание уже применяющихся и новых понятий, словосочетаний и формулировок, доводя составы и структуры их элементов до возможного наиполнейшего, наиглубшего, наиподробнейшего и нанточнейшего соответствия с соответствующими элементами и структурами в отображающейся в них реальной действительности. А потом, при достижении такого соответствия, сохранять их неизменными или изменять в них то и так, что и как сохраняется или изменяется в реалии, отображающейся ими.

^{1/} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 178.

А не заниматься выдумыванием и подгонкой объяснений соответствующих вопросов или фрагментов реальной действительности под соответствие с ранее придуманными и принятыми идейными концепциями и догмами, утратившими свои (или не достигшие максимально возможного) преимущества в истинности и в прогрессотворности.

Существенные элементы истинностворной диалектики развития абсолютной идеи, Гегелем объективированной, следует использовать, применять в качестве соответствующих элементов для дальнейшего прогрессивного развития гносеологии при помощи принципа наибольшей истинности смыслологического содержания начал и производных результатов мышления, в том числе и ценою освобождения от ограниченностей и нелепостей, несуразностей правил, приемов и результатов «выведения» при помощи монистической логической формы.

IV

Так есть ли что в реальности, кроме материи? и есть ли такое, что не было б материальностью, а являлось бы прямой и полной противоположностью материального, смысл которого также из-за этого должен уточниться?

В связи с тем, что знание о материи получило более полную и глубокую разработку в материалистической философии, то целесообразно будет вновь обратиться к уяснению определений понятия материи, чтоб опираясь на это понятие искать или произвести, сотворить истинное смыслологическое содержание этого понятия и его противоположности. И в самом деле, имеется ли в человеке и вне человека что-либо такое, что прямо и полно противоположным образом отличается по своим свойствам или по их отсутствию от материального? Вроде бы что-то есть?! Ведь можем же мы произвольно прекратить или изменить переживающийся, представляющийся нами образ?! А вне нас ведь тоже что-то есть такое, что позволяет нам получать ощущения и восприятия от вне нас и вне непосредственном соприкосновении с нами находящегося, — такое, что детерминированно ограничивает и меняет наши ощущения и восприятия и ими формирующиеся образы, фигуры и пр.?! Ведь не созерцаем и не ощущаем же мы все, всегда, без перерывов и повсюду?! И с другой стороны, ведь созерцаю же я вот сейчас через окно отображение поверхности соседнего дома, хотя он и на расстоянии!

Ведь В. С. Тютин, например, выражает, правда робко и

в рамках монистической логики, какую-то смутную догадку, что «по своей природе отображение, образ, информация, значение, теория и т. д. представляют разнообразные отношения упорядоченности элементов, соответствующие упорядоченности элементов оригинала. Носителями этих отношений являются материальные процессы и состояния».^{1/} Значит, кроме материи, все-таки что-то есть? «Строго научное, корректное введение понятия «идеального» возможно тогда, когда упорядоченность любых отношений, характеризующая определенность вещей, каким-либо способом выделяется носителями отношений».^{2/} А далее Тюхтин впадает в заблуждение, говоря, что «Но отделить отношения от вещей чисто физическим способом невозможно...».^{3/} Как же так?! Ведь я, и Вы, и каждый из нас видит или представляет в себе отображения вещей, находящихся вне и далеко от нас, — отображения, фиксирующие собой отношения элементов этих вещей?! Реальные вещи сами на каждом шагу отделяют от себя отношения своих элементов, давая нам знать о себе и на расстоянии, а Вы говорите, что в науке этого сделать нельзя?!

Трудность здесь не только в том, что идеальное, как это будет раскрыто ниже, противоположно во всем по отношению к материальному, а значит и в том, что раз материальное предмета познания ощущается, то идеальное этого же предмета познания позволяет воспринимать его отображения, что мы еще выясним, рассматривая сущность материального, идеального и форм отображения в развитии. Но трудность еще и в господствующих предрассудках, закрепившихся в общественном мнении. Нет ничего опаснее для новой истины, чем старое заблуждение, писал Гете.

V

Познание вообще и философское познание в особенности в ходе своей истории стремились познавать реальность со всеми ее слагаемыми: не только объективный мир, но и то, что познает его, и то, чем познается он, объективное и субъективное, — все и всякое то, до чего доходил разум человеческий. Особенность ситуации на данном этапе изложения состоит в том, что для нахождения, для открытия, для исследования и всевозможного выяснения тех всеобщих из-

^{1/} В. С. Тюхтин, «Отражение, системы, кибернетика», М. 1972 г., с. 207.

^{2/} Там же, стр. 208.

^{3/} Там же, стр. 208.

начальных начал, на которых фундаментируется вся реальность и все в ней имеющееся, мышлению желательно было бы сразу применять наиболее эвристичную, точную и дающую максимально возможные ясность и отчетливость существенно обновленную логику, новации которой, однако, еще не изложены, не сформулированы, не выяснены читателем в чистом виде, не опробировались, не отшлифовались, не вычистились в практике его мышления. Эта ситуация обусловлена тем, что, во-первых, изложение все же отличается от самого процесса исследования, т. к. прежде чем решиться излагать все то, что здесь излагается, приходилось многократно пробегать, промышлять все в мышлении, еще не связанном процессом изложения. «Начало в изложении — это первоначало для него, а не для мышления».^{1/} Во-вторых, и это главное, это обусловлено тем, что новации логики в принципе не могут быть выведены логически из уже известных нам логических идей, т. к. они обосновываются и оправдываются не выводимостью из уже известных логических идей, а тем, что они ведут разум, ими руководствующийся, к существенному прогрессу в познании, тем, что посредством их мы будем вскрывать по возможности исчерпывающе (по глубине, по полноте, по многосторонности и по окончательности) и истинно познавать элементарно-структурные и причинно-следственные механизмы развития познающихся нами реалий и возможностей верьирования возможных особенностей и последствий их развития. И стремиться к этому следует невзирая даже на то, что от того, что мы будем то, что и какое есть, узнавать и выражать так и таким, как оно есть, узнаваемое и выражаемое иногда будет казаться уже известным, поверхностным или тривиальным, ибо истина, подобно солнцу, одинаково освещает и храм Вселенной и дворцы, и человека и собаку, и хризантему, и клоаку. К тому же, новая смыслология должна показать свою пригодность включать в себя и истинно отображать и все то истинное знание, которое человечеству уже известно и на самом деле является истинным. И не будем заботиться о том кажущемся глубокомыслии, которое достигается часто тем, что то, что есть — выражают так, как оно не есть, как это отмечал Л. Фейербах, и о красноречии ценою ущерба истинности, «...Если только... не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду,... — говорил

^{1/} Л. Фейербах. Соч., М.—П. 1923 г., т. I, стр. 16.

Сократ, — ...Я буду говорить просто, первыми попавшимися словами... И еще прошу обращать внимание только на то, правду ли я говорю или нет;...»^{1/}

Ныне использующийся смысл материального, как одной из противоположностей реальности, мы предварительно уяснили благодаря ленинскому определению. Необходимо уяснить или открыть истинный смысл ее противоположности, т. е. идеального, ныне использующееся смысловое содержание которого настолько запутанное и спорное, что можно сказать, что оно еще неизвестно.

Гносеологический урок для выявления эврикотворного приема познавательного мышления мы можем извлечь из истории реального развития философского знания и из того результата, который зафиксирован в двух взаимоотноственнопротивоположных системах, развивавшихся под влиянием взаимодействия, борьбы и того единства, которое обусловлено тем, что обе эти системы изучали одну и ту же реальность односторонне, только с разных сторон и частично разными методами, подходами. При чем, одна из них больше изучала объективную реальность, а другая — субъективную. Домарксистское материалистическое естествознание вскрыло факт развития реальной действительности во всех ее формах, после чего идеализм не мог уже достаточно успешно конкурировать без выработки той специфической логики-диалектики объяснения развития всего многообразного в мире из одной верховной монистической абсолютной идеи, что и сделал Гегель. Но затем эта гегелевская логика-диалектика развития знания была частично усвоена и марксизмом-ленинизмом. Так что налицо факт единства и борьбы, взаимовлияния и взаимообогащения не только через конкуренцию в идеологической борьбе, но и через обмен достигнутыми результатами познания. Истинные и прогрессотворные результаты должны быть сняты из обеих этих монистических систем (и не только этих), полученных как каждой из них в рамках своей системной смыслологии, так и в результате взаимной конкурентной борьбы, исторического сосуществования, единства и взаимообогащения. Но т. к. «Противоположность между марксизмом и теми учениями, которые были его источниками, показывает, что теоретическая преемственность, как ни велико ее значение, составляет все же лишь один из основных элементов

^{1/}. Платон. Сочинения в трех томах. М. 1968 г., т. I, стр. 83—84.

того сложного творческого процесса, результатом которого является качественно новая теоретическая система».^{1/} и т. к. поиски истинного смысла в определении идеального у предшественников и у современников не дали удовлетворительных результатов, а обнаружить его ощущениями не удастся (возможно в чем-то и правы те, кто говорит, что идеальное чувствам не дано), то дерзнем применить новый прием мышления, который вырисовывается и уяснение которого уже почти созрело для этого. Применим такой прием творческого мышления, в результате которого удастся доделать то выпротивоположение смыслов материального и идеального, которое уже делало, но еще не доделало реальное развитие истории познания с единством, взаимозависимостью и борьбой своих разных и взаимопротивоположных научно-объяснительных систем: произведем, придумаем, додумаем, сотворим новый смысл, противоположный тому исходному смыслу, на который при этом опираются и который сам при этом изменяется и уточняется.

Для этого следует нам опираться на относительно достоверный смысл понятия материального, в познании чего имеется больше успехов. А полученный противоположный результат свяжем с термином «идеальное». Истинность обоих этих понятий, по новому переосмысленных, установим потом, по результатам полученного производного знания и практики. Во исполнение этого и произведем логическое действие выпротивоположения уточнительно измененного смысла категории «материя», сопоставление и анализ логической формы и содержания полученных результатов.

§ 2. Предварительные определения материального и идеального

«На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей».^{2/}

Так как в познании того, что называют материальным, имеется больше успехов, чем в познании того, что называют идеальным, то сотворим, придумаем, творчески произведем такой новый смысл категории «идеальное», который

^{1/} Т. И. Ойзерман. «Эмпирическое и теоретическое: различие, противоположность, единство». Ж. «Вопросы философии», № 1, 1986 г., стр. 78.

^{2/} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

будет прямой и полной противоположностью по отношению к тому несомненно достоверному и самому отчетливому, ясному и существенному в смысловом содержании категории материальное, что мы ради достижения этого в нем выберем, соответственно уточним и обновим и на что мы в нем будем опираться при этом сотворении методом взаимопротивоположения. Истинность так полученных новых взаимопротивоположных смыслов обеих этих категорий установим нахождением в реальной действительности им соответствующих, точно в них отображающихся реальных.

1. Материальным называется все то в реальной действительности, в чем имеется хоть что-нибудь.

(1). Идеальным называется все то в реальной действительности, в чем не имеется ничего.

В Это предварительные и самые общие (с минимальным позитивным содержанием) определения, нуждающиеся в дальнейшем уяснении, уточнении, развитии и в подтверждении на истинность, в интерпретации. Первичность или примат смыслового содержания любой из этих двух категорий по отношению к другой из них в этих определениях не предопределяется. Смысловые содержания их так взаимопротивоположны, что смыслом идеального прямо и полностью отрицается смысл материального и наоборот. Смысл материального определяется не так, что если что-то есть, то оно и поэтому оно и есть материальное, а так, что если что-то есть и имеет в себе хоть что-нибудь, то оно и поэтому оно и есть материальное. Мир или атом материальны тем и потому, что они хоть что-нибудь, да имеют в себе. И смысл идеального определяется не так, что если чего-то нет, то оно и поэтому оно и есть идеальное; а так, что если что-то есть и ничего в себе не имеет, то оно и поэтому оно и есть идеальное. Вывести эти смыслы из чего-то им предшествующего нет возможности, т. к. речь идет об абсолютных всеобщих началах состава и развития реальности и логики развития мышления, которые могут быть обоснованы и оправданы лишь истинностью мышлением производящегося из них последующего знания. Более первичного, чем эти начала, в реальности ничего нет; так что и выводить их нет из чего. Каждый легко может выяснить и убедиться в том, что если его мышление реально начинает мыслить и мыслит хоть какой-нибудь смысл, то оно может мыслить его и таким, что в нем хоть что-нибудь да есть (космос, человек, атом, элементарная частица и пр.), и таким, что в нем ни-

чего нет (например, нуль). Следовательно, наше мышление может мыслить и материальное и идеальное в здесь развивающемся и уясняющемся новом взаимоотноположном смысле их (а им соответствующее в реальности, истинно отображающееся ими, мы еще найдем). Но оно не может мыслить материальное идеальным или идеальное материальным (без ясного видения ошибочности такого мышления), т. к. если в мыслящемся что-нибудь мыслится, то ошибочно будет утверждать, что в нем ничего нет. И ошибочно будет мыслить что-то материальное и в это же время это же материальное не мыслить, ибо в таком случае вступают в очевидную противоречивость.

Устраняется возможность и потребность софистически выводить какое-то еще неизвестное идеальное из материального — в качестве «навара» от материи — для объяснений того, что одной материей объяснить не удастся (как это делают руководствующиеся монистической логической формой материалисты с подобной противоположностью тому, как это делают монистические идеалисты, строя на этом почти равновесные взаимоотноположные и заидеологизированные объяснительные системы), и потом утверждать, что и «навар»-то этот материален, т. к., де, в мире была и есть, только одна материя. А идеальное, де, есть ее свойством, функцией (здесь могут употребить и другие слова, но суть та же), т. к. материя, говорят они, не замечая, что мыслят метафизически и вступают в противоречие с диалектикой, для своего существования, по крайней мере в простых своих формах, в идеальности не нуждается. А то не смущает их, что в сложных ее формах явно обнаруживается еще что-то, не поддающееся объяснению без противоположности материальному, над чем мыслители ломают головы до сих пор, что остается загадкой, убежищем незнания и опорой реакции в идеологической борьбе. Но если оно обнаруживается в сложных, развитых формах, то какие есть доказательства тому, что оно отсутствует в тех началах, с которых все и начинается?

Если же за начало системы научного объяснительного знания (=СНОЗ) брать только одно единственное себе тождественное и без каких-либо различностей, инакостей и противоположностей, то инакости, различия, многокачественности и противоположности реальной действительности необходимо выводить из этого насквозь монистического начала, без инакостей в нем и вокруг него, — чтоб правдо-

подобно объяснить таковую реальную действительность, каковой она есть. И это пытаются сделать «логикой» мысленного вытягивания, «логикой» представления о выскакивании из монистической смысловой сути исходного понятия ее противоположности. Но для истинного отображения реальной действительности нужна логика не софистического, не алогического вытягивания, квазивыведения, а рассмотрения истинных взаимоотношений, ролей и процессов взаимодействия всех тех иначе, различий и противоположностей предмета познания, которые в нем или в вокруг него есть, — умозрительного рассмотрения и истинного познания всего того, из чего и от чего он на самом деле начинается, есть, существует, изменяется, развивается и гибнет. А для этого (и до этого, перед этим) мышлению необходимо признать изначальную наличность всех тех противоположностей и иначе, которые на самом деле изначально имеются или появляются и опричинивают и обуславливают составление, акты зачатия, изменения и развития предмета познания или как-то участвуют во всем и при всем этом. А в ныне господствующих СНОЗ (монистический идеализм и монистический материализм) с монистической логикой объяснительного знания утверждается, всячески доказывается монистичность начала, а потом вымучивают из него квазипротивоположность.

Но нам еще предстоит познавать и необходимо познать и мы познаем то, как и какую роль они, реалии и понятия материального и идеального в новом здесь развивающемся их смысле, выполняют в источниках, причинах и движущих силах существования и развития сущего реальности, в проявлениях и в развитии нашего мышления, и в развитии познания и знания, — предстоит истинно познать природу, суть и возможности понятий и всех прочих форм человеческой способности познания; необходимо истинно познать процесс познания и получения человечеством наипростейшего и первого элементарного знания в ходе его развития из неживых элементов реальности и развития его познавательных способностей; необходимо все это познать и овладеть этим знанием.

Аксиома софистической диалектики «Есть А и не есть А» меняется на аксиому истинной диалектико-материалистической логики «есть А и есть такое не-А, которое является прямой и полной противоположностью А»,

— меняется на аксиому, которая, будучи выведена за скобки нынешней формальной логики с запретом противоречивости мышления (аксиома которой, выражаясь словами М. В. Ломоносова, «Одно и то же не может одновременно быть и не быть»^{1/}) становится согласующейся с последней и позволяет ей функционировать и своим запретом противоречивости очищать мышление от неправильностей, противоречивостей и заблуждений, ошибок. Ведь можно сколько угодно утверждать, что если есть А, то оно есть, и неверно, что в это же время в этом же месте и в этом же смысле его нет, и что если есть не-А, то оно есть и т. д. Но если мышление мыслит А и стремится познать его истинно и до всех возможных пределов познания, то оно должно использовать для этого все свои способности, в том числе и способность мыслить и истинный смысл А и истинный смысл не-А (и материальное и идеальное), ибо без мышления истинного смысла не-А, без использования способности и опоры на способность мыслить и истинный смысл идеального мышления невозможно истинно познать А (материальное) во всей его цельности, полноте, разграниченности и всесторонности, что в дальнейшем еще будет разъясняться. И при этом под не-А здесь имеется в виду не противоречивое отрицание А, т. е. не «все что угодно, только не А», и не метафизическое, не зрящее отрицание его без позитивной мыслимости ему противоположного смысла, а тождественная по форме и уровню мысль, имеющая смысловое содержание, прямо противоположное по отношению к мысли А, отображающая с последней целостность, полноту и разграниченность существующего, со всеми в нем имеющимися противоположностями, различностями и тождественностями.

Таким образом, речь идет о новом приеме мышления, усилениями которого производится новое смысловое содержание. Здесь мы имеем дело с непосредственным смыслопроизводством реального мышления, которое существенно отличается от непосредственных умозаключений (обращение, превращение и противопоставление предикату) и от силлогистических и прочих умозаключений по правилам формальной логики.

Это по существу есть эврикотворный прием реального процесса мышления, при достаточно длительном и напряженном и верном усилии дающий приращение нового смыслового содержания. Изложить анализирующийся логический

^{1/} См. «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 723.

прием выпротивоположения в качестве следствия из каких-нибудь предварительных исходных положений нет возможности, т. к. речь идет об открытии абсолютно истинных фундаментальных смысловых начал мысленного развития смыслового содержания, отображающих из донной глубины вызывающееся саморазвитие реальности, которые могут быть обоснованы и оправданы лишь истинностью знания, производимого мышлением в результате мысленной обработки этих смысловых начал в соответствии с ихним смыслом вызывающейся и обуславливающейся логикой, — лишь соответствием развивающегося при этом в мышлении смыслологического содержания с той самой реальностью, которая им отображается, — следовательно, лишь в итоге всего последующего изложения.

В формальной логике из исходного суждения (или другой какой-либо формы мысли) путем соответствующего логического преобразования (перестроения посылок и их частей) выводят следствие с таким содержанием, которое уже содержалось в исходных мыслях, но было скрыто, не ясно выражено. Здесь же мышление ориентируется на произведение нового знания тем, что к логической структуре одного и того же положения необходимо найти или придумать два взаимно противоположные смысла, умонаглядных представлений.

И если закон противоречия формальной логики якобы гласит, что «не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении»^{1/}, (а как быть с положительным и отрицательным зарядом в атоме, если противоположность мыслить так, как ее определяет Н. И. Кондаков на 422 странице указанного словаря?), то закон истинно диалектического противоречия следует мыслить так, что не могут не быть одновременно истинными два взаимопротивоположные и находящиеся в единстве смысла, которые истинно отображают то в одной и той же реалии, такие взаимопротивоположность и единство чего в ней и образует это диалектическое противоречие, являющееся источником и причиной существования, изменения и развития ее.

Выполнением приема выпротивоположения мышление направляется в своих усилиях на то, чтобы избежать одно-

^{1/} Н. И. Кондаков. Логический словарь. М. 1971 г., стр. 425.

сторонности под влиянием движения лишь туда, куда влечет неразмышляющее чувство, и чтобы разумом творчески производить, развивать в себе истинное знание о реальном предмете во всей его целостности и полноте, т. е. и о том в нем, что познается лишь мышлением. Если в объективной реальности диалектическое противоречие, составляемое единством противоположностей, является причиной, двигателем, активатором ими составляющегося, а управляется движение обстоятельствами условий среды, то в мышлении все это оборачивается: двигателем, активатором для смыслового содержания являются соответствующие мыслительные усилия мыслящего субъекта, а диалектическое противоречие как логическая форма, правило, прием мышления, результат поиска и творческих усилий мышления, дает направление этим усилиям, играет роль луча света или компаса для мышления, без чего оно, как нам известно, может долго блуждать во тьме чувствам недоступного, склонно впадать в заблуждения именно из-за как-бы «невесомости», из-за ничем не ограничивающейся и не направляющейся произвольной свободы смыслового творчества, из-за ситуации отсутствия истинностворных опор и фиксаторов в процессах смыслологического творчества, что приводит к тому, что мыслители перестают знать, что они отображают в измышлениях и примыслах полученных смыслах.

Вот признания, подтверждающие это: «Теоретический аппарат, созданный Максвеллом, Эйнштейном, Шредингером, Дираком и усовершенствованный их последователями, по-видимому, исчерпал себя. Более того, этот аппарат в течение целого ряда десятилетий надежно заменявший недостаточно четкие физические идеи вычислениями, привел к тому, что физики потеряли бдительность. Увлеченные поисками новых уравнений, нового формализма они слишком часто стали пренебрегать ясностью и строгостью своих выводов. Это не опасно, когда теория еще только создается, но, когда проходят десятилетия, а теория по-прежнему упорно сохраняет все недостатки своего полунинтуитивного и далеко не совершенного в логическом отношении первоизложения, такое положение нельзя считать нормальным».^{1/} Атом превратили в непонятный остов для привязывания к нему математических формул, пренебрегают отчетливостью, понятностью и ясностью смыслов атом отображающих понятий. Пренебрегают

^{1/} Ю. И. Кулаков. «Структура и единая физическая картина мира». Ж. «Вопросы философии», № 2, 1975 г., стр. 17.

здравым смыслом. Даже смысл понятия материя запутали и не опираются на него. Все это является результатом, последствием управляющего воздействия на познающее мышление стиля мышления, устойчивой фундаментальной основы ныне господствующих гносеологии и СНОЗ. Необходим выход в новую СНОЗ, построенной на совершенно новых основаниях. «...С годами теоретическая наука становится все сложнее, вернее, обрывает все большим количеством индексов (о затемняющей смысл «вакханалии» индексов говорил еще Картан), то всегда остается надежда, введя достаточное количество подгоночных параметров, все-таки заставить упрямый факт согласиться со старым принципом. Следуя такой идее, можно объяснить все. Все и в то же время ничего, потому что не привносим ничего непосредственно не следующего из фактов, а всего лишь упражняемся в нахождении экономной универсальной записи данной группы фактов, потом еще более широкой группы (что требует добавления новых индексов и новых подгоночных параметров) и т. д. всю Вселенную пытаемся втиснуть в какую-нибудь универсальнейшую из мыслимых записей. Неважно, что число подгоночных параметров при этом становится очень большим. Вспомним, однако, безумцев..., которые не только исходили из известных им фактов, а, используя свою фантазию, выдвигали и исследовали гипотезы, прямо-таки противоречащие установленным теориям».^{1/}

Гегель наделил свою идеалистически-монистическую идею свойством саморефлексирования, фиктивного самораздвоения изначально одного в свою фиктивную противоположность — для правдоподобного объяснения сущностного состава и развития на самом деле немонистической реальности. Мы же не наделяем подобным свойством идею, смысл, мыслимое нашим мышлением, а применяем прием выпротивоположения в качестве правила для ориентации творческих усилий нашего мышления в открытии, в произведении и уяснении смыслов, равнозначительных и прямо и полностью взаимопротивоположных, с тем, чтобы ими лучше, более глубоко, полнее и истиннее отобразить начала реальности и развитие ее из ее начал.

Гегелевская Абсолютная идея рефлектирует из себя и себе самой материю как свое инобытие. Мы же, опираясь на

^{1/} К. П. Станюкевич, С. М. Колесников, В. М. Московкин. «Проблемы теории пространства, времени и материи», Атомиздат, М., 1968 г., стр. 170—171.

истинное знание одной противоположности, будем творчески измышлять смысловое содержание второй противоположности того же предмета, знание которой до этого еще не прояснялось, и тем самым будем двигать развитие знания к наибольшей отчетливости, ясности, полноте, всесторонности, истинности и окончательности в познании реальной действительности. Следовательно, смысл идеального формируется, руководствуясь смыслом материального, так, чтоб получить два прямо и полностью взаимопротивоположные смысла, хотя бы один из которых по своему смыслу был бы истинным. При этом оба смысла в своем движении, развитии к состоянию прямой и полной взаимопротивоположности по отношению друг к другу получают возможность уточняться и приближаться к абсолютной истинности своего содержания.

Однако это лишь предвосхищение, — подробности будут впереди. Увеличивать глубину размышлений на данном этапе изложения будет преждевременно, т. к. читателю при этом, в отличие от автора, еще не известно многое из последующего. Продолжим рассуждения с целью дальнейшего уяснения и определения таких взаимопротивоположностей, как материальное и идеальное, с целью произведения прогресса научного познания и истинности его результатов.

§ 3. Нечто и ничто как определяющие материальное и идеальное

I

Начинать необходимо с предельно простого, ясного, отчетливого и достоверного; а это присуще именно категориям: материальное как нечто и идеальное как ничто.

2. Материальное — это всякое нечто, которое есть такое, какое есть на самом деле в реальности, и которое наличием в себе хоть какого-нибудь своего содержания прямо и полностью противоположно идеальному ничто. VB

(2). Идеальное — это всякое ничто, которое есть такое, какое есть на самом деле в реальности, и которое отсутствием в себе хоть какого-нибудь своего содержания прямо и полностью противоположно материальному нечто. VB

Определения 2 и (2) есть дальнейшее развитие определений 1 и (1) предшествующего параграфа; ими определяется и выражается смысловое содержание двух понятий об абсолютно первых и всеобщих началах каждого и всякого сущего реальности, прямо и полностью взаимопротивополож-

ных во всем своем содержании, которые составляют собой и завершают состав содержания всякого целостного и отграниченного от иного сущего как его существенные противоположности, с началом или с концом совместного наличия которых в нем неразрывно связана начинаемость или оканчиваемость всякой качественности, имеющейся в реальной действительности и отличной от иной, нечто которой отграничивается от иного нечто посредством ничто или соединяется и отождествляясь сливается с иным нечто, устраняя при этом ничто и от этого как-то движется, изменяется или развивается. Эти определения ориентируют, принуждают мышление мыслить в соответствии с принципом истинности (= максимально достижимой истинности): материальное мыслить таким нечто, каково оно было, есть или будет в реальности на самом деле, а идеальное также должно мыслиться таким ничто, каково оно было, есть или будет в реальности на самом деле. Включая в идеальное только все и всякое ничто, мы исключаем его из материального, а включая в материальное всякое или такое как есть нечто мы исключаем его из идеального. Эти два взаимопротивоположные смысловые начала не могут быть определены как-то иначе: например, через подведение под более общее из-за отсутствия такового, или через экстраполяцию из менее общего, или еще как-то. Такой смысл материального и идеального ведет мышление к тому, вынуждает, направляет его на то, чтобы материальное мыслилось как нечто, которое есть в реальности, и чтобы оно мыслилось таким, каким оно было, есть или будет, а идеальное — как ничто, которое также есть в реальности, и чтобы оно мыслилось таким, каким оно было, есть или будет.

Отметим здесь, что речь идет пока о тех началах, которые необходимо имеются у всякого и каждого существующего в реальности; но в ней может быть нечто, находящееся не в акте существования, а в состоянии потенции к существованию или сосуществованию; и тогда такое нечто может быть без ничто, речь о чем будет идти потом. Ведь возникает то, чего нет, но не возникает то, существование чего невозможно! Невозможно существование и развитие и истинное познание существования и развития реальности из одного начала: из изначально одного-единственного и без инакостей в себе и вокруг себя иное не происходит ни в мышлении, ни в реальности. Поэтому этими определениями и отвергается, устраняется и заменяется монистическая логи-

ческая форма нынешней (старой, антропоцентрической) СНОЗ с ее почти равноубедительными философско-мировоззренческими взаимопротивоположными подсистемами (мономатериализм и моноидеализм), — устраняется и заменяется логика монистического начала и квазидиалектического выведения из него всего последующего объяснительного идейного содержания.

Здесь определены и уясняются пока лишь эти два всеобщие начала реальности: материальное и идеальное. Но вопрос о том, есть ли и другие начала, сколько всеобщих начал в реальности вообще, пока остается открытым. Этот вопрос, как и вопрос о несуществующем в реальности, будет раскрыт в «Логох...», а определяющиеся и уясняющиеся здесь новые смыслы понятий материальное и идеальное берутся за начала для предварительного отображения существующего реальности. Необходимо обратиться к реальности и практически, к живому созерцанию ее, и еще и фактически найти в ней ничто, истинно снять с него смысловое содержание понятия ничто, осмыслить его таким, каково есть ничто в реальности, ввести это понятие в начала логики мышления и знания, как истинное знание реального ничто. И реальное мышление получит свою реальную опору и в сфере понятий, и в сфере отображающейся в них реальности, и в реальном процессе познания.

II

3. Нечто — это то и такое в реальности, что и какое было там, где не было ничто, или есть там, где нет ничто, или будет там, где не будет ничто. Нечто и только нечто материально.

(3). Ничто — это то и такое в реальности, что и какое было там, где не было нечто, или есть там, где нет нечто, или будет там, где не будет нечто. Ничто и только ничто идеально.

Определениями 3 и (3) осуществляется дальнейшее развитие предшествующих определений материального и идеального и разъяснение начального и общего знания о любом реально существующем предмете, познающемся, отображающемся таким, каков он есть на самом деле. Эти определения имеют одинаковую логическую форму и прямую и полную противоположность ими выражающегося и определяющегося смысла. Нечто и ничто, как видим, являются по-

В

лярными противоположностями и равнопервичными. Они образуют собой диалектическое противоречие и для логики мышления, и как знание, которое фиксируется смыслами этих определений, которое необходимо мыслить и которое истинно отражает сущность тех взаимопротивоположностей реальности, которые составляют ее объективное противоречие и каждая из которых есть также следствием отсутствия другой, без единства с которой ничего в реальности не существует. Невозможно доказать, что так взаимоопределяющиеся смыслы понятий нечто и ничто (а следовательно и понятий материальное и идеальное) не являются истинными! Они истинные и логически и фактически! — и по отношению к мыслящемуся, и по отношению к в мыслящемся отображающемуся, познающемуся! Взаимопротивоположность между ними предельно глубокая и прямая; она имеет чрезвычайно важное и существенное значение в онтологическом, гносеологическом, логическом, идеологическом и в любых отношениях. В логике мышления понятия этих двух взаимопротивоположностей играют такое же важное значение, как и их реальные прообразы в реальной действительности. Так, например, когда отрицают нечто, то получают ничто: если это не есть нечто, то оно есть ничто; а когда отрицают ничто, то получают нечто: если это не есть ничто, то оно есть нечто. Эвристичность и прочая роль этого раскрывается в последующем. Роль логики понятий нечто и ничто в познании переоценить невозможно.

III

В

4. Нечто есть то, что хоть что-нибудь имеет в себе как то, что составляет его, и поэтому необходимо его представлять или мыслить протяженным, а называть материальным.

В

(4). Ничто есть то, что ничего не имеет в себе как то, что составляет его, и поэтому необходимо его представлять или мыслить непротяженным. И поэтому оно и не может называться материальным, а называется идеальным.

Естественно, понятно, убедительно и неоспоримо логическое требование к мышлению, выражающееся в определениях 4 и (4), представлять или мыслить нечто как какую-то протяженность, а ничто представлять или мыслить как отсутствие протяженности: ведь если уж в нечто хоть что-нибудь есть, то логически ошибочно будет представлять или мыслить его абсолютно непротяженным, логически ошибоч-

но будет представлять или мыслить его таким, что в нем абсолютно ничего нет, а с логической необходимостью и убедительностью требуется представлять его таким, что в нем все же что-то есть и, следовательно, этим что-то и составляется какая-то протяженность этого же самого его составляющего что-то; а т. к. в ничто абсолютно ничего нет (в противном случае это было бы не ничто, а нечто), то ошибочно будет представлять или мыслить его в виде какой-то протяженности его составляющего и с логической необходимостью и ясной убедительностью требуется представлять или мыслить его таким, что в нем абсолютно ничего нет, а следовательно, абсолютно нечем ему составить хоть какую-то протяженность его составляющего; и тогда единственно верно будет представлять или мыслить ничто как отсутствие протяженности. Сам смысл понятия нечто таков, что требует представлять или мыслить его как нечто протяженное; а смысл понятия ничто таков, что требует представлять или мыслить его как непротяженное ничто. И насколько трудно или невозможно представлять их смыслы иначе или перепутать их, то настолько и этим и обуславливается трудность или невозможность ошибаться в отображении этими смыслами отображающихся реалий предмета познания. Как же ничто называть материальным, если в нем абсолютно ничего нет?! Или: как же нечто называть идеальным, если в нем хоть что-нибудь, но все же есть?!

Не предлагается же представлять те или иные конкретные свойства материи, раскрывающиеся естествознанием, в качестве всеобщих ее признаков, а требуется представлять и мыслить материю как такое любое и самое общее нечто, в котором хоть что-нибудь да есть. Ведь протяженность у нечто как раз и образуется тем, что у него есть свое, ему принадлежащее. А тем, что такое нечто представляется или мыслится протяженным, как раз и фиксируется, и отображается то, что у этого нечто все же что-то есть. И пусть естествоиспытатели открывают или придумывают какие угодно и сколько угодно свойства у конкретных представителей предметов познания (пусть это будет хоть фотон, хоть атом, хоть молекула, хоть живая клетка, хоть что угодно), то этим они и будут доказывать, что в этом предмете познания есть материальное нечто как носитель и проявитель этих признаков, свойств, качества и прочего. Именно этой общностью, точностью и ясностью смысла понятий нечто и ничто и обуславливается интеграционная функция и

эвристичность на них основанной СНОЗ. На возражение, что протяженность заранее и неправомерно, де, приписывается материи, следует ответить: так ведь то, что не имеет в себе ничего, в том числе и протяженности, и есть ничто.

Но протяженность необходимо представлять и мыслить не как ничего не имеющую пустоту (ибо пустота и протяженность — это тоже нечто), а как то, что имеет в себе самом хоть что-нибудь. Можно ли его в таком смысле, когда в нем что-то все же есть, представлять и мыслить абсолютно непротяженным? Ведь если оно абсолютно непротяженно, то оно и есть ничто, а не нечто!

Ничто не есть причина существования сущего и даже не следствие существования сущего, а есть следствие отсутствия хоть какого-нибудь нечто; оно есть там, где нет никакого нечто, и появляется и есть там, где нет и кончается себе тождественная неразличимость качественности нечто, и где нет и начинается иное нечто. Ничто есть ничего не содержащая в себе граница нечто и как таковое и потому есть следствие отсутствия нечто и наличия различимости между таким нечто и не таким нечто, разграничивающимися этим ничто. Ничто по отношению к нечто является такой диалектико-материалистической контрарностью, которая позволяет мышлению отождествлять их различая и различать отождествляя, сохранять противоположность смыслов этих понятий по отношению друг к другу, отождествлять их и соединять до слияния (отождествление, не устраняющее различения взаимопротивоположной сути их смыслов, т. к. от слияния нечто с ничто нечто сохраняет свою себестождественность неизменной). И в результате этого мышление приобретает опору и возможность сопоставлять фиксирующееся им знание (смысловое содержание) с соответствующим предметом познания и получает возможность для выведения нового знания (смысла) или исчерпывающе уяснять имеющееся, получает возможность истиннее отображать предметы познания, реально содержащие в себе противоположные реалии, в том числе и этими смыслами нечто и ничто отображающиеся, взаимодействиями, единством и борьбой которых и обеспечиваются соответствующие состав и проявления соответствующих предметов познания. Это же те начала, общее, предшественное, первичное которым ничего невозможно придумать, нет и быть не может. Все остальное следует из них и после них. Поэтому разум и должен верно уяснить их, понять и принять их, уцепиться и держаться да держаться за

них и руководствоваться ими в своем познании всего следующего.

Нечто и ничто и дают разуму возможность для самоуправления его на верность направления и метода движения к истиннейшему. И опираясь на них найдет разум верного путеводителя по стезям к истиннейшему. Конечно, дуализм так понимающихся материального и идеального следует отличать от дуализма тела и души, глубже и истиннее познать которые еще предстоит. Теперь любой предмет познания может быть убедительно и безошибочно уяснен в аспекте вопроса о том, что в нем материальное и что в нем идеальное.

§ 4. Интерпретация и реабилитация понятия ничто

I

Общественный и индивидуальный опыт прошлого, современная наука и чувственные данные не позволяют нашему разуму сомневаться в том, что в ощущениях данная объективная реальность, противостоящая мышлению и им познаваемая, существует в виде, который наиболее точно выражает современная наука в логике таких понятий как элемент, система, структура, целостность и пр., которые в последнее время широко разрабатываются кибернетикой и структурологией. Однако монистическая логика мышления и здесь (в выше названных науках) ограничивает возможность более ускоренного и более глубокого познания. И без существенного обновления гносеологии больших успехов ожидать не приходится. А если мы займемся уяснением интересующих нас вопросов в уже имеющихся научных текстах, вооружившись при этом ранее изложенными принципами, правилами и определениями здесь развивающейся и обновляющейся диалектико-материалистической логики, то обнаружим, что в этих научных текстах о материи в неосознанном и в неопознанном виде содержатся и идеи о том, что относится к материальному нечто, и идеи о том, что относится к его противоположности, т. е. к идеальному ничто, что вынудит нас многое изменять, уточнять и поправлять, после чего понятийный аппарат структурологии, кибернетики и ряда других наук окажется более эффективным и намного лучше работает в новой СНОЗ.

Мы видим, что реальность существует не в виде одной абсолютно непрерывной и безграничной качественности, не в виде однородного, повсюду равномерно распределенного студне-

образного или какого-то еще там состояния. Неверно также, что она существует в виде множеств абсолютно разрозненных, разобщенных, взаимоизолированных, имеющих абсолютно непроницаемые и пассивные границы дискретных тел, которые не зависят друг от друга, не взаимодействуют и, изначально имея свои качества, не изменяются, не творят новых свойств и новых тел и не превращаются сами в качественно иные тела.

Частицы, атомы, молекулы, вещество, живые организмы, солнечная система, человек и т. д. рассматриваются как относительно самостоятельные, самодвижущиеся и самоуправляющиеся целостные системы, управляющие своими подсистемами (элементами и частями) и сами являются управляемые средой и системами высших уровней. На эту особенность строения реальной действительности обращали внимание давно, но не находили здесь диалектико-материалистических противоположностей, не понимали их истинной сути и роли в реальности и не полностью использовали их роль и возможность в гносеологии.

«Вещь ограничена вещью. — говорит Лукреций, — Воздух вершинами гор отделяется, воздухом — холмы, морю пределом — земля, а земле служит море границей».^{1/} Он видит конечность, разграниченность качественно обособленных состояний материи, а того ничто, той прерывности, которой все прерывается и разграничивается, не видит. Да и видеть его невозможно отдельно и самостоятельно от того, что им прерывается, ибо оно есть ничто. Ведь одна вещь ограничивается другой лишь потому и лишь тогда, когда качественности, наполняющие (вернее, составляющие) протяженность этих вещей, прерываются посредством ничто, когда есть переход качественности одной вещи к качественности другой вещи через ничто. Спрашивается, можно ли такое ничто игнорировать или отождествлять его с материей, которая им прерывается? Нет, конечно, не можно!

Ничего идеального (противоположного материальному) не видят и те, кто изучал и изучает мышление, ибо взоры их были и до сих пор остаются отвернутыми от существования реальности в ее низших формах, а идеальное искали и ищут лишь в сфере психологии и сознания. «Возьмем сложное химическое тело. Это тело может существовать, как таковое, лишь благодаря уравниванию отдельных атомов и групп

^{1/} Лукреций. «О природе вещей». Изд. АН СССР, 1946 г., т. I, стр. 63.

их между собой и всего их комплекса с окружающими условиями. Совершенно также грандиозная сложность высших, как и низших организмов, остается существовать как целое только до тех пор, пока все ее составляющее тонко и точно связано, уравновешено между собой и с окружающими условиями».^{1/}

Но как возможна эта сложная и тонкая уравновешенность и многое другое — до сих пор оставалось тайной и из-за отбрасывания идеального ничто в началах и из-за непознанности всех глубинно-всеобщих начал реальности. Даже кибернетика, теория информации, структурология и прочие новинки современного познания хотя что-то здесь и нащупывают, но не схватывают, — и в основном из-за недоразвитости логики и методологии познания. Что ограничивает, прерывает поступающее нам в ощущениях? Что позволяет нам ощущать в нас и вне нас находящееся реальное? Что обуславливает границы объективно существующему и существующему в ощущениях, в знании и в познании субъекта? Может ли быть что-нибудь (какое-нибудь нечто) без его прерывающего ничто? А может ли быть ничто без нечего?

И Джордано Бруно и многие до и после него размышляли над началами Вселенной, и как только приходили к выводу, что взятое мышлением нечто осмысливается как ничто, оставляли этот важный результат мышления лишь потому, что он мыслится как ничто, лишь потому, что он не мыслится как нечто. Трудно перечислить мыслителей всех времен, которые отбрасывали ничто или отбрасывали от него свое мышление только потому, что не могли представить себе его реальный, истинный смысл. А ведь этот смысл очень прост, ясен и чуть ли не очевиден. Посмотрите-ка, читатель, на краешек стола и задайте и продумайте вопрос: чем кончается дерево, заполняющее собой протяженность тела стола? Воздухом? Ну а что есть там, где кончается стол и начинается воздух? Ничто! Прерыв качественных обособленностей! Может ли одно качественно самоопределившееся или мыслью определенное нечто сосуществовать с иным нечто без наличия между ними такого ничто, которое приканчивает собой одно нечто и начинает другое, которое прерывает их собой как уже не то и еще не се? как не се и не то? Нет, не может!

^{1/} И. П. Павлов. «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Медгиз, 1951 г., стр. 14.

II

Диалог

— Ты видишь этот листочек? — спросил я собеседника, показывая ему сорванный с березы свежий и молодозеленый листочек.

— Вижу! — уверенно ответил он.

— А чем он окружен?

— Воздухом! — отвечает собеседник и подумавши добавил: — Если, конечно, не считать того, за что ты держишь его пальцами. Или скажу так: он окружен воздушным пространством, включающим в себя все то, из чего оно состоит.

— Хорошо и верно ты отвечаешь! — говорю ему. — Но может ты что пропустил? Может там что-то еще есть?

— Да я же не знаю всего того, из чего состоит окружающее этот листочек воздушное пространство!? Там и атомы, и фотоны, и полевое состояние материи, и... Кто знает, что там еще есть? Даже лучшие ученые еще всего не знают и все еще продолжают изучать и спорить о том, что такое пространство, материя, и прочее, и прочее... Во всяком случае, как бы ты мне голову не морочил, я не ошибусь, видимо, если скажу так: там есть все то и такое, что и какое там есть на самом деле! А что имеешь в виду ты?

— О, так сказавши, ты не ошибаешься! Но я спрашиваю тебя: есть ли что-то между всем тем, что составляет собой все, принадлежащее листочку (какое б оно ни было, но которое принадлежит ему и следует за ним как бы он ни мотался и ни купался в игривых волнах ветерка), и всем тем, что составляет собой все то, что принадлежит не листочку, а тому, что этот листочек окружает, независимо от того, знаем или не знаем мы все это составляющее и какое оно?

— Да это же и козе понятно, что кроме принадлежащего листочку и не принадлежащего ему нет больше ничего! Ведь за всем тем, что принадлежит листочку, располагается все то, что ему не принадлежит! И головой ручаюсь тебе, что рассуждая так мы никакой ошибки не допускаем!

— Очень хорошо ты сказал, но голову побереги, она еще пригодится, — говорю я ему и спрашиваю: — А есть ли что между тем, что принадлежит листочку, и тем, что ему не принадлежит?

— Ох, какой ты дотошный! Да нет же там больше ничего и быть не может, при условии, конечно, что разделенность того от другого проведена тщательно, до конца и полностью,

т. е. если ничего еще не осталось такого, которое было бы между принадлежащим листочку и ему не принадлежащим.

— Убедительно ты рассуждаешь! Но если там абсолютно ничего нет, то тогда верно же, что там есть ничто, как абсолютно ничего не имеющая в себе своего граница между таким нечем и иным нечем?

— Вот как ты поворачиваешь ход мысли?! А я то полностью был убежден, что здесь уж ты не ускользнешь, т. к. загнал я тебя в такую щель, из которой только и можно выбраться признанием верности моих рассуждений и отступлением, — с веселием говорит он мне. — А выходит, что должна быть такая граница.

— Значит согласен ты в том, что такая граница есть и что в ней ничего нет, т. к. все то, что имеет в себе хоть что-нибудь, относится либо к листочку, либо к его окружающему (воздушное пространство или, как ты хорошо сказал, все то и такое, что и какое там есть на самом деле)?!

— Да! Она есть и в ней ничего не должно быть.

— Так это же и есть ничто! Есть ли теперь у тебя хоть какое-нибудь сомнение в том, что оно там есть?

— Да, я полностью убеждаюсь, что ничто есть. Но что я приобрел, согласившись признать там наличие ничто, и что я терял, утверждая, что там ничего нет? Ведь в нем же ничего нет?!

— О-о! Это важный вопрос, ответ на который можно получить лишь изучением текстов «Прологи новой СНОЗ» и «Логн новой СНОЗ». А беседа с тобой показывает, что здравомыслящий разум простого человека, не обремененного предрассудками и заблуждениями предшественников, лучше и полнее способен использовать все свои актуальные и потенциальные познавательные способности, чем разум некоторых вышколенных философов. Вот это-то уясненное ничто и есть на самом деле идеальность в реальности, с которым мы встречаемся столь же часто и повсеместно, как и со всякими разнокачественными материальными нечем, и от которого почему-то с убеждением в правоте отворачивались все мыслители (видимо, подобно тому, как и ты был убежден, что и я признаю правоту твоих рассуждений и отступлю), вместо того, чтобы признать его фактическую наличность в реальности, уяснить его суть и роль во всех процессах субъективной и объективной реальности и те плодотворные возможности использования его и опоры на него в гносеологии, чтоб познающий разум на истиннейшие результаты на-

правлялся. Я не придумал, не выдумал это ничто, а открыл его в реальности, в которой оно есть на самом деле, — открыл его в ней и осмыслил чрезвычайную важность его роли в ней в онтологическом и в гносеологическом аспектах его рассмотрения. Обрати же внимание на ту, уясни и запомни ту замечательную особенность смысла идеального ничто, отмечавшуюся в этой беседе, что в истинности его можно мысленно удостовериться и по отношению к тому, что мы знаем; и по отношению к тому, чего мы еще не знаем!! И эта истинность может быть такой точности, какая или нас удовлетворяет или какая вообще возможна. А ведь в основаниях новой СНОЗ и необходимо брать такое, всеобщее, во всем и всяком имеющееся, в истинности чего усомниться невозможно!

III

«Борьба идей дискретности и непрерывности в физике, очищенная от случайных моментов, смена этих представлений на различных исторических этапах — это естественное противоречие в развитии взглядов на материю, которое отражает своеобразное единство прерывного и непрерывного, осуществляемое в самой природе».^{1/}

В физических теориях дуализм непрерывности и прерывности уже давно является общепризнанным, но в гносеологии этот факт и его значение еще не поняты. До сих пор ничто было опорой человеческого мышлению лишь в том отношении, что когда мышление обнаруживало, что нечто, взятое мышлением для уяснения, есть не нечто, а ничто, то мышление при этом торжествовало от полученной ясности, с радостью бросало это ничто, оказавшееся результатом уяснения нечего, и, считая, что с этим вопросом покончено, переходило к иному уяснению или к уяснению иных вопросов. А здесь-то и таится одна из исходных глубинно-донных, всеобщих, диалектико-материалистических противоположностей реальности, в том числе и реального мышления; потому-то она и ускользала из знания через несовершенные сети старой логики, что она ничто. И вместо того, чтобы обратиться к реальности такой, какова она есть, и найти в ней нечто и ничто, хотя это и не просто сделать, мыслители отбрасывали ничто, — это незаметно и само собой получалось и получалось легко, т. к. отнимание ничто от нечего или

^{1/} М. А. Марков. «О природе материи». М., 1974 г., стр. 70.

прибавление ничто к нечему никак не изменяет нечего, — а для объяснения мышления, феноменов отчуждения образов от отображающегося в них, а за одно с этим и для объяснения всего остального непонятого, вводили нематериальную душу, всевышнего духа или абсолютную идею, считая их идеальными.

1 — Спиноза, например, некоторые объяснительные функции, которые с успехом выполняет ничто, как мы ниже увидим, вынужден был возложить на бога-субстанцию, сосуществующего с модусами, — ограничивавшего и ограничиваемого началом, продолжением и концом существования вещей, — такого бога-субстанцию, который раньше и без ограниченного им не существовал и не существует.

2 И Декарт всем своим авторитетом укрепляет ложный, ошибочный взгляд на ничто: «...когда мы мыслим, что из ничего не может произойти ничто, мы не думаем, что это положение есть существующая вещь или свойство какой-либо вещи, — мы принимаем его за некоторую вечную истину, пребывающую в нашей душе и называемую общим понятием, или аксиомой».^{1/} Спрашивается, может ли быть истинным такое мыслимое мыслью смысловое содержание и о том, для которого нет того и такого реального в реальности, что соответствовало бы ему? Нет! А Декарт относит к разряду вечных истин именно такой смысл ничто, которому нет ничего соответствующего. Мнение о том, что из ничего ничего не происходит, из-за ясности приобрело настолько общее признание, а из-за древности своего происхождения настолько освятилось и настолько утвердилось, что всякий воспринимает это положение как предельно достоверное, исчерпывающее; и не видят здесь никаких возможностей для уточнения, или изменения, или добавления. А между тем для снятия тех ограничений и препятствий, которые это положение производит односторонностью, ослепляя истинностью и ясностью этой одной стороны, следует добавить и уточнить: истинно, что из ничто не происходит им прерывающееся нечего; истинно также то, что без ничто ничего (никакого нечего) не существует и не происходит; но и ничто невозможно без нечего. Ничто и нечего одинаково первичные у всего и всякого имеющегося или существующего в реальности и по отношению ко всей реальности. Верно, что идеальное ничто из ничто не происходит, — потому, что монистическое ничто

^{1/} «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 249.

здесь уже есть в начале, оно берется уже как имеющееся. Оно есть. Как же ему, чем и зачем еще производить себя из себя? В нем же нет ничего! Этим положением и опровергается вся гегелевская диалектика, которая выводит из идеальной абсолютной идеи саму себя и как свою противоположность, не обращая внимания на другую, там же выраженную Декартом, вечную истину, — «что невозможно, чтобы одно и то же одновременно и было и не было».^{1/}

То же самое и из монистическим нечто. Если оно есть и есть одно, без иного, то как, зачем и чем ему произвести иное, как и по отношению к чему оно может дать знать о том, что оно существует? Значит оно и существовать не может?! Ведь и иного нечто нет и обособиться от этого иного у первого и одного нечто нечем, т. к. ничто в начале исключается, которым только и может прерваться и обособиться одно нечто от иного. А так как нечто все таки есть, доказательством чего является хотя бы то, что так как «тот, кто мыслит, не может не быть или не существовать, пока мыслит»^{2/}, и так как одновременно оно быть и не быть не может, то быть оно может лишь одновременно с ничто.

И у Канта, например, ничто есть такое понятие, которое не имеет реального объекта. «Реальность есть нечто, а отрицание есть ничто, а именно оно есть понятие об отсутствии предмета...»^{3/}. «Предмет понятия, противоречащего самому себе, есть ничто, так как это понятие есть ничто, невозможное, как, например, прямолинейная двухсторонняя фигура».^{4/} Иначе говоря, ничто у Канта есть понятие для отображения и обозначения невозможного, для отображения и обозначения того и такого в мышлении, чего нет и что невозможно в реальности, т. е. это что-то такое, которого нет. А истинный смысл понятия ничто совсем противоположен: это не нечто, а его противоположность; это такое ничто, которое в реальности есть и без которого невозможно существование любого нечто.

Гегель, как известно, отождествляет ничто с бытием: «Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле ничто и не более и не менее, как ничто»... «Ничто есть, стало быть, то же определенное или, вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще то же, что и чистое бытие»... «Чис-

^{1/}. См. «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 249.

^{2/}. Декарт. См. там же, стр. 249.

^{3/}. И. Кант. Соч., М., 1964 г., т. 3, стр. 334.

^{4/}. И. Кант. См. там же, стр. 335.

тое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же»^{1/}. Зачем же понадобились Гегелю два разных слова для обозначения одного и того же монистического начала? А все для того же, чтоб получить возможность мышлению вывести фиктивную двойственность, чтоб получить якобы логику выведения фиктивной противоположности из моноса. Иначе этого не получить: или изначально признавать одновременность диалектико-материалистического дуалистического начала и отступить от заидеологизированной догмы о едином и одном материальном начале или едином и одном идеальном начале (душа, бог, идея и т. пр.) и тогда для успешного объяснения реальности отпадает потребность вводить еще какую-то субстанцию; или сохранить монистичность начала на подобие или в угоду заидеологизированной идеи единого и одного бога и выдумывать логику выведения фиктивной и вторичной противоположности. Последним-то как раз и скрывается первопричина изменения, движения и т. д., т. к. вместо того, чтобы изначально признать наличие противоположностей и уяснить их роль во всем том, чем составляется, вызывается, опричинивается и обуславливается зачатие и начинаемость существования и развития сущего, Гегель легко уводит мысль читателя по ложному пути, увлекая ее выдумкой перехода бытия в ничто и наоборот. Но как может бытие, если оно есть и есть одно, без ничто, как оно может перейти в ничто без помощи еще чего-то иного? Или, наоборот, как одно-однихенькое ничто и такое, что в нем ничего своего нет, может перейти в нечто, произведя тем самым становление? Вот тут-то как раз и зарыта собака. Гегелевское монистическое бытие (либо монистическое ничто), взятое изначально в единственном числе, в единственном экземпляре для своего перехода в свою противоположность как раз и нуждается в помощи еще чего-то, еще какого-то перводвигателя, что или уводит в бесконечность, или требует признания сверхестественной, сверхреальной сущности как первопричины всего и всему, — сущности, самой всевышней, самой совершенной, самой всемогущей, самой..., самой..., самой превосходной, что и угодно идеологизирующей реакции. А уход в бесконечность здесь ведет к отрицанию познаваемости первопричины и вообще хорошо служит агностицизму, который тоже нужен тем, кто боится правды и света от прогресса истинных познаний. Может быть как

^{1/} Гегель. Наука логики. М., 1970 г., т. I, стр. 140.

5 раз это и нужно монисту Гегелю и всем монистам? Хорошо сказал Гераклит, что «Разумение — величайшая добродетель, и мудрость в том, чтобы говорить правду и действовать в согласии с природой, ей внимая»^{1/}, для чего необходимо познать природу и себя. И если в процессе познания природы, себя и своих познавательных способностей человек обнаружит возможность окончательного и предельно истинного и исчерпанного познания человеком познаваемого вообще, то следует ли тогда препятствовать ему в этом, цепляясь за бесконечность или еще за что-нибудь? спасая задеологизированные властвующими идеи о непознаваемости, о монистичности, о бесконечности и т. п.?

6 Даже такой тонкий и глубокопроницательный мыслитель, как Людвиг Фейербах, впадает в глубокое заблуждение, толкуя о понятии ничто. «Что же такое это ничто? «Клянись тенью Аристотеля!»! ничто — это абсолютно бессмысленное, неразумное. Ничто совсем не может мыслиться, ибо мыслить — значит определять,..., стало-быть, если бы ничто было мыслимо, то оно было бы и определено, т. е. оно не было бы уже более ничто. Поэтому правильно было сказано: ... («Несуществующее не имеет никаких предикатов. О несуществующем не существует никакого знания» (Аристотель). «Мы называем «ничто» то, говорит Вольф, чему не соответствует никакого понятия»^{2/}.

7 Целый клубок заблуждений. А если в реальности есть противоположность по отношению к нечему? если в ней есть ничто, то как быть нашему мышлению? Мыслить понятие ничто как бессмыслицу, как неразумное? или как такое, чему соответствует такое реальное ничто, какое оно есть? «Ничто совсем не может мыслиться»...? Да наоборот, оно только и может мыслиться! Вот ощущаться, да и вообще хоть как-то обнаруживаться без нечего оно не может! Но как нечего не может ощущаться без его прерывающего ничто, так и ничто не может мыслиться без прерываемого им нечего. Как же так, уважаемый материалист? Разве возможно от того, что если бы ничто было мыслимо, то оно от этого превратилось бы в нечего? Если ничто стало истинно познанным и стало верно мыслимым, то оно и должно мыслиться как ничто, а не как нечего!

«Несуществующее не имеет никаких предикатов»? «О несуществующем не существует никакого знания»? А если мы

^{1/} «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. I, стр. 280.

^{2/} Л. Фейербах. Соч., М.—П., 1923 г., т. I, стр. 34—35.

узнаем, что ничто есть там, где кончилось одно и еще не началось иное нечто, есть там, где нет нечего, и есть то, что там есть, то не будет ли это знанием одной из противоположностей реальности, смысл которой в том и состоит, что она есть там, где нет нечего, и есть то, что там есть?! «Мышление может мыслить только существующее, ибо оно само является существующей, действительной деятельностью»¹/?. А если в реальности есть и такое, которое не существует, а только есть? Существующее мышление должно мыслить предмет познания истинно — вот категорический императив материализма. И если есть в реальности что-то несуществующее, то и мыслить его нужно и нужно мыслить его таким же.

А Фейербах вот еще как расправляется с ничто: «Ничто — это абсолютный самообман,.... абсолютная ложь в себе самой. Мышление и Ничто, — это мышление само себя отрицающее. Кто мыслит Ничто, тот вообще не мыслит. Ничто — это отрицание мышления; поэтому оно может быть мыслимо только таким образом, что оно превращается в не-что»²/. Какая несправедливая жестокость! какое заблуждение! Мы далее увидим какую опору, какую направляемость приобретает мышление в ничто, а Фейербах говорит нам, что кто мыслит ничто, тот вообще не мыслит. И опять та же мысль о превращении ничто в нечто одним актом мышления. Что же? только от того, что я помыслил о том ничто, которое разделяет меня и не-меня или такое нечто и иное нечто, оно превратилось в нечто? А ничто, разделявшее меня и не-меня, такое нечто и иное нечто, исчезло? И я или такое нечто отождествляется со всей реальностью, в которой кроме меня или какого-то такого нечего иного и нет? Да и самой реальности в таком случае нет, т. к. достаточно мне помыслить какой-нибудь предел ее или переход ее в иное или переход чего-то в ней имеющегося такого в иное, так этот предел и переход превращаются из ничто в то же самое нечто, границу которому, предел которому или переход которого в иное я мыслю? Это же чистейший субъективизм! Вот в какие заблуждения заводит монистическая логика и материалистов. «Оно перестает мыслиться в тот самый момент, когда оно мыслится, ибо я всегда мыслю противоположность Ничто», — пишет далее Фейербах (там же, стр. 36). Зачем же менять ничто на нечто сразу же,

¹ Л. Фейербах. Соч., М.—П., 1923 г., т. I, стр. 35.

² Л. Фейербах. Там же, стр. 35—36.

как только начинаете мыслить ничто? И продолжайте мыслить его как ничто, уяснив его истинный смысл! А нечто пусть мыслится со своим истинным смыслом! В том-то и дело, в том-то и беда, что не мыслят ничто наряду с нечем, а мыслят только одно нечто, т. е. одно из начал, одну из противоположностей реальности в силу монистичности начала и логики, гносеологии своего времени. А если для того, чтобы результаты мышления были более истинными и полносторонними, требуется мыслить и ничто и нечто, и не одно после другого, а в неразрывном единстве этих противоположностей? Негоже диалектическим материалистам и истинным прогрессистам изменять правде и уступать кривде!

В противоположность утверждению Фейербаха, что «Если бы Ничто было мыслимо в действительности, то исчезло бы различие между разумом и неразумием, между мыслью и безмыслием...» (см. там же), следует сказать, а далее все это получит еще более убедительное доказательство, что если бы ничто не было мыслимо как реально имеющееся в действительности, то исчезли бы границы различения между всякими сущностями, и вся реальность представлялась бы, мыслилась бы однородной, мертвой, пустой, неподвижной, неразличимой в себе и бесконечно самоотождествленной, односмысленной; оказалось бы невозможным мыслить многообразия и развитие. Нет, не «Ничто существует в нашем созерцании, или мышлении, или скорее — это пустое мышление и созерцание», — Фейербах, там же, стр. 37, — а ничто есть с тем, что хоть как-то отличается от окружающего благодаря своему существованию, хотя оно непосредственно и само по себе не созерцается. Лишь через созерцание нечто оно может обнаружиться и мыслиться. И ничто — это не пустое мышление и созерцание, а чистая нагость, чистое ничто, прерывающая собой мыслимое или созерцаемое нечто; ничто невозможно без нечто в реальности и не следует его мыслить без нечто и в мышлении — во избежание заблуждений. Знать ничто, это вовсе не означает ничего не знать, а означает иметь знание об одной из исходных, фундаментальных противоположностей реальности.

Нельзя смешивать ничто с отрицанием. И если истинно утверждение, что там-то ничего нет, то оно может быть истинным лишь тогда и потому, что там есть ничто. А если бы там не было ничто, то там бы было нечто, и само ут-

верждение, что там ничего нет, было бы ложным. Совершенно верно, что «Философия — это наука действительности в ее истинности и целостности; но совокупность действительного — это природа — природа в универсальнейшем смысле слова. Глубочайшие тайны скрываются в простейших вещах, которые попирает ногами вздыхающий о потустороннем умо-зрительный философ. Возвращение к природе — вот единственный источник исцеления!»^{1/} Что есть правда, то и должно остаться, и остаться должно правдой. Истина — святыня! По истинности и ложности или ошибочности того знания, которым руководствуется человек в делах своих, воздает и карает беспощадная и беспристрастная реальность.

IV

Франсис Бэкон писал, что «Величайшие тайны природы почти всегда лежат в стороне от исхоженных дорог, вдали от известных путей, так что иной раз помогает даже сама абсурдность предприятия».^{2/} Но по этому поводу говорили и так, что великие открытия начинаются часто и из того, что обратились к тому и переосмыслили то, что путается под ногами, сосредоточились на столь обычном и находящемся всегда перед глазами или перед мыслью, что на него человек обычно и внимания не обращает и мышления своего не задерживает на нем именно из-за его обычности. Тот же Ф. Бэкон, к примеру, указывал, что «Встречаются и другие открытия, такие, которые показывают, что род человеческий может миновать и оставить без внимания даже лежащие у него под ногами замечательные находки».^{3/} Фейербах отмечает, что «В этом отношении чрезвычайно поучительный пример дает нам воздух... Как долго даже физики и философы не могли овладеть им... Ближайшее как раз является для человека самым далеким; именно потому, что он не считает его за тайну, оно и является для него тайной; именно потому, что оно для него предмет всегда, оно никогда не является для него предметом».^{4/} А ведь ничто для мышления человека — что воздух для его жизни! Первейшее и всеобщейшее, что видит человек, открыв глаза и начав рассматривать его окружающее, так это протяженности разноцветных нечто и границы-ничто между ними в местах различения одного нечто от иного нечто.

^{1/} Л. Фейербах. Там же, стр. 41.

^{2/} Ф. Бэкон. Соч., М., 1971 г., т. I, стр. 309.

^{3/} Ф. Бэкон. Соч., М., 1972 г., т. 2, стр. 66—67.

^{4/} Л. Фейербах. Соч., М.—П., 1923 г., т. I, стр. 43—44.

Удивительно, что все мыслители так тщательно искали и до сих пор ищут идеальность, соблазном и камнем преткновения ставшую в теории познания, и никто не мог догадаться, что именно в ничто мысль как раз и наталкивается на него. Но эта удивительность, эта невероятность относится к такому роду их, о которых Ф. Бэкон заметил, что сначала человеку кажется, что подобное открытие невероятно, а после того, как оно сделано, кажется невероятным, что люди так долго и не замечали его (см. там же, стр. 67).

Развитие идей, составляющих собой основания и основы новой СНОЗ, началось у меня не с открытия нового смысла ничто и его онтологической и гносеологической роли. Оно получено в результате такого общего и итогового результата, который искался мной все время данного исследования и повсюду ради того, чтоб избавиться от софистичности и тавтологичности, чтоб отчетливо ясно и логически стройно согласовать концы с началами и начала с концами, — ради исчерпывающе глубокого и истинного отображения в логике понятий такой реальной действительности, какова она есть на самом деле.

Такая философия, которая не ведет разум дальше «здравого смысла», дальше общепринятых и утвердившихся мнений, не может обеспечить дальнейший прогресс познания, вытесняющий неведомое. «Всякая философия идет дальше «здравого смысла», ибо здравый смысл не есть философия. До Коперника было против здравого смысла говорить, что земля вертится»,^{1/} — выписал и подчеркнул В. И. Ленин, конспектируя Гегеля. Труднее всего переосмыслить то, что в утвердившемся смысле знают лучше всего, что кажется настолько безусловно достоверным и ясным, что нельзя даже понять, как этого не могут знать другие и как это возможно об этом думать иначе. Эта же трудность проявляет себя и в вопросе изменения утвердившихся логических форм и законов мышления, ибо существенное изменение должно каснуться именно начал и самых распространенных и общепринятых положений. А этому, во-первых, больше всего препятствует инерционность установившейся в обществе традиционной логики и, во-вторых, на это меньше всего отваживаются мыслители, пока развитие гносеологии и знания достаточно не обнажат ситуацию логического и методологического кризиса. Но развитие гносеологии и познания осуществляется через преодоление этих трудностей, вызывающихся и

^{1/} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 241.

усиливающих еще и ситуацией социально-идеологических условий. Нынешняя гносеологическая и идеологическая ситуация такова, что без существенного изменения именно смысла и состава фундаментальных понятий, логики и методологии мышления существенного прогресса в развитии познания ожидать нельзя; для нынешней же эклектической, софистической и ветхой СНОЗ характерно, что основная нагрузка в познавательном мышлении приходится на память, на экспериментирование, на экстенсивное развитие знания, от чего и преуспевают быстро и твердо запоминающие болтуны.

«Нужно заняться логикой», — призывал в свое время Р. Декарт, — но не той, — резонно указывал он, — какую изучают в школах: последняя, собственно говоря, есть лишь некоторого рода диалектика, которая учит только средствам передавать другим уже известное нам и даже учит говорить, не рассуждая о многом, чего мы не знаем; тем самым она скорее извращает, чем улучшает здравый смысл. Нет, сказанное относится к той логике, которая учит надлежащему управлению разумом для приобретения познания еще не известных нам истин».^{1/} «Как и во времена Коперника, — пишет Л. В. Голованов, — глубокий кризис установившихся представлений выразился, с одной стороны, в их собственных неустраняемых внутренних противоречиях, с другой — в противоречиях с эмпирическими данными. Новые же идеи часто рождаются на базе ограниченного числа фактических данных (в ряде случаев известных и прежде, но получающих теперь иное истолкование). Ясно, что сначала эти идеи оказываются схематичными, упрощенными и уступают во многих отношениях прежним представлениям. Лишь дальнейшее накопление новой научной информации укрепит, усовершенствует и отшлифует их».^{2/}

Многие мыслители, в том числе и вздыхающие о диалектическом мышлении, всячески истолковывали ничто, изничтожали и третировали, попирали его ногами, толковали его как бессмыслицу, снимающую саму себя. И преуспели в этом настолько, что роботу по реабилитации ничто придется продолжать да продолжать. К тому же, истинные суть и роль ничто оказываются таковыми в реальности, что без него невозможны истинные ни начала, ни развитие, ни итоговое идейное содержание новой СНОЗ. «Мудрый муж, — говорил

^{1/} «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 235.

^{2/} Л. В. Голованов. «Н. Коперник и актуальные вопросы естествознания». Ж. «Вопросы философии», 1973 г., № 3, стр. 63.

Гораций, — мыслит, как получить свет из дыма, а не дым из пламени». Следует и нам такую мудрость проявить по отношению к ничто и истинно познав его и всего связанного с ним превратить его в такую опору разума, играть которую оно может, чтоб заблуждений избежать от взгляда на ничто как на предел непроницаемый, непрошибаемый ни лбом, ни мыслью. Древнее ничто, очищенное и обогащенное силой нового смысла (идеального и материального и прочими идеями) приобретет не менее важное значение в гносеологии, чем материальное ничто. И Нечто и Ничто нам истинно раскроют Все! И. Г. Гердер говорил: «Прекраснейшая истина состоит в том, что в природе не существует такого понятия, как ничто; его никогда не было и никогда не будет, ибо оно немыслимо».^{3/} С кого смеяться и кто прав — история решит.

Г Л А В А 2.

Элементы, системы и иерархия структурных уровней сущего реальности

§ 1. Методологические рассуждения

Важнейшее значение для жизни человека имеет познание того, что неизбежно, возможно и невозможно в будущем, т. к. знанием этого он определяет свое поведение теперь. И насколько точно и убежденно он знает неизбежное, возможное и невозможное в будущем, настолько безошибочно он ориентируется и уверенно и решительно управляет своей волей, настолько однозначно определяет и совершенствует наиболее результативный и оптимальный вариант своего поведения и форм деятельности в настоящее время. Лишь познавая будущее прежде, чем оно станет современной действительностью, мы получаем возможность избавляться от необходимости совершать поступки прежде, чем можем разрешить все сомнения. А познать неизбежное, возможное и невозможное в будущем возможно благодаря тем движениям и развитиям мысли, которые она приобрела, познавая прошлое в движении и развитии к настоящему. Чтобы познать каким будет то, что есть, необходимо познать каким оно было, почему и как оно было таким, почему и как оно стало таким, каково есть, и продолжить познание его будущего.

^{3/} См. «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 3, стр. 55.

Вопросы о возможности движения мысли из настоящего в будущее без предварительного движения ее по результатам познания, фиксирующих в себе прошлое настоящего, сводится к вопросу о возможности движения мысли вперед при отсутствии знания в актуально текущем мышлении о развитии этого предмета познания, а следовательно, к познанию развития предмета познания при отсутствии в мышлении развития знания о нем. Вознать в грядущее возможно мысль, ведя ее из прошлого через теперь. Но существующий теперь познающий субъект не может перенести свое нынешнее существование в прошлое действительной реальности и познавать ее в ее развитии до теперешнего состояния, т. к. развитие реальной действительности необратимо. Прошлой реальности познается через познание исторических результатов отображения и познания всех видов и форм, зафиксированных и сохраняющихся в ныне существующей объективной и субъективной реальности. При этом следует уточнять и развивать логику мышления и искать факты, подтверждающие результаты этого мышления. И в качестве итога своего движения и развития мышление придет к истинному познанию реальности, к самопознанию и к убеждению в истинности тех правил и начал, вооружившись и перевооружившись которыми оно начинает свой путь к истине. При этом оно откроет новые формы своего проявления и деятельности субъекта, которые будут более эффективные, более результативные для достижения наиболее достойных и прогрессивных целей и ценностей существования человека, и избавится от всяких сомнений, иллюзий и идеалистически-софических и фантастических вывертов насчет себя.

Наш разум больше склонен не сомневаться в том, что ему дано нашей чувственностью, ибо оно непосредственно дано ему как его противоположность. Что же касается познания самого себя, то для этого он должен развить в себе способность и возможность познать себя в развитии, т. е. мыслить и познать то, что ему предшествовало в развитии реальности, способность мыслить не только материальное нечто, но и ту противоположность, которая вместе с ним участвовала и обусловила развитие реальности до появления в ней чувствующего, мыслящего, познающего и действующего субъекта. А так как задачей данного исследования, кроме прочего, является дальнейшее познание и развитие представлений о сущности и формах мышления, о еще не использующихся возможностях познания, то этого мы смо-

жем достигнуть, познавая развитие того, из чего стало возможным развитие познающего, развившегося до нынешнего состояния и проявляющего уже известные нам формы и возможности познания. Поэтому начнем с объективной реальности. А подробное исследование субъективной реальности оставим в стороне до тех пор, пока не получим для этого соответствующие возможности, — пока в результате рассмотрения развития объективной реальности не получим появления в ней субъективной, — хотя и вынуждены будем о ней говорить.

Познавая себя, суть, формы и возможности своих познавательных способностей — выведением всего этого из всех всеобщих начал бытия и сущего реальности — мы должны различать субъект-объектные отношения, во-первых, между собой как живым реальным организмом и познающей нас реальностью и, во-вторых, между знанием себя и знанием объективной реальности, более обстоятельное изложение чего будет далее.

Будем подходить к самопознанию через познание в объективной реальности данного и не данного нам в ощущениях. Опираясь на результаты познания, которые неоспоримо доказывают факт развития объективной реальности, мы будем стремиться и знание о ней получать развивающееся и поведем его развитие в мышлении до тех пор, пока не получим и знание о самом мышлении и о его формах как результат развития знания из начал реальности. Этим самым мы и выведем знание о нашем Я из того заточения в сферу субъекта, об удержании в которой заботятся субъективисты. Этим же мы выйдем гносеологическую почву из-под ног реакции, спекулятивно идеологизирующей на трудностях и нерешенных вопросах гносеологии; ибо даже самый закоренелый догматик сменит свое убеждение, что мир состоит из одних представлений, на убеждение, что реальность объективная в ходе своего развития производит субъективную реальность с ее представлениями и всем прочим, — в том случае, если будет до конца показан механизм возникновения и развития этих представлений из знания о сущностных началах реальности в ходе мысленного рассмотрения ее саморазвития. Ведь если не единственный, то самый надежный вид объяснения недоступного живому созерцанию состоит в том, чтобы знание о нем получить всесторонне и достоверно обоснованным следствием из несомненно истинно известного или ранее доказанного. Эту задачу следует выполнить в целях оп-

ровержения и разгрома субъективизма в ответ на неудачные попытки Шеллинга переубедить закоренелого догматика материалиста тем, чтобы показать «механизм возникновения этих представлений из внутреннего принципа духовной деятельности; ибо пусть мы установим, — пишет Шеллинг, — каким образом объективный мир со всеми его свойствами без какого-либо воздействия извне разворачивается из чистого самосознания, разве найдется тогда кто-нибудь, кто будет ощущать потребность еще в каком-то независимом от этого самосознания мире...»^{1/} Вот как откровенно рассуждал идеалист Шеллинг. Эту же задачу пытался выполнить и Гегель своей системой объективного моноидеализма, последствия чего известны.

Мы же, приступая к выполнению этой задачи, будем искать в такой реальности, какова она есть, то, что в ней есть и что обуславливает бытие, существование и развитие ее форм существования. И настолько, насколько будем находить то и такое, что и какое соответствует смыслу наших исходных принципов и определений, будем соответственно называть; а диалектико-материалистическим выпротивоположением одного по отношению к другому будем углублять и уточнять познание того и другого. Мы намереваемся из знания объективного мира вывести знание субъективного, из знания природы вывести знание интеллекта. Путь для решения этой задачи таков: из такой реальности, какова она есть, снять первичные, основоположные, фундаментальные, исходные и самые общие понятия о ней; точнее, в результатах истории познания выбрать соответствующие понятия, уточнить их, выпроверить их сопоставлением через чувственность с фактической реальностью какой она есть, переосмыслить с учетом гносеологических уроков и возможного прогресса истинности, а затем из этих понятий логикой развития получить понятия о субъективной реальности и о всей нашей яйности. Свои исходные, начальные и всеобщие фундаментальные понятия познание должно извлечь, снять, интериоризировать из объективной реальности, данной нам в ощущениях, как отображение ее всеобщего во всем и всяком в ней; а затем включить их в мышление, руководствующееся логикой, выведенной, извлеченной из истории и результатов развития познания и реальности, «...из развития всей жизни природы и духа»^{1/}, и обуславливающейся смыс-

^{1/}. «Антология мировой философии», М., 1971 г., т. 3, стр. 265—266.

^{1/}. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 80.

лами исходных, начальных, фундаментальных понятий, и выводить, развивать из них новое научное объяснительное знание. Выводимостью развития последующего из предшествующего, высшего из низшего, более сложного из менее сложного и характеризуется же научный метод. И в соответствии с тем неопровержимо доказанным и на каждом шагу наблюдающимся фактом, согласно которому природа саморазвитием своей сущности порождает человека и его сознание, разум человека должен вывести, произвести в себе мышлением из этих исходных понятий обновленные понятия, новое знание о человеке, о его сущности и существовании, о его сознании и о всем прочем субъективном.

Доказывая необходимость построения моделей составных элементарных частиц из фундаментальных, Сенти Саката писал: «Однако «метод составной модели», основанный на диалектическом представлении о природе, рассматривающий элементарные частицы как один из уровней строения материи, приходится развивать беспредельно вперед в противоявление позитивистской философии».^{2/}

И чувственность, т. е. «То в человеке, что не философствует, что настроено против философии, что возражает абстрактному мышлению, т. е. что у Гегеля сведено к примечаниям, философ должен внедрить в текст философии. Только на этом пути философия становится универсальной, гармоничной, неопровержимой и неодолимой силой. Философия должна поэтому начинать не с себя, но со своей антитезы, с нефилософии. Этой отличной от мышления, безусловно, нефилософской антисхоластической сущностью является в нас начало сесуализма»^{1/}.

Это верно, но прежде, чем начинать с этого, необходимо по-новому осмыслить и переосмыслить результаты и историю познания реальности и извлечь гносеологические уроки из познания и чувства и разума, и объективного и субъективного, дабы избежать заблуждений от односторонностей и крайностей. Ведь история познания преподносит нам печальные уроки того, когда мыслители или уходили от слишком привычного, чувствам доступного и, не терпя и развешая всякие препятствия такого, устремлялись в самые отдаленные и загадочные абстракции, воображения, пространст-

^{2/} Сенти Саката. «Некоторые философские вопросы теории элементарных частиц». См. сборник «Ленин и современное естествознание». Изд. «Мысль», М., 1969 г., стр. 169.

^{1/} Л. Фейербах. Соч., М.—П., 1923 г., т. I, стр. 68.

ва и времена, или избегали исследования отдельных, «высоких» и общих вопросов и ограничивались позитивистским познанием и упорядочением чувственного опыта обыденной жизни, пускаясь во всяческие разукрашивания и обольщения красноречием и лаской для возмещения поверхностности, тривиальности или недостоверности.

При этом необходимо избежать того, чтобы озлобленность на идеализм, навешенная выполняемой им политико-идеологической функцией, не ослепляла бы нам наш разум и не закрывала бы нам возможности истинно познать и признать и прогрессотворно использовать идеальное. С другой стороны, необходимо избежать того, чтобы симпатии к материализму также не ослепляли бы наш разум и не заслоняли бы собой возможности узреть односторонности и ограниченности материализма на нынешней стадии его развития, чтобы не впасть в заблуждение при уяснении сущности и роли материального в его соотношении и взаимодействии с идеальным. Ведь человеческому разуму свойственно впадать в заблуждения не только под влиянием впечатления от вымышленной лжи, отвращающей от той части истинного, которая может содержаться в ложном, но и под влиянием впечатления от истины, блеск которой может скрывать и часть ложного или ошибочного.

6 Если Ламетри и прав, говоря, что «Сущность души человека и животных есть и остается всегда столь же неизвестной, как и сущность материи и тел»^{1/}, то из этого следует не агностицизм, а то, что душу познаем лишь тогда, когда познаем сущность тех реальных начал, из которых все строится, на которых и которыми все существует и живет. Но прежде чем истинно познать то, что противостоит знанию (отображающаяся в нем реальность), необходимо исчерпывающе познать сущность и формы познания, его возможности и возможности его дальнейшего развития и исчерпания, а также возможности и пределы познаваемости мира. А так как самопознание зависит от познания развития не-Я до Я, а познание не-Я зависит от познания Я, то продвигаться вперед следует опираясь на истинные результаты предшествующего познания того и другого и на получаемое нами новое истинное знание того и другого в ходе движения вперед. Наука может развиваться лишь через взаимодействие со своей противоположностью, которой является в чув-

/ . См. «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 618.

ствах данная реальность. И какие противоположности есть в реальности, отображения таковых должны быть и в науке. Исходя из и от онтологии следует вывести обновленную гносеологию и вооружившись ее светом проникнуть глубже в неизвестное, в тьму сути смысла начал исходных, чтоб обновленной логикой из них повторно вывести предельно ясное, отчетливое и истинное знание о том любом реальном, что нас интересует.

Развитие того, из чего произошло и чем обуславливается мышление, мы сможем познать, применяя истинностворные диалектико-материалистические приемы мышления к известному о развитии чувственно воспринимаемого. А затем, познав сущность и путь развития мышления, из исследования этого пути мы выявим то, чем и как можно ускорить развитие мышления, методов, приемов и форм познания. И после этого опять обратимся к более глубокому и точному познанию реальной действительности. Подобным путем шло стихийное историческое развитие теории познания, когда мышление шарахалось от одной системы мышления и знания к другой (от моноидеализма к мономатериализму и обратно), изредка делая пробы дуалистического мышления без соответствующей логики, что и обрекало на неудачу. Но если познание развивалось исторически так, то мы вправе вести его сознательно этим путем более ускорено, не теряя на это тысячелетия и века. Объективировав идеальность в новом смысле этого понятия, мы получаем возможность субъективировать развитие процесса познания и, преодолевая застой и регрес, сделать его прогресс более ускоренным и жажду истинного утолить. Вследствие того, что субъект все идеальное отождествлял со своим идеальным и этим самым субъективизировал (локализовывал лишь в себе) одну из противоположностей объективной реальности, чем и лишал он себя возможности не одностороннего познания всех ее противоположностей и возможности выпротивоположением углублять, уточнять и направлять познание, предоставив это на откуп стихийной объективной истории развития познания, когда одни мыслители пытались односторонним мышлением познать не одностороннюю объективную и субъективную реальность, идя с одной стороны, а другие так же односторонним мышлением — пытались познать не одностороннюю объективную и субъективную реальность, хотя и с другой, но тоже с одной стороны.

Права Р. С. Карпинская, когда она пишет, что «Принцип монизма, использующий идеалистическое мировоззрение, теряет свою целостность, становится внутренне противоречивым и в силу этого неспособным к интеграции естественно-научного материала в соответствии с его истинным содержанием»^{1/}. Но когда она в этой же статье отстаивает метод монистичности такой мировоззренческой системы понятий, которую можно охарактеризовать как мономатериалистический историзм (до односторонней крайности преувеличивающий роль истории над другими факторами), в которой под флагом диалектического материализма культивируется метафизический или псевдодиалектический монистический материализм, то этим она служит делу удержания ныне господствующей СНОЗ в состоянии разладицы и «неспособности к интеграции естественно-научного материала в соответствии с его истинным содержанием».

§ 2. Определения, выяснения и объяснения элементов сущего реальности

I

Элементом сущего данной системы называется такая составляющая ее часть, которая в состоянии в некоторых условиях сохранять свою целостность и существенную специфичность своих свойств и качества и вне этой системы и которая является наименьшим производителем и носителем своей формы движения, своих существенных и специфических свойств и качества, исчезающих при дальнейшем делении ее на более мелкие части или при изъятии из ее состава хотя бы какой-то одной более мелкой, но существенной для нее части. Всякий элемент, как и система и вообще все существующее в реальности, существует лишь в единстве материального и идеального.

* * *

Здесь (выше и ниже этого абзаца) понятиями как формой мышления определяется смысл такого понятия, название которому есть «элемент сущего». Текст сам по себе и даже его чтение не творят и не дают нам тех элементов сущего реальности, которые отображаются в смысле текста данно-

^{1/} Р. С. Карпинская. «Мировоззренческое значение современной биологии». См. ж. «Вопросы философии», № 4, 1978 г., стр. 103.

го определения. Познающиеся или отображающиеся элементы существуют вне того смысла, который осмысливается, представляется и мыслится субъектом; они в реальности. Отображения же их даются нашему сознанию или через нашу чувственность, через ощущения и восприятия как формы познания, сущность и возможности которых нам еще предстоит уяснить тогда, когда получим их результатом выведения (А пока следует пользоваться тем знанием об ощущениях, восприятиях и о прочих формах познания, которое мы получили или можем получить до и вне новой СНОЗ. Смотрите, например, «Логический словарь» Н. И. Кондакова, стр. 373 и 79 с.), или в результате мышления. Выведением из понятий новой СНОЗ мы должны получить знание и восприятия, и представления, и мышления, и понятия — как форм познания. В целях освобождения от формалистики слово «понятие» будет опускаться. Иначе пришлось бы применять такие словосочетания, как «определение смысла понятия о понятии посредством понятий», хотя по существу оно так и есть. Понятиями начинается любое языковое изложение смыслового содержания мыслящегося знания и благодаря этому делают его доступным для понимания другими субъектами. А из развития структур языкового текста получают новые понятия. Из изначально и непосредственно взятого из реальной действительности истинного знания о всеобщих и неизблемых началах следует логически вывести то знание (включая и понятия и другие формы познания, и вообще гносеологию), которое окажутся способными произвести нам эти начала в нашем умосознании и которое окажутся способными мы произвести, получить, руководствуясь освоенной и применяющейся нами новой логикой мышления, новой гносеологией. Но там и до тех пор, где и пока мы не получим результатом выведения новых или обновленных понятий и логических приемов, будем пользоваться наиболее подходящими и эффективными смыслами понятий и приемов мышления из уже известных.

II

Определение первичных противоположностей простейшего элемента реальности

Материальность простейшего элемента реальности — это одно минимальное однородное и однокачественное нечто и только, без своей противоположности, без идеального ни-

что. Это только повсюду в себе непрерывная и неразличная такая качественность, какая она на самом деле есть в реальности, не зависящая от того, как чувствующейся она дана субъекту через его чувства, и от того, чувствуется ли она его чувствами или нет, от того, как, какой мыслится и мыслится ли она его мышлением, от того, как, какой познается и познается ли она любыми его формами познания; от того, известна ли или неизвестна она субъекту; — одна простейшая и наименьшая хоть какая-нибудь качественность нечто реальности без всякой пнакости и прерывности, которые производятся только с и через ничто; — это чистейшая непрерывность и неразличность наименьшей наличности в себе хоть какого-нибудь нечто, которое есть и есть такое, какое есть в реальности на самом деле. Такое простейшее нечто есть наименьшее нечто и только, — самотождественное, монистическое, неразличное в себе и в своем.

Идеальность простейшего элемента сущего реальности — это то ничто, которым полностью отрицается, оканчивается, прерывается и отграничивается одно наименьшее это нечто от всего и всякого иного, без прерывающегося им материального нечто; — это только то, чем повсюду и полностью прерывается и отграничивается такое неразличное в себе нечто от иного или иных нечто таких и так, как это и есть на самом деле в реальности, независимо от того, чувствуются они субъектом, познаются они или нет и какими познаются, знаются они или нет и какими они знаются; — это чистейшая бескачественность одного и наименьшего сущего реальности, наличность отсутственности всего и всякого хоть что-нибудь в себе имеющего, с и через которую производятся всякие разрывы, оканчиваемости, отграничения и обособления заключенной в ней любой качественности наименьшего нечто (чистая и сама голызна без ею оголяющейся плоти). Ничто есть ничто и только, самотождественное, неразличное в себе и монистическое ничто, но дающее возможность отграничиваться и отличаться материальным нечто, хотя чем-нибудь отличающимся друг от друга.

* * *

Предварительное удостоверение в истинности смыслов выше выраженных определений мы можем получить, обратившись к живому созерцанию того, что из ~~о~~окружающей нас реальности доступно нашей чувственности, и к размышлению

над тем и таким, что и каким дается нам нашей чувственностью, основываясь на том, что «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему объективно-правильного представления о ней»,^{1/} и что «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина».^{2/}

Посмотрите и подумайте, верно ли, что любое и все то, что нас окружает и что ощущается органами нашего тела, имеет такие минимальные протяжения, которые однородно и однокачественно ощущаются нами? Вот я перед собой вижу зелень листка герани и удостоверяюсь, что можно найти такие поля, такие протяженности на этом листке между прожилками, которые ощущаются моими глазами как однородная и непрерывная зеленость такого-то тона. Есть ли что-нибудь в реальности такое, что ощущается субъектом без однородной и непрерывной качественности, выявляемой органами чувств? Нет! Скажут, что мы не знаем этого о том, что находится за пределами чувствительности, что не ощущается. Но речь здесь идет только о том, что ощущается, что чувствуется. И поэтому возможно ли, чтобы не было таких непрерывных однородностей, любым образом чувствующихся субъектом (хоть как угодно горькое, хоть как угодно красное, хоть как угодно звучащее, хоть как угодно холодное и т. п.)? Несомненно, что это невозможно! Так данное нам ощущением материальное простейшего элемента сущего реальности, который еще хоть как-нибудь чувствуется, ощущается, ведь и есть то в нем, что чувствуется и ощущается однородно и однокачественно без всяких разрывов и пнакостей и без той границы, которой это чувствующееся, ощущающееся заканчивается или начинается в своей неизменной такости чувствующегося, ощущающегося. А если речь вести о материальности такого элемента сущего реальности, который никак не чувствуется субъектом, такости воздействия которого на его окружающее оказываются недоступны чувствительности органов чувств субъекта, то она есть то в нем, что есть и производит такое хоть как-нибудь

^{1/} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 185.

^{2/} В. И. Ленин. Там же, стр. 198.

проявляющееся качество или свойства, какие он производит, но взятые в неизменности своей неразличающейся в себе такости и без прерыва и инакостей, без границы с инакостью. Следовательно, в области чувств доступного это определение является несомненно истинным. Ложным оно не может быть и по отношению к тому, что никак не чувствуется нами, но что действительно есть и существует в реальности, ибо иначе никакого нечего не могло бы быть, если бы в нем ничего не было, как не могло бы быть и ничего иного, если бы между каким-то нечего и иным нечего не имелось того ничто, которым они, хоть чем-то отличающиеся, отграничиваются и обособливаются друг от друга, ибо не бы конца одного нечего и начала иного нечего. Здесь ведь не утверждается, что если материальное, так это твердое или теплое, или жидкое, или непроницаемое, или волнообразное, или шарикообразное, или еще какое-нибудь там. Здесь берется такая качественность, какая она есть в реальности, лишь бы она была взята так, как это выражено выше.

Это же следует сказать и относительно определения идеальности простейшего элемента сущего реальности. Спрашивается, верно ли, что любое и все то, что нас окружает и сами мы, что ощущается нашей чувствительностью, имеет прерыв своей такости, после которого идет изменение его какой-то такой качественности? Является ли этот прерыв чем-то или это только ничто? Если бы это было не ничто, а иное нечего, и если бы между этими нечего и иным нечего не имелось ничто, то различие такого и иного было бы невозможно ни субъектом, ни в результате самополучных саморазличения, самообособления элементов сущего реальности.

Переход такого-то ощущения в иное без прерывания и заканчивания так-то ощущающегося невозможен. А этот прерыв любого нечего, взятый сам по себе (без нечего), и называется идеальностью. Почему идеальностью, а не свойством материального? Да ведь это же самостоятельное и противоположное всякому свойству всякого его носителя. Ведь это как раз отсутствие всякого свойства, а не свойство. Потому-то ему и подходит название «идеальное», что в нем абсолютно ничего своего нет, что оно чистейшее ничто. И этой чистотою, ясностью и простотою оно нам логику помостит и почистит, — от заблуждений знание очистит. Нельзя сказать, что ничто есть свойство материи быть прерывной. Ведь и о ничто можно сказать, что это то, свойством чего является приканчивать, прерывать всякое свойство; но это свойство не

может им носиться, т. к. в нем ничего нет. Там, где есть ничто, там нет никакого свойства — вот какое свойство у ничто. Как материя не может быть прерывной без прерывности, так и прерывность не может быть без того, что она прерывает, но оно не в ней. Но и материальное нечто и идеальное ничто в реальности есть. Возможно ли, чтоб такой идеальности не было в той реальности, которая чувствам доступна? Нет, невозможно. Следовательно, и это определение истинно. А «Раз мы имеем истинные начала, — писал Р. Декарт, — не может статься, чтобы при проведении их мы не напали бы когда-нибудь на другие истины».^{1/}

А теперь такой вопрос: возможно ли существование наименьшего ощущения, состоящего лишь из одной материальности, без ограничивающей и прерывающей его идеальности? — при чем ощущения такой предельной малости, что совсем исчезало бы оно от дальнейшего его уменьшения? Если оно не имеет своей границы, то оно или не наименьшее, или не все взятое; а если имеет, то существует оно только в единстве со своим ничто. Невозможно получить наименьшее ощущение чего-нибудь без его ничто; невозможно его и представить. В том и другом случае наша чувствительность и представляемость были бы так «засвечены» или «затемнены» одним и тем же непрерывным, сплошным и однородным повсюду и во всем, что мы не могли бы различать даже света от темноты, себя от не-себя. Различать одно от иного и ориентироваться в окружающем в таком случае было бы невозможно. А если предположим, что дискретность и разнокачественность наших восприятий и представлений есть результат проявления нашей субъективности, а сама реальность существует только из такой монистической материальности, которая определена выше, то в таком случае мы должны будем признать в себе наличие нечто и ничто как начала субъективной реальности. Возможность такого вывода знания о реальности будет рассмотрена особо. В любом случае, из того, что мы есть и воспринимаем чувствующееся дискретно, как кончающееся на стыке с инако чувствующимся, следует, что истиннейшим будет единственное: мыслить материальность и идеальность элемента необходимо в неразрывном единстве. Невозможно и будет ложно начинать вывод существования хоть чего-нибудь существующего из одного нечто.

^{1/} См. «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 237.

К такому же результату мы придем и начав с ничто. Могли бы ли мы иметь хоть какое-нибудь ощущение или представление, если бы в реальности было только ничто без нечего? Нет! Ведь в этом случае не было бы и нас! Могли бы ли мы ощущать или представлять что-то, если бы каждый из нас ни в себе, ни вокруг себя ничего не имел? Нет! Так как это же значило бы, что нет и никаких ощущений или представлений! Но раз мы есть, ощущаем и мыслим, то мы есть и существуем. Следовательно, есть какое-то нечто, а значит невозможно начинать вывод существования любого существующего только из одного ничто. А ведь некоторые ученые выдают за научные истины идеи объяснения происхождения вселенной от взрыва нуля или самопревращения ничто в нечто и морочат головы людям этими лжеидеями!

Здесь хорошо подходят слова Аристотеля: «Так как природа двояка, она есть форма и материя..., то подобные предметы нельзя брать ни без материи, ни с одной материальной стороны»^{1/}, — если читать их с подставлением под слова форма и материя здесь определенные смыслы ничто и нечто, соглашаясь с тем, что истиннейшее новое знание включает в себя истинное из предшествующего старого знания о том же. Никакой реальный элемент, как и вся реальность, не может проявить свое существование только одной своей материальностью или только одной своей идеальностью. А так как идеальность и материальность в реальности есть, то они и есть те всеобщие начала ее, которые необходимы и неизбежны для изначального и последующего развития всего сущего в ней и для истиннейшего отображения познающего в результатах познания.

III

Определение простейшего элемента сущего реальности

Простейшим элементом сущего любой реальной системы будем называть такую составляющую эту систему наименьшую часть сущего, которая существует неразрывным единством своего материального нечего в своем идеальном ничто, дальнейшим уменьшением которого прекращается всякое существование этой части таким и любым иным нечто.

Обозначим его буквой «А».

Он есть наименьшее материальное нечто, ограниченное своей прерывностью — идеальным ничто, — есть простейшее

^{1/}. См. «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. I, стр. 443.

материальное нечто, заключенное в идеальное ничто, которое есть внешняя идеальная поверхность материального элемента, взятая в абсолютно чистом виде, без всякого этого или иного простейшего или сложного материального нечто. Или: он есть то наименьшее идеальное ничто, которым является идеальная поверхность-прерывность наименьшего материального нечто, прерывающегося и ограничивающегося этим своим идеальным ничто, заканчивающегося, окружающегося им и включающегося в него как его взаимопротивоположность. И уменьшение или увеличение материального нечто, следовательно, невозможно без изменения местоположения ничто относительно (между) включенного в него нечто и иного нечто.

Простейший элемент сущего реальности сохраняет свою сущностную целостность в любых условиях как при самостоятельном существовании, так и при существовании в составе любой системы, если только он существует. А существует он благодаря единству и борьбе всех своих противоположностей, различностей и сущностных начал, более (пределно) глубокое и исчерпывающее уяснение чего еще будет (в «Логиках...»). Единством идеального и материального в нем обеспечивается фиксация и обособление его целостности; а борьбой материальных нечто за местоположение своих идеальных ничто, саморазличениями, саморазъединениями, обособлениями и самоотождествлениями, самослияниями обеспечиваются и обуславливаются свойственные им протяженности, формы границ-ничто и формы движения, существования.

IV

Собственно говоря, здесь определяются те несомненные, неопровержимые и всеобщие начала (основания) реальности, из которых начинается существование и развитие всего и всякого в ней, и объективного, и субъективного; но определяется еще лишь предварительно. Это исходное определение начал, развитие знания о которых будет еще продолжаться в этой части и в последующих частях текста «Прологи новой СНОЗ», которыми излагаются постепенное развитие и результаты исследования:

- истинной сути всеобщих начал и логики выведения всего из них следующего;
- сути познающегося, познающего, знания и познания;
- сути, недостатков и возможностей использующихся и

еще не использующихся, но возможных, форм познания, организации и развития истинного знания;

— недостатков гносеологических оснований, основоположных и некоторых производных идей ныне господствующей СНОЗ и кризиса ее объяснительных возможностей;

— логической несостоятельности ныне использующихся объяснений сути начал, элементов и механизмов объединения этих элементов в различные образования реальной действительности;

— возможностей человеческих познавательных способностей и возможностей и путей дальнейшего их развития, аж до такого уровня, при котором перед каждым, его достигшим, открывалась бы возможность для полностью убедительного, неопровержимого, абсолютно истинного и окончательного познания всего того, что его интересует из того, что вообще возможно так познать;

— средств, условий и правил, необходимых для истинного и окончательного познания;

— которые («Прологи...») помогают читателю осуществить перестроение мышления на новый логический лад;

— которыми дается возможность для постепенного овладения существенно обновленным идейным содержанием гносеологии новой СНОЗ и возможность для подготовки к адекватному пониманию того, что излагается текстами «Логи новой СНОЗ»;

— которыми пролагается дорога к вящему приращению наук.

А в текстах «Логи новой СНОЗ» начинается повторное изложение выведения — из абсолютно истинно и окончательно познанных начал — идейного содержания новой СНОЗ, в котором истинно и окончательно отображается кое-что про все и все про кое-что реальности на до дна вглубь исчерпывающем уровне познанности и отображения логикой понятий новой СНОЗ.

Посредством текстов определений и рассуждений наш разум уясняет и познает начала реальности с тем, чтоб затем истинно познать ее в развитии из истинно познанных начал, стремясь к тому, чтоб и знание начиналось из знания того, с чего начинается предмет, и развивалось чтобы так, как развивается предмет познания. Но начало изложения не есть и не дает истинного и исчерпывающего знания о реальных началах реального предмета познания. Этому должен предшествовать достаточный текст, с помощью которого

разум достаточно внимательного, подготовленного, трудоспособного, терпеливого и умного читателя окажется в состоянии открыть для себя, сформировать и всесторонне объяснить в себе такое истинное и исчерпывающее знание об этих началах реальности.

Продумайте, убедитесь и учтите то, что вышеприведенные рассуждения и определения уже обнажают, разрушают и выбивают почву и основания у идеалистов, которые всячески отвращают от истинного познания начал, оставляя их трон для ложно понимающегося всевышнего, не гнушаясь и тем, что место пресвятейшему всевышнему уготовливают на самом низу, на дне мироздания — на случай обнаружения отсутствия места ему на самом верху мироздания, — ибо с развитием познания места для непознанного и для идеологически значимых спекуляций на нем остается все меньше и меньше. Подумайте, сохраняется ли после правильного уяснения вышеизложенного какая-нибудь возможность зацепиться идеалисту? Что он сможет противопоставить мною развивающимся и «Прологами...» и «Логами...» излагающимся основным идеям, систему новой СНОЗ образующим?

Устраняется всякая возможность для вроде бы логически ладного, но на самом деле и фактически ошибочного обоснования наличия в реальности чего-то нематериально-идеального (или всевышнего, или потустороннего, или еще чего-то такого, что выполняло бы роль то ли псевдобога, то ли абсолютной всемирной идеи, то ли еще чего-нибудь подобного), т. к. если кто скажет, что что-то такое все же есть, то мы спросим его: а имеет ли оно в себе хоть что-нибудь, его составляющее? обладает ли оно хоть чем-нибудь, хоть каким-нибудь свойством? Имеет ли оно хоть что-нибудь в себе или ничего не имеет? Какое-нибудь оно или никакое? Если оно никакое, ничего не имеет в себе, не обладает хоть каким-нибудь свойством, то как нечто его и нет или оно и есть наше ничто. Если оно хоть что-то имеет в себе, если оно какое-нибудь, обладает каким-то свойством, то оно и имеется (ибо не имея ничего в себе оно и невозможно как нечто), а следовательно, это и есть материальность. И если оно есть особое, иное, чем не-оно, то следовательно оно имеет и свое ничто. Но ясно же и неопровержимо, что только нечто и ничто и могут быть у любой и каждой сущности, действительно существующей в реальности! Идеалист здесь и прикусит свой язык, ибо нечем крыть. А не искушенные и не окрепшие умы, улавливающие

мые надутым пустословием лжеученых и проповедников лжи и кривды, обретут здесь путь движения к истиннейшему и придут к нам, к поборникам истины, благопрогресса и справедливости.

И идеологическая важность такого неопровержимого и убедительного доказательства того, что ничего, кроме нечто и ничто, в реальности, во Вселенной нет, заключается еще и в том, что ныне господствующая СНОЗ не дает этого и не предотвращает собой вовлекаемость молодых людей в веру в какие-то сверхестественные силы, в какого-го надвселенского псевдобога. Где и в чем теперь найдет пристанище и опору идеологический неприятель? Что он сможет противопоставить? Ведь «если начала ясны, — как правильно писал Р. Декарт, — и из них ничего и не выводится иначе как при посредстве очевиднейших рассуждений, то никто не лишен разума настолько, чтобы не понять тех следствий, которые отсюда вытекают».^{1/} Если же объяснение или доказательство не имеют в себе ясных и достоверных начал, то они (объяснение или дооказательство) и невозможны и не нужны. Здесь далеко не исчерпано все то, что может быть высказанным в опровержение всяких хитрых выдумок идеалистов и прочих проповедников лжи и неистинного.

V

Если объектом мышления иметь только одно нечто (любое нечто, но без ничто), а к ничто относиться лишь как к пределу, от которого следует поворачивать обратно к мышлению над каким-нибудь нечто, а не как к такому объекту для мышления, прообраз которого есть в реальности, то верно, что «Трудно допустить существо, — как писал Дидро, — которое находится где-то и не соответствует ни одной точке пространства: существо непротяженное, которое, однако, занимает пространство и в полном своем составе пребывает в каждой части этого пространства; которое по существу отличается от материи и вместе с тем с ней связано, ...существо, о котором я не имею ни малейшего представления и обладающее столь противоречивой природой».^{1/} А ведь именно ничто и есть такое, которое находится в реальности, прерывая собой нечто, и постольку не соответствует ни одной точке пространства, поскольку точка в пространстве есть нечто; ничто непротяженное, которое, од-

^{1/} См. «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 235.

^{1/} См. «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 649—650.

нако, есть в реальности, пребывает с каждым сущим и с каждой частью сущего реальности и которое отличается от материи полной противоположностью по отношению к ней и вместе с тем, как прерывность ее, неразрывно связано с ее существованием. Идеальная прерывность прерывает собой все и проникает между всякими хоть чем-нибудь различающимися нечто.

Мышление искало того, что не доставало ему для лучшего понимания происходящего в реальности. Но вместо того, чтобы обратиться к ничто, оно отворачивалось от него как от предела и силилось изобрести, выдумать помимо материи иное нечто, какой-нибудь дух, живую силу, всемогущее и сверхестественное существо и т. д. Однако теперь ясно и нет сомнения в том, что необходимо включить и ничто не как предел для мышления, а как истиннейшее исходное понятие о соответствующей изначальной реалии, необходимое для начинания и дальнейшего движения и развития истиннейшего знания, в результате чего должна выявиться возможность истиннейше и окончательно познать все про кое-что и кое-что про все в реальности.

Отсутствие всего и всякого нечто без исключений и есть ничто. И это такая же ясная, простая и очевидная идея, как и идея о любом самом наочевиднейшем нечто. У Спинозы, например, ограниченность единичной вещи является одной из решающих характеристик; но и у него она есть как отрицание бытия, а не одна из существенных составляющих всего и всякого существующего в реальности.

Опираясь на разумное в размышлениях Р. Декарта о мышлении и существовании можно составить доказательство тому, что не зная или отвергая ничто, нельзя иметь достоверного познания ни о чем.

Пусть субъект исходит из того, что он существует. Достоверность того, что он нечто, он может получить: или из явного факта своего существования — как нечто существующее; или из сомнения во всем — как сомневающееся (в этом случае хоть какое-нибудь существование его в качестве нечто следует из того, что он сомневается, мыслит, а следовательно, имеет в себе сомнение, мысль, что не зависит от того, в чем и как он сомневается и что и как он при этом мыслит, — следует из того, что он есть сомневающееся или мыслящее, в нем есть сомнение или мысль, т. е. он есть нечто и существует; ибо сомневаться, мыслить — значит обладать свойством или способностью сомневаться, мыслить, —

значит проявляться как сомневающееся, мыслящее); или из убежденности во всем, или из убежденности в чем-то. — как убежденное во всем или в чем-то; или из созерцания чего-нибудь — как созерцающее; или из несозерцания — как несозерцающее; или из отрицания своего существования — как нечто отрицающее свое существование; или из какого угодно реального феномена. Но достоверность существования субъекта может быть неопровержимо доказана и иначе, если он существует и если при доказательстве ему этого он вступает в процесс правильного взаморазмышления, т. е. если он не виляет, не выкручивается, не размышляет по логике, что «я есть» и в то же время и в том же смысле «я не есть», или что «я есть такой» и в это же время и в том же смысле «я не есть такой».

А доказательство того, что нечто есть и есть такое (пусть это будет «Я» субъективиста, или бог тенста, или дьявол, или что угодно любого ...иста), проходит и возможно лишь через признание и наличие иного: если я есть мыслящее, то только тогда и потому, что мной мыслится нечто или ничто, а значит есть я и есть нечто или ничто, мной мыслимые; если я есть отрицающее, то только тогда и потому, что я отрицаю нечто или ничто, а значит есть я и есть нечто или ничто, мною отрицаемые; ибо невозможно отрицать (не признавать) нечто, всего в нем не отрицая, не признавая (но тогда это будет ничто), и невозможно отрицать (не признавать) ничто, хоть что-нибудь в нем не утверждая, не признавая (но тогда это будет нечто). А из того, что есть нечто и есть иное, следует, что есть такое и есть иное, из чего в свою очередь следует, что между ними есть ничто (как прерыв, как разграничение, как то, где уже нет нечто и еще нет иного, как то, что есть там, где кончается одно и начинается другое и нет никакого нечто). Без ничто не может субъект признать и познать иное себе, а следовательно, не может непротиворечиво признать и познать себя (хоть существующего, хоть какого угодно), что и требовалось доказать.

«В принципе, рассуждая чисто логически, — пишет Ю. К. Мельвиль, — мы можем усомниться и в существовании физического мира и даже в существовании собственного тела. Такое сомнение противоречит всему жизненному опыту, но оно не соодержит в себе логического противоречия. Но мы действительно не можем без противоречия усомниться в факте нашего сомнения. Отсюда принятие самосознания в

качестве начала философии не может вызывать возражений с точки зрения формальной логики».^{1/} Этим и пользуются субъективные идеалисты: из невозможности без противоречия усомниться в факте сомнения или в любой другой функции нашего сознания они выводят, обосновывают монистическое начало своей философии. Но с точки зрения здесь развивающейся и обновляющейся гносеологии несомненно и ясно, что если в факте сомнения мы не можем усомниться, то из этого следует, что он (факт сомнения) является функцией, свойством какого-то нечего, которое сомневается, ибо невозможно сомневаться и быть ничем, ибо ничто ничего в себе не имеет и не может ни сомневаться, ни мыслить, ни еще какую-нибудь функцию (следствие, свойство) производить и произвести само из себя и собой. Следовательно, из невозможности усомниться в факте сомнения и из невозможности выведения факта сомнения из одного ничто невозможно усомниться и в том, что факт сомнения есть атрибут нечего, которое материально потому, что оно не ничто, а производит собой факт сомнения, и следовательно, обладает этим свойством; оно ведь нечего потому, что хоть что-то, да имеет свое. А из того, что нечего сомневается, следует, что оно сомневается в чем-то, по отношению к чему-то, из чего в свою очередь следует, что имеется еще и какое-то иное нечего, т. к. если бы было только одно единственное неразличное в себе нечего, то оно не смогло бы сомневаться: нечему было бы его возмутить, пошевелить и незачем, и не было бы по отношению к чему проявиться этой или любой иной его функции. Но если выводится нечего и иное, то между ними неизбежно должно быть ничто, что и требовалось вывести, доказать, объяснить.

А если кто скажет, что вообще ничего нет, то этим он признает, что есть ничто. Но оно может быть лишь тогда, когда есть хоть какое-нибудь нечего. И действительно, если кто-то утверждает, что есть только ничто, то он утверждает по меньшей мере и себя как то нечего, по отношению к которому ничто есть. Полное, абсолютное отрицание нечего возможно лишь утверждением его противоположности — ничто. Если кто-то сам твердит, что его нет, чтоб избежать встречи или разговора с кем-то иным, то уже этим фактом доказывается, что этот кто-то есть.

^{1/} Ю. К. Мельвил, «Декарт и Спиноза о начале философии». См. ж. «Вопросы философии», № 2, 1978 г. стр. 137.

Некоторые ложные измышления удаются лишь потому, что не принимают в расчет именно ничто. «Источником всяческой реальности является Я, — рассуждает, например, Фихте, — так как оно есть непосредственное и безусловно полагаемое. Только через посредство Я и вместе с ним дается и понятие реальности. Но Я есть потому, что оно полагает себя и полагает себя потому, что оно есть. Следовательно, самоположение и бытие есть одно и то же».^{1/} Хотя и верно, что «Я не в состоянии полагать себя иначе, как так, что при этом оно будет определяться через не-Я (без объекта нет субъекта)»^{2/}, но при этом необходимо выяснить, возможно ли самополагание Я без не-Я и без ничто. Ведь самополагание возможно осуществить лишь в результате самообнаружения Я в не-Я или самополагающего в положении, как в том или тем, в чем или чем самополагающееся самополагается. А если так, то утверждение, что источником всякой реальности является Я, нуждается в особом доказательстве преимущества в достоверности перед положением, что источником всякой яйности является объективная реальность. К тому же, из этого следуют очень важные положения; что Я и не-Я без разделяющего их ничто невозможны. Уяснением же того, что есть между Я и не-Я, не только не занимаются, но и всячески стараются отождествить не-Я с Я, чем и изгоняется из мышления ничто как мыслимое, хотя и признается оно как немислимое, как тупик, как заслон для мышления. А ничто как раз и не позволяет отождествлять нечто и иное, т. к. утверждением своего наличия между ними оно их прерывает собой полностью и насквозь.

Вот как поступает Фихте. Он берет за начало Я, самообращенное на себя, т. е. изначально одно монистическое Я. А затем, известной логикой саморефлектирования (псевдодialeктика фиктивного выведения из моноса его противоположности) получает не-Я, в котором и через которое определяется Я, созерцает Я себя. «Я дан себе через самого себя как нечто... деятельное...; я ношу жизнь в самом себе и черпаю ее из самого себя»... «Я должен в своем мышлении исходить из чистого Я и мыслить его как абсолютно самостоятельное, не как определенное через вещь, а как определяющее вещи».^{1/}

^{1/}. «Антология мировой философии». М., 1971 г., т. 3, стр. 206.

^{2/}. Там же, стр. 209.

^{1/}. Там же, стр. 224.

Это и есть чистейший монизм, берущий за начало субъективную яйность, задним числом оправдывающий свой выбор этого начала притянутой сюда нравственностью, вместо того, чтобы последнюю вывести из истиннейших начал. Берут одну из двух противоположностей, отбрасывают или не видят другую из них, а потом окольным и логически неестественным путем вынуждены ее выводить так и таковой, чтоб можно было признавать либо отрицать ее, руководствуясь субъективной полезностью в конкретной ситуации обстоятельств идеологической борьбы. Одни монисты утверждают, что Я дано себе только через самого себя; а другие, что Я дано себе только через не-Я. Или..., или..., вернее: либо..., либо, а изначальная конъюнкция этих взаимопротивоположностей исключается. А простейшее честное размышление опровергает обе эти крайности. Могли бы мы удостовериться (речь идет именно об этом, а не о происхождении) в своем существовании, имея в себе лишь способность воспринимать или мыслить хоть что-нибудь и как-нибудь, но не воспринимаемая и не мысля ничего? Нет! Следовательно неверно, что Я дано себе только через самого себя. С другой стороны, могли бы мы удостовериться в своем существовании, не имея в себе никакой способности к восприятию и мышлению, хотя и находились бы мы в окружении и под воздействием всякого разнообразия вещей реальности? Нет! Следовательно неверно, что Я дано себе только через не-Я, т. к. между ними должно быть еще и ничто. Единственная возможность избежать разоблачения во лжи — это бороться за спасение монистической логики отрицания и утверждения одного и того же в одно и то же время и в том же смысле. И непременно взывают те, кто произведением и удержанием лжи скрывает реакционную, антинародную сущность своих интересов и целей, кто обманом и демагогией пытается отвлечь познание людей от наиболее истинного и прогрессотворного, пытается преобразовать мировоззрение людей в целях достижения безропотного повиновения и безграничной покорности их. Такие непременно обрушатся против здесь излагающихся идей и тем самым еще раз разоблачат свою реакционность. И в этом походе против прогрессотворных наипростейших и наисчерпаннейших научных знаний, правды и справедливости объединяются все ироды рода человеческого, в прогресс устремленного. Объединяются же реакционными силами вращивающиеся ультраправые и ультралевые, фашисты и квазиреволюционные террористы!

Человечество развивает себя и счастье каждого истиннейшей мыслью и благотворящими прогрессотворными делами каждого и всех. Наиболее ускоренного прогресса достигают управляющиеся наиболее верным и наиболее исчерпанным и прогрессивным знанием. И кто против внесения света истины во тьму, тот и против прогресса. Истиннейшее и исчерпаннейшее познание и знание и управляющиеся ими действия, поведения людей и им подвластного, практика совершенствуют нас! «...Еще до того, как мы достигнем качественно нового состояния нашего общества, мы должны добиться крупных интеллектуальных побед, существенно продвинуться вперед в сфере теории, в творческом осмыслении новых явлений и процессов жизни».^{1/}

А так как прогресс неодолим и осуществляется в борьбе с регрессотворным, то хула на истиннейшее не простится и покарается неудачами. Время и упорный труд истиннейшим живущих и управляющихся всякую ложь и регресс перетрут. Изидите же с веселием с ложных, или ошибочных, или менее истинных мнений! Отворачивайтесь же от лжи и заблуждений регрессотворных! Убивайте же их, отворачивайтесь же от силков для глупых и от лукавых плутов во лжи, а ищите, собирайте и вырабатывайте истиннейшее и исчерпаннейшее знание, преклоняйте и раскрывайте свой разум перед ним, вооружайтесь и руководствуйтесь им. Не подавайтесь заблуждению, даже если оно и общераспространенное и пользуется среди кого-то почетом! даже если оно вознаграждается золотом! Воспряньте, дерзайте и идите стезями истиннейшего и исчерпаннейшего знания, стезями правды, справедливости и добра! Не удовлетворяйтесь знанием того, что мы люди, а познавайте наши возможности, одействовворяйтесь и развивайте себя до того самого совершенного, чем мы можем стать за столь короткую и неповторимую жизнь! Берите же истиннейшие праначала познания и плоды поисков ваших умножатся! Если же Вы не желаете принять их от меня из опасения попасть в новую ловушку, то докажите, что они или то, что из них последует, ошибочные, ложные или регрессотворные! Покажите свою ученость применением ее для опровержения здесь развивающихся новых идей!

^{1/} М. С. Горбачев. Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. См. газ. «Правда» за 02. 10. 86 г.

§ 3. Предварительные объяснения движения элементов и развития сущего реальности

Краткий обзор содержания: Продолжается изложение процесса переосмысливания фундаментальных гносеологических понятий и формирования существенно обновленного логико-понятийного аппарата, в плане и в результате чего: выводятся, определяются и объясняются движение и развитие элементов сущего реальности и процессов самообразования из них более сложных элементов, частей и систем и процессов отражения в свете логики понятий нечто и ничто (лучше, чем это возможно сделать ныне использующимся старым логико-понятийным аппаратом, в особенности монистической логической формой); приводятся методологические обоснования необходимости предварительного исследования, уточнения и углубления гносеологии прежде, чем браться за окончательное раскрытие до дна глубинных элементарно-структурных и причинно-следственных механизмов саморазвития всего сущего из всеобщих начал бытия и наипростейших и наименьших элементов сущего. Раскрываются отчетливость, ясность, истинность, эвристичность и убеждающая и непреодолимая сила развивающегося и обновляющегося фундаментального логико-понятийного аппарата (как в сфере глубинных чувствами невидимых областей микромира, так и в сфере субъективностью окрашенных и чувственности доступных форм существования реальности) — и все это на фоне неясности и тавтологичной запутанности состава и смыслов исходных понятий и монистически-софистической логической формы ныне использующейся системы научного объяснительного знания; выясняется невозможность существования и развития реальности, начинающейся иными началами и элементами, чем единственно возможные верные и истинные (материальное нечто, иное материальное нечто и ничто между ними и пр.), что дает непреодолимое гносеологическое и идеологическое оружие в идейной борьбе с идеологическими противниками научно-познавательного и социального прогресса.

I

Из предшествующих определений следует, что простейший элемент сущего реальности есть единство таких наипростейших нечто и ничто, дальнейшее уменьшение или упрощение которых (если оно вообще возможно, что будет исследова-

ться особо) ведет к исчезновению существования этого элемента как простейшего носителя простейшего качества. И, с другой стороны, простейший элемент сущего существует лишь тогда и постольку, когда и насколько он проявляет себя как носитель хоть какого-нибудь свойства, качества; т. е. простейший элемент сущего существует лишь тогда, лишь потому и лишь настолько, когда у него не только есть ничто, но и хоть как-то существует хоть какое-нибудь нечто. Ведь если нечто никак не проявляет себя, то оно и не существует, а если оно проявляет себя, то проявляет обязательно как-нибудь, и тогда оно уже существует как-то. Так что нечто существует, если оно хоть как-то проявляется по отношению к другому или к иному нечто. А из этого и из предшествующих рассуждений следует, что есть и иное нечто и что между ними есть ничто.

Отрицание существования простейших элементов сущего ведет к абсурду, к отрицанию существования и нас, мыслящих или ощущающих хотя бы что-нибудь; ведь и любая явность любого субъекта есть нечто, откуда следует, что есть объективное бытие и ничто. Простейшее проявление существования простейшего элемента реальности и назовем его простейшим движением, первопричины и подробный причинно-следственный и элементарно-структурный механизм которого будут исследоваться и окончательно раскрываться посредством текста «Логика новой системы научного объяснительного знания».

Простейший элемент сущего реальности является наименьшим и простейшим носителем движения, без которого и не существует. Движение его наипростейшее по форме и определяет собой специфичность его качества, нигде и никогда не исчезающего при существовании его в целостности и единстве своих нечто и ничто. Дальнейшее деление этого элемента на составляющие его части или изъятие из его состава хотя бы чего-нибудь приводит к исчезновению характерного для него движения и существования этого простейшего элемента сущего реальности. Элемент и его движение здесь называются простейшими не потому, что они нами определяются как какие-то конкретные по форме, по скорости или еще какие-то. Пусть они будут такие, какие есть на самом деле у реальных наипростейших элементов сущего и какие они аподиктически выведутся, несомненно обнаружатся и достоверно подтвердятся в дальнейшем. А простейшие они потому, что дальнейшее упрощение, уменьшение

их, изъятие из них хоть чего-нибудь материального ведет к прекращению всякого существования, а следовательно, и всякого движения этого элемента. Поэтому его существование, проявление его составляющей материальности в форме такого наипростейшего движения есть и возможно там и тогда, где и когда внутри его существование составляющего нечто нет никакого иного нечто и, следовательно, внутри его ограничивающего ничто нет другого ничто, а есть только однородное, простейшее, однокачественное существование его образующего нечто и то его ничто, которым оканчивается, прерывается и ограничивается это нечто, обособившееся от иного внешнего; т. е. когда в нем нет идеального ничто, прерывающего его внутри, делящего его на взаимоотношающиеся, на части, составляющие его целостность. Да этого и не может быть, т. к. по определению простейший элемент сущего и есть таков, что внутри его нет идеального ничто, а только нечто материальное, от вне прерванное своим идеальным ничто. Поэтому он и не может существовать в еще более простой форме, т. е. в разделенном на части виде. Ничто и нечто — это полусущности, имеющиеся у наименьшего (и у любого) элемента сущего, существующего реально, конкретно и самостоятельно или в составе более сложного.

Но как и куда он может осуществлять свое движение? Может ли он осуществлять свое движение в себе самом, внутри себя? Ведь в нем нет ничего иного, кроме простейшего существования наименьшего нечто, далее не делимого, ибо от деления перестает существовать; и кроме его ничто, которым оно со всем своим таким как есть наипростейшим нутром и такою проявлением ограничено от всего внешнего. Да к тому же еще, если бы была возможность существования простейшего элемента только реализацией его передвижения в нем самом, то эти элементы, составляющие собой абсолютно все существующее в реальности, и существовали бы в себе и не передвигались бы; и ничего иного более сложного, развитого и из них образующегося сущего в реальности и не было бы. Но раз мы есть и есть хоть какие-нибудь (хоть мыслящие, хоть зрячие, хоть закрывающие на все глаза и все отрицающие), то в реальности дело обстоит не так.

II

Учите и мысль В. И. Ленина, выраженную им в статье «К вопросу о диалектике»: «Анализ вскрывает в этом про-

стейшем явлении (в этой «клеточке»...) все противоречия... Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий от его начала до его конца. Таков же должен быть метод изложения (изучения) диалектики вообще. Начать с самого простого...»^{1/}.

Мы пока вывели знание о реальности, что оно состоит из таких вот простейших элементов сущего. И этому знанию ни возразить хоть как-нибудь, ни усомниться в нем никак не можем (гносеологически и идеологически состоятельно и успешно), ибо даже сомнение приводит нас к необходимости признания этого же знания и всякие иные возражения ведут к нелепостям и опровергаются. Ведь не только возражения, но и будь-какие проявления нашей яйности ведут к признанию такого знания. И чем больше и разнообразней будут наши возражения или иные проявления, тем больше будет произведено нами оснований для признания того, что в реальности все же есть по меньшей мере нечто, ничто и иное нечто. Так что для того, чтобы уступку сделать минимальной, то следует признать такое знание, ибо только это позволяет избавиться от размножения тех оснований, которые все более и более необходимо будут принуждать к признанию этого знания как единственно верного! Разве только принимать логику: «А есть и А не есть»; или логику: «Я ничего не знаю, меня нет», и увертываться умышленно от признания истиннейшего и неопровержимого, разнообразя всяко ложь? Но ведь и это проявление, которым только разоблачат себя и будут множить основания для утверждения истиннейшего если не у таких, то у других, и тем самым отвратят такие от себя иных, истиннейшее приемлющих.

Но как вести развитие этого знания дальше? Как получить неотвратимым следствием возможность движения простейших элементов во вне, если все они простейшие и каждый из них, как-то существуя, ничего иначе существующего во внутрь себя пустить не может? Видимо недостаточно уже имеющихся исходных аподиктических понятий для того, чтобы можно было непротиворечиво, самополучно и естественно вести в мышлении движение их смыслов и выявлять возможности и мысленно проводить развитие знания о реальности из знания ее первоначал, мысленно уяснять появление иных, более сложных образований. Ведь если все наше знание о реальности состоит только из понятия простейшего элемента с его материальностью и идеальностью, то куда,

^{1/} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

во что они могут осуществлять то свое движение, проявление, без которого они и не существуют? И как тогда нам получить мысленным выводением из такого знания таких простейших элементов реальности истиннейшее знание о всем ее качественном многообразии, в том числе и об объективной и субъективной реальности? В то время, когда чувственное созерцание реальности свидетельствует о качественном многообразии и о движениях различных вещей, в мышлении оказывается невозможно это воспроизвести из уже имеющихся понятий новой СНОЗ, несмотря на их аподиктичность. Следовательно, эти понятия истинные и необходимые, но их недостаточно. Как же вывести наше мышление из этого затруднения?

Здесь сказывается, помимо прочего, отличие истории развития результатов данного исследования в голове автора и логики изложения этих результатов. То, чего здесь недостает, будет открыто, познано и неопровержимо доказано — когда в конце предварительного исследовательского движения мы вновь придем к началам. Текст «Прологи новой СНОЗ» должен оказать помощь читателю в уяснении, в уточнении и в переосмысливании элементов, форм и логики познания (восприятие, представление, понятие, суждение и пр.) и вообще всей теории познания, без чего невозможно приступить к изложению того нового знания, которое является результатом применения новой логики познания. А если уже сейчас вскрывать до дна, до предельной глубины все начала, то мы войдем в неподильную глубину, т. к. придется заниматься изложением не логики и теории познания, а изложением нового научного объяснительного знания о «физической картине» мира без познания гносеологии новой СНОЗ, вследствие чего трудно достичь необходимых убедительности и неопровержимости, т. к. феномен истинности остается непонятным и спорным. Поэтому настроим орало логики начал на такую глубину, какую сможем потянуть первой ходкой. А потом мы возвратимся и вспашем нужные поля так глубоко и достоверно, истинно, как сможем и пожелаем мы и как позволят обновленное, выяснившееся и отлаженное орало и выбранная нива или целина.

Для этого позаимствуем из ныне господствующей СНОЗ такие понятия как пространство и время, в качестве дополнительных основоположных, беря на веру результаты предшествующего познания и показания наших органов чувств, свидетельствующих, что все-таки что-то есть такое, что не

препятствует, что позволяет вещам (частицам материи) осуществлять свое движение во вне себя, давая для этого какую-то, кажущуюся пустой, протяженность. Итак, принимаем без выведения и без особого уяснения известное и общепризнанное положение о том, что материя существует в пространстве и во времени, с соответствующими поправками в понимании материального и идеального: материальное не существует без идеального, материально-идеальные элементы сущего реальности дискретны и дискретность (ограниченность, обособленность качественности) материального нечто возможна лишь благодаря наличию в реальности идеального ничто. При этом смыслы этих понятий (пространство и время) принимаем такими, что они обеспечивают таковую существование простейших элементов сущего, но не изменяют этой простейшей таковой их существования. Окончательное познание сущности и роли пространства и времени, а также внутреннего источника и «механизма» того движения, которым проявляется акт существования простейшего элемента реальности, будет изложено в «Логах новой СНОЗ». Пока же удовлетворимся следующей логикой теперь имеющихся у нас понятий для выведения и объяснения движения простейших элементов, которая способна тем не менее захватить фиксирующееся в их смыслах истиннейшее исходное знание и позволяет вести дальнейшее развитие истинного знания при несколько меньшей глубине, чем это будет в «Логах...» и с минимальным ущербом для точности. Естественно, что этим будет обуславливаться наличие некоторой меры непонятности того, чем, как и почему происходит все на уровне оставленных глубин, что потом, в «Логах...», полностью устранился.

Таким образом, изложение логического развития нового объяснительного знания будет разворачиваться отчасти подобно тому, как шло развитие предшествующего знания в ходе исторического развития его. Ведь известно, например, что человеческое мышление ранее осваивало систему знания о реальности, заданную логикой исходных понятий так называемой классической механики и физики с ньютоновским представлением о пространстве и времени, а затем перешло к разработке и к освоению более глубокой и более общей релятивистской системы понятий.

III

Итак, имеется понятие простейшего элемента сущего ре-

альности с обновленным смысловым содержанием и взятые напрокат понятия пространства и времени с оговоркой, что они обеспечивают, но не изменяют такости существования простейших элементов.

Движение материального нечего во вне может проявиться лишь в процессе такой его борьбы с иным через ничто, лишь сопровождаясь таким процессом, когда его составляющее материальное нечего с какой-то стороны прорывает и снимает (устраняет) свое ничто и отождествляясь сливается с иным нечего, а с другой стороны это нечего прерывается (отграничивается) посредством ничто, обособливаясь от того нечего, которое было таким же, но стало чем-то отличаться. Ничто вселяется между хоть чем-нибудь отличающимися нечего и ходит с ними, между ними и ими же. Единством и борьбой ничто и наименьших нечего осуществляется и сопровождается существование и движение, осуществляется сохранение целостности и элементной специфичности простейших элементов сущего реальности так, потому и во всем том, как, почему и в чем они существуют в ней на самом деле.

Простейший элемент сущего реальности слиянием материальности своего такого нечего с отождествившимся другим нечего где-то (с какой-то своей стороны) превращает свою прерывность в месте соприкосновения с бывшим иным нечего в непрерывность своего нечего и с ним отождествившегося, в непрерывную и протяженную материальность своей такости; а неразличная в себе непрерывность такого-то материального нечего прерывается идеальным ничто там, где бывшее таким же его нечего стало иным. В акте существования простейшего элемента сущего реализуется взаимопревращение и взаимоперемещение кванта такого нечего, кванта иного нечего и ничто — его сущностных противоположностей. Или можно сказать еще и так: акт существования простейшего элемента сущего так сопровождается и таким процессом взаимопревращения такого нечего в иное нечего и иного нечего в такое нечего, что и в этом взаимопревращении ничто, имеющееся между таким нечего и иным нечего, и нечего остаются тождественнопротивоположными. И при любом существовании наименьшего элемента сущего никак нет так, чтоб ничто либо нечего его существующего имело какое-нибудь предшествование или какую-нибудь первичность и чтоб ничто либо нечего было и как ничто и как нечего одновременно; в любом акте существования простейшего элемен-

та сущего они одновременно есть, одинаково важны и сугубо существенны. Это и есть ответ на мучивший долго и многих мыслителей вопрос о том, какое преимущество получает идеальное (ничто в новом смысле) от соединения с плотью материального (нечто в новом смысле) и плоть материального от соединения с идеальным, — вопрос, который так и не нашел и не мог найти своего решения в монистических системах.

Движение этого простейшего элемента сущего с его идеальной границей-ничто осуществляется туда, в том направлении, где, с какой стороны реализуется превращение нечто иного в нечто этого элемента, и оттуда, где реализуется превращение нечто этого же элемента в иное нечто. А ничто ничего в себе не имеющее всегда образуется и есть между таким-то нечто и иным нечто. Ведь для образования ничто, ничего в себе своего не имеющего, нужно только образование (проявление, обнаружение) различия тех нечто, между которыми оно есть.

Все простейшие элементы сущего реальности по своей простоте и по сущности своего состава в здесь определяющемся и уясняющемся смысле абсолютно одинаковы между собой. Существование их также совершенно одинаковое по своей внутренней сущности, а отличаться и могут они лишь по направлениям проявления акта им характерного существования. Поэтому многообразие свойств простейшего элемента сущего реальности выражается многообразием возможных направлений реализации ему свойственного простейшего движения. А т. к. внутри простейшего элемента сущего все и повсюду себестождественно и все простейшие элементы сущего по своей внутренней сущности совершенно одинаковые между собой, то различия в направлениях их движений обуславливаются внешними условиями.

IV

Обратите внимание на то, что в нынешней ветхой СНОЗ, пытаясь в ее логике ее понятий познать и отобразить реалии того, что называют элементарными частицами, утверждают, что элементарные частицы то волновой природы, то корпускулярной, то и волновой и корпускулярной природы вместе и одновременно, то вероятностной природы, то вероятностно-волновой, не зная толком (ясно; без неизвестностей, тавтологически определяющихся неизвестностями же) ни сути

этих характеристик, ни того, какой же они природы на самом деле; — то утверждают, что у них такая-то масса, такая-то скорость, такая-то энергия, толком не зная, что такое масса, энергия и скорость; — и представляют их даже в каком-то неясном образе микрочастицы-фридмона, вмещающей в себя и Вселенную.

В логике нынешней старой СНОЗ не устранен же еще недостаток, о котором писал и Гегель: «В обычных сочинениях по логике мы находим различные подразделения и виды понятий. В них сразу же бросается в глаза непоследовательность, состоящая в том, что виды вводятся таким образом: по количеству, качеству и так далее имеются следующие понятия. «Имеются» — в этом выражен лишь один довод, а именно что мы находим в наличии такие-то виды и что они показывают себя в соответствии с опытом. Таким путем получается эмпирическая логика — странная наука, иррациональное познание рационального. Логика дает этим весьма плохой пример следования своим собственным учениям: она позволяет себе самой делать обратное тому, что она предписывает как правило, согласно которому понятия должны быть выведены, а научные положения (следовательно и положение: имеются такие-то и такие-то различные виды понятий) доказаны».^{1/}

А в здесь развивающейся логике понятий новой СНОЗ утверждается о них представление с очень простым и отчетливо ясным смыслом, — о них утверждается только то, что несомненно неопровержимо истинно, что не может у них не быть: пусть ученые открывают у какого-то нечто (в том числе и у любой элементарной частицы) любые такие свойства, какие им удастся у него открыть; пусть нечто будет хоть какое; но если оно какое-то такое, то границей такой его такости с иной такостью соседнего нечто будет ничто. И если какое-то такое нечто перемещается, то это перемещение может осуществляться лишь так, что это нечто становится там, где было иное нечто, а иное нечто становится там, где было это нечто; а ничто появляется и есть между хоть чем-нибудь различающимися нечто. И все вопросы о том, что же есть и куда девается то нечто, на место которого перемещается это нечто, и как все это возможно, пока остаются открытыми.

^{1/} Гегель. «Наука логики», М., 1972 г., т. 3, стр. 48—49.

Простота, отчетливость, ясность, понятность, истинность, неопровержимость и несомненность смыслового содержания, этой новой логикой этих новых понятий выраженного, не страдают от того, что многие вопросы еще остаются без ответов. Попробуйте-ка доказать, что эта логика этих понятий (такое нечто, иное нечто и ничто) не истинная или не способна истиннейше отображать и выражать все разнообразия реальности?! Следовательно эти основоположные понятия новой СНОЗ имеют преимущества перед основоположными понятиями нынешней СНОЗ, которая не имеет ни одного абсолютно ясного, отчетливого и незыблемого фундаментального понятия; а те понятия, которые берутся за фундаментальные, или и сами не ясны и неизвестны, или разлагаются до неизвестного. Причем эвристичность логики, получающейся от использования уясненного смысла понятий нечто и ничто (а далее, по тексту, и других понятий из комплекса всех исходных и основоположных понятий новой СНОЗ), — логики, обуславливающейся правильностью представления, мышления, применения и согласования смыслов этих основоположных понятий, — направляемость ума, руководствующегося этой логикой, на истиннейшие результаты обуславливаются не только тем, что эти основоположные понятия выполняют функцию правил для ума, но и тем, что фиксирующееся в них исходное знание истиннейше отображает в себе то в реальности, что и самое общее и что самым первым дается субъекту в его восприятиях реальности (и в самых первых восприятиях, и самое первое в каждом восприятии) и в любом им мыслящемся знании, что будет доказано еще более обстоятельно. Следовательно, можно отметить совпадение общего характера и первичности или исходности смысла этих понятий и в реальной действительности самой по себе (онтологически) и в процессах познания, чем обуславливается отчасти и логика изложения идейного содержания новой СНОЗ. Причем, эта логика этих понятий сохраняет свои применимость, силу, истинность и эвристическую эффективность как в сфере глубинных невидимых областей микромира, так и в сфере субъективностью окрашенных чувственности доступных форм существования реальности, в чем убедимся в последующем. Познавая, исследуя, работая этой логикой этих понятий можно проникать как угодно глубоко и аж до дна реальности, не опасаясь исчерпания, потери ее (логики этих понятий) отображательности, истинности и всеобщности и не опасаясь

искажающего влияния ее. Тогда как смыслологика старой СНОЗ, снятая из макромира, в микромире не работает, истинно не отображает реалии микромира.

Опираясь на уже известное о восприятии, о представлении и воображении, почерпнутое пока не из «Прологов...», можно дать суждения о том, как представить себе или как наблюдается движение тех элементов реальности, которые доступны восприятию органами чувств. Прежде всего отмечается то, что данные восприятий не противоречат, а соответствуют вышеизложенному. Ведь простейшее воспринимаемое нечто, как минимальное еще воспринимающееся (пусть оно будет любое: белое, черное, красное, твердое, сладкое, как-то звучащее и прочее), будет существовать в поле нашего восприятия и существования как простейшее восприятие, если оно взято настолько малым, что при дальнейшем уменьшении оно исчезает с поля восприятия (зрения или осязания и т. п.). Кроме того, если оно существует в поле восприятия, то непременно в нем есть такость ощущения нечто и никак не чувствующееся ничто, т. е. в нем есть что-то и как-то ощущающееся и есть прерыв, граница, переход от так ощущающегося к инакому. То же можно сказать и о представлении: если мы что-то представляем, то непременно какую-то такость (свойство) в некоторых границах. Поэтому, размышляя над вышеизложенным и нижеследующим, можно и следует опираться на собственные способности наблюдать, воспринимать и представлять, «Ибо на что же еще полагаться нам? Что достоверней чувств может быть для того, чтобы правду и ложь разграничить?»^{1/} А опора на смысл понятий нечто и ничто поможет избежать крайностей, переоценки их или недооценки, поможет уму вырабатывать истиннейшие идеи о предметах познания. Возможности и надежность всех этих форм познания (восприятия, представления, понятия и пр.) в дальнейшем будут уяснены, уточнены и познаны подробнее, полнее и глубже. Кроме этого, следует и будем опираться и на уже имеющиеся результаты эмпирического познания, которое по существу своему является доступное для понимания многим описание обобщенных результатов одинаковых чувственных восприятий, получаемых разными людьми от существования субъективного в объективном одной и той же реальности.

Однако отмеченные надежные источники знания (восприимчивые данные и результаты эмпирического познания)

^{1/} Лукреций. «О природе вещей». Изд. АН СССР, 1946 г., т. I, стр. 47.

будут служить нам лишь опорой для проверки в вопросе о том, что логическое выведение мышлением нового знания из новых начал ведет нас по верному пути. При этом следует всячески следить за тем и стремиться к тому, чтобы процесс выведения, развития нового знания осуществлялся лишь из изначально определенных начал. А такие следствия или дополнительные особо оговоренные вновь введенные положения, которых не доставало и которые необходимы для продолжения выведения, для исчерпывающего объяснения, для развития нового знания, следует особо учитывать, чтобы использовать потом, при уточнении смыслов и набора исходных начал для повторного выведения предельно истинного знания, излагающегося текстом «Логик новой СНОЗ». Так, например, были введены понятия пространства и времени, введенность которых будет снята выводимостью их из углубленного уточнения начал. Такие введения, крайне необходимые и достаточные для выведения всего объяснительного знания обо всем, получают свое снятие в результате выявления необходимых и достаточных начал для выведения из них в мышлении субъекта такого самомышлением развивающегося окончательного и предельно глубокого, полного и истинного научного объяснительного знания о такой реальности, какова она есть на самом деле, какое может быть достигнуто человечеством вообще. И лишь в результатах выведения такого предельно глубокого, окончательного и предельно истинного знания изначально принятые начала и дополнительно введенные понятия получают свои подтверждения, объяснения и определения. А если дополнительно введенные понятия (например, пространство и время) окажутся не выводимыми из всего комплекта обновленных и окончательных основоположных понятий новой СНОЗ и если необходимость их для научного объяснения развития реальности будет видна, то их тогда следует включить в состав комплекта исходных фундаментальных понятий новой СНОЗ.

V

Имеет значение выяснение вопроса о том, возможно ли существование реальности иными элементами на таком исходном и простейшем уровне развития ее, когда вся она состоит только из неопределенного множества простейших элементов, т. к. исключение такой возможности необходимо обуславливает принятие вышеизложенного как единственно верного. Можно ли получить из уже принятых нами ис-

ходных понятий иную СНОЗ, существенно отличающуюся и от ныне господствующей ветхой СНОЗ и от здесь развивающейся новой СНОЗ, в логике понятий которой уже имеется знание о реальности, фиксирующееся смыслами понятий простейшего элемента, его сущности (нечто и ничто) существования и движения, не прибегая при этом к приему извлечения всего необходимого и недостающего для этого из напрокат взятого пространства и времени или каких-то иных дополнительных понятий? Для этого достаточно ответить на вопрос о том, возможен ли простейший элемент, состоящий из ничто и нечто, отличающийся от уже определенного и уясненного? Ведь любой элемент будет состоять из чего-нибудь и если он будет хоть чем-нибудь отличаться от его окружающего, то у него будет и его окружающая граница-ничто. И только в таком взаимоотношении: это нечто и ничто вокруг этого нечто, ограничивающее его от иного нечто. Иные варианты строения простейшего элемента невозможны, т. к. неразличное в себе простейшее и наименьшее материальное нечто не может окружать собой свое ничто и содержать его в себе, а может лишь прерываться и очерчиваться, отграничиваться им от иного. Ведь ничто может быть и есть лишь там, где есть прерывный переход от такого нечто к иному, где нет внутри одного и того же однородного и неразличного в себе простейшего нечто. Но если ничто невозможно внутри этого простейшего нечто, то единственно возможно, что оно ограничивает собой это простейшее нечто от его окружающего иного нечто. Именно такой смысл строения простейшего элемента и определяется. А элемент, у которого не одно наименьшее нечто или не одно ничто, уже не есть простейший элемент. Кроме того, не имея нечто свое ничто вокруг себя, ему нечем было бы обособить и отграничить свою наипростейшую такость существования от иного и потому не своего.

Следовательно, простейшие наименьшие элементы, из которых образуется все существующее в реальности и из знания которых нам предстоит выводить знание о всех интересующих нас предметах познания, не могут существовать в выпротивоположенной или в какой-то иной структуре взаиморасположения их составляющих нечто и ничто, чем это нами определено и уяснено. И нет нужды блуждать в поисках иных путей развития нового знания о реальности, чем единственно верный путь выведения его из наших начал, несомненность которых была доказана ранее.

Но знание о реальности нельзя оставить на таком уровне развития, который уже нами получен, т. к. каждый из нас убежден в том, что он реально есть и есть как нечто более сложное и совершенное, чем наипростейший элемент. Значит необходимо искать единственно верный путь дальнейшего развития знания о реальности выведением его из наших начал, подчиняя и управляя мышление исходным принципам материалистичности и диалектичности (в уточненном их смысле) и используя вновь получаемые правила и формы мышления здесь развивающейся и обновляющейся гносеологии и логики в качестве аподиктических следствий из начал. И мысленно развивая знание о реальности и о ее развитии выведением его из начал мы будем получать новое объяснительное знание о новых образованиях в реальности, в которых будем опознавать то, что мы живым созерцанием наблюдали или наблюдаем, в которых мы опознаем и себя и нашу яйность, познаванием чего мы совершим мысленное вхождение в самих себя и познаем себя, свою суть, возможности, истиннейшие и прогрессотворные потребности и предназначения, познаем возможности актуализировать потенциальные способности человеческой души и полностью их использовать, сможем познавать все то, что познаваемо вообще в будущем, познаем возможности сосредотачивать свои усилия на необходимом из возможного, — как бы заново родим себя в душе своей в виде истиннейшего и в некоторых основных глубинных и существенных вопросах окончательного объяснительного знания себя.

§ 4. Выведение и определение системы

1

Живое созерцание окружающего и себя дает нам многообразие ощущений и восприятий, которое мы и намереваемся более глубоко познать получением соответствующего идейного, смыслологического содержания в результате правильного выведения из несомненных начал. Так как в понятии фиксируется знание, отражающее в себе одинаковое, существенное и общее для множества однородных реальных предметов, то это позволяет нам вводить в поле творческого воображения или воображать в поле представления какое угодно количество (множество) простейших элементов сущего, рассматривать их поведение в таких пространстве и времени, какие могут быть в представлении субъекта или на

фоне и в течение каких субъект может представлять себе сущность и существование уже известных нам простейших элементов сущего, и выявлять возможные следствия.

Определенные и уясненные нами элементы сущего, составленные протяженностью матерьяльного нечто и отграниченные от иных нечто идеальным ничто, не существуют без свойственного им движения или реализуют свое существование свойственным им движением. И для истинного отображения таких элементов не имеет значения то, что их составляющее нечто в поле представления будет красным или светлым на темном фоне или, наоборот, темным на светлом фоне, или твердым или еще каким-либо — это не имеет значения. Ведь мы включили в понятие простейшего элемента лишь такой смысл, каким не может не быть простейший элемент сущего реальности, — пусть он будет хоть как далеко, хоть как глубоко, хоть как мал и чувствам нашим недоступен. Для нас важно лишь, чтобы это было нечто представляемое, наименьшее (т. е. от дальнейшего уменьшения чтоб оно исчезало из поля представления), неразлично однородное в себе, реализующее свое существование движением, и чтоб имело отличие от того, что вокруг него, в чем или на фоне чего оно выявляет себя и отличаясь обособливается, т. е. чтоб имело свое ничто, которое есть между им таким и окрижающим его иным. И если оно будет такое в нашем представлении, то оно не может не соответствовать простейшему элементу объективной реальности в той части его свойств, которые зафиксированы (отображены) в смысловом содержании определения понятия простейшего элемента сущего реальности. Вот с таким исходным состоянием знания в представлении и продолжим выявление возможностей дальнейшего его развития.

Каким же способом мы сможем получить новые, более сложные образования сущего? Только выявлением возможностей для объединения простейших элементов сущего между собой и существования их в составе новых, более сложных образований, т. к. разложением простейших элементов ничего мы не получим, ибо они становятся от этого несуществующими в представлении. Из разрозненного движения этих элементов мы также ничего нового не получим; и никакое изменение их движения не может возникнуть иначе, чем через взаимодействие, т. к. пространство и время таковы, что не препятствуют и не изменяют, а лишь обеспечивают и обуславливают эту уже определенную сущность и таковую

их существования. Следовательно, без объединения представлений простейших элементов сущего в более сложные образования никакого развития знания о развитии реальности нам не получить. Остается исследовать возможность такого объединения, возможные разнообразия новых более сложных образований и возможность появления в этих новых образованиях новых свойств и качества.

Движение простейшего элемента сущего реальности мы выражали при помощи такой логики понятий, что его образующие нечто и ничто, отделяющее его от иного нечто, находятся в состоянии не только единства, но и борьбы, обуславливающих различия направлений протекания процесса его существования (движения). Ту часть поверхности простейшего элемента сущего, где его материальное нечто становится, сливая или отождествляя с собой внешнее и иное нечто и прорывая, перемещая, переставляя или тесня свое идеальное ничто во вне, назовем положительной частью его поверхности. А ту часть поверхности простейшего элемента сущего, где его материальное нечто исчезает, сливаясь, отождествляясь с внешним и иным нечто или становясь иным нечто и перемещая, переставляя свое идеальное ничто внутрь себя, на свое место, точнее, туда, где было само, назовем отрицательной частью его поверхности. В связи с этими особенностями поверхностей простейших элементов сущего мы видим возможность различных сложных образований из них в результате вхождения их во взаимное соприкосновение различными участками своих поверхностей.

Соприкосновением простейших элементов будем называть такое их взаиморасположение, когда между соответствующими участками их идеального ничто, образующих их внешнюю поверхность, нет ничего материального, нет никакого нечто. Так как пространство и время без чего-нибудь иного не изменяют таковы существования (движения) простейших элементов сущего, а ничего иного у нас (в этом нашем выведении) пока еще нет, то это изменение может произойти лишь в результате взаимосоприкосновения их. А так как передвижение простейших элементов сущего устремлено во вне и не может никак реализоваться в себе, то изменение этого существования возможно лишь как изменение направлений движения с сохранением всех остальных свойств такими, каковы они есть, если они вообще возможны и есть.

Если два простейших элемента сущего (обозначим простейший элемент сущего буквой А) войдут во взаимосоприкосновение всей площадью своих положительных участков поверхности, то между ними в месте их соприкосновения появится такой общий для них процесс взаимодействия ничто и нечто, конечным результатом которого будет слияние и взаимное погашение двух противоположенных друг на друга процессов, в каждом из которых происходит встречное становление точно такого же простейшего нечто и встречное перемещение ничто. Состояние борьбы материального и идеального в месте такого взаимосоприкосновения двух тождественных нечто прекратится. Ничто, разрывавшее собой эти нечто, упразднится, т. к. оно не может быть между тождественным, а лишь между таким и иным. Два самостоятельные простейшие элемента сущего превращаются в новое единство и целостность более сложного образования, в котором имеется удвоенное материальное нечто и новое идеальное ничто, прерывающее и отделяющее его от иного, окружающего это новое образование. Новая граница или поверхность, образовавшаяся в результате единения материального и погашения борьбы и прерывности его в месте соприкосновения положительными участками поверхностей ничто, будет иметь два отрицательных участка на противоположных сторонах от места их взаимосоприкосновения. Такой сложный объект обозначим $+A_2$.

Однако простейший элемент сущего не существует без движения и мы не имеем права мыслить и представлять его без движения, а движение его мы не можем реализовать через уменьшение или деление его, или через какое-либо движение его внутрь себя, не вступив в противоречивость с его определением. Тогда остается только одна возможность продолжить существование обоих простейших элементов сущего, образовавших новую элементарную частицу $+A_2$, — реализовать им свое движение в иных направлениях, которые определяются углом вхождения в соприкосновение и внешними условиями на момент начала нового направления движения, — условиями, составляющимися таковыми их окружающих (или окружающего) нечто. Фазу распада элементарной частицы $+A_2$ будем обозначать $-A_2$. Не трудно уяснить себе, что структура и свойства частицы $-A_2$ тождественно противоположны по сравнению с $+A_2$. Поэтому будем их называть античастицами соответствующего уровня сложности. Актом существования частицы $+A_2$ является слия-

ние двух A ; а актом существования частицы $-A_2$ является распад частицы $+A_2$ на два A .

Подобным образом мы можем образовать в представлении, как и в реальности образуются, из трех простейших элементов A элементарную частицу $+A_3$ и античастицу $-A_3$, из четырех A — частицу $+A_4$ и античастицу $-A_4$, и т. д.

Кроме вышеобозначенных частиц мы видим много других возможностей для образования частиц с иной структурой и с иными свойствами. Так, вхождение в соприкосновение двух, трех и т. д. простейших элементов разноименными участками своих внешних поверхностей ведет к образованию более сложных элементов сущего, в которых простейшие элементы сущего последовательно подключаются друг к другу, слипаются, образуя соответствующую протяженность своего качества. Направление движения последующего элемента предопределяется передним. Направление движения первого обуславливается исходными и последующими условиями вовне. Такие образования будем называть элементами и обозначать $2A$, $3A$, $4A$, т. д. Каждый из этих элементов будет иметь один наименьший положительный и один наименьший отрицательный участок своей поверхности — на первом и на последнем из всех простейших элементов сущего, образующих его и его поверхность. Эти элементы являются лишь более сложными носителями, осуществителями одной и той же простейшей или изначальной формы движения. Возможно образование и других разновидностей элементов и частиц, но раскрытие и изложение этих вопросов глубже, точнее и подробно будет дано в «Логиках...», т. к. без этому предшествующего и более глубокого и точного, чем в нынешней СНОЗ, познания сути применяющихся для этого форм познания и их возможностей (чего можно достигнуть предварительными результатами предварительного вывода из уже изложенных фундаментальных и из них следующих идей) невозможно достичь убедительности окончательных результатов мысленного вывода и доказательств окончательности и наивысшей истинности этих результатов.

II

Отметим особенности полученных элементарных частиц и элементов. Частицы соединения и распада обладают новыми свойствами (внешние поверхности имеют столько участков одноименной полярности, сколько простейших элементов

сущего их образуют, в то время как каждый простейший элемент сущего имеет лишь два участка взаимопротивоположной полярности), но не могут перемещаться, сохраняя свою целостность. Новыми формами существования реальности являются акты соединения и акты распадов этих частиц и античастиц. А элементы, образованные последовательным соприкосновением простейших элементов сущего противоположными участками своих поверхностей, хорошо перемещаются, сохраняя свою целостность, но не приобретают новой формы движения от такого усложнения, т. к. каждый элемент А в составе такого сложного элемента совершает такое же движение как и первый элемент составленного ими образования и как и каждый из них при самостоятельном существовании вне объединения.

Количество частиц $+A_2$, $+A_3$ и т. д. и античастиц $-A_2$, $-A_3$ и т. д. или густота и частота их появления в данном пространстве зависит от концентрации элементов А в этом пространстве и хаоса направлений их движений, — тем больше, чем больше концентрация и хаос. А протяженные элементы типа $2A$, $3A$ и т. д. лучше сохраняют направление своего движения и целостность своего состава, наоборот, там, где меньшая концентрация простейших элементов сущего ($=A$) и хаос направлений их перемещений. А где эти концентрация и хаос больше, там они чаще образуются и могут образовываться более протяженными, но чаще также и разрушаются, распадаются под влиянием концентрированного хаоса движений простейших элементов сущего во внешней среде. Поэтому «выживают» те из них, которым удастся образовавшись в среде с высокой концентрацией и хаосом элементов А выйти из нее в среду меньшей концентрации и хаоса их. Вот почему лучи исходят из разогретых тел.

Недостаточно сказать, как это делает Гольбах, «что одно лишь движение является источником изменений, сочетаний, форм, одним словом, всех модификаций материи»^{1/}, т. к. из одного движения новых качественных образований получить невозможно. Нужны множества движущихся элементов, нужны различные процессы на их поверхностях, которые по отношению к процессам на поверхностях других элементов являются либо тождественными, либо хоть чем-то отличающимися, либо противоположными, либо тождественно-

1/. Гольбах. Избр. произв., М., 1963 г., т. I, стр. 86.

противоположными, либо еще какими-то (в дальнейшем это будет рассмотрено подробнее, точнее и глубже); затем, нужны вхождения во взаимосприкосновения, слипания, различные по сочетанию количества и взаиморасположения этих элементов. Все это и является источником и условиями для различных сочетаний и изменений, дающими начала и концы для существования различных элементов и частиц.

III

Сложные образования из элементов А (= простейшие наименьшие элементы сущего реальности), которые обладают новыми свойствами по сравнению с этими элементами А, но не способны сохранять свою целостность, будем называть элементарными частицами или античастицами. А которые не обладают существенно новыми свойствами, но способны сохранять свою целостность, будем называть элементами реальности.

Структурой элементарных частиц сущего реальности будем называть такие взаиморасположенности и взаимосприкосновения некоторого количества простейших элементов А, которые определяют временное объединение их в новое сложное образование и, обеспечивая соответствующую специфичность проявления этого образования, вызывают появление у всего этого объединения новых свойств, существенно отличающихся от свойств единичного элемента А. А такие взаиморасположенности и взаимосприкосновения, которые определяют более-менее устойчивое образование, но не обуславливают появления существенно новых свойств, не обуславливают существенных изменений в форме движения по сравнению с единичным элементом А, будут образовывать структуры сложных элементов сущего реальности.

В любой элементарной частице или в элементе сущего реальности, как и в элементе А, следует различать материальную структуру, как специфическое взаиморасположение и взаимосприкосновение данного количества простейших материальных нечто (= структура-нечто), и идеальную структуру, как соответствующее взаиморасположение и взаимосприкосновение, взаимовпадение внешних поверхностей этих материальных элементов, которые есть прерывающее их ничто (= структура-ничто). Без неразрывного единства этих двух структур элементарные частицы и античастицы и элементы сущего реальности существовать не могут как и составляющие их элементы А. В дальнейшем

слова «сущего реальности», «сущее», указывающие на то, что речь идет о том, что как-то существует в реальности, будут иногда опускаться. Но необходимо иметь в виду выражающийся ими смысл при соответствующих выражениях (например, элемент, элементарная частица, система, тело и пр.), т. к. и постольку, поскольку речь будет идти о том в реальности, что хоть как-то существует, в отличие, например, от того, что в ней не существует, но возможно будет как-то существовать.

Здесь уже появляется возможность мысленно рассмотреть процесс отражения структуры одной частицы в структуре другой или во множестве разрозненных простейших элементов A . Можно получить интересные и важные следствия при мысленном рассмотрении, например, процесса падения множества разрозненных элементов A сбоку на протяженный отрезок элемента $8A$ под прямым или острым углом. Если в этом множестве после одновременного вхождения в соприкосновение его простейших элементов с элементом $8A$ последующее направление движения элементов A будет обусловлено только формой поверхности элемента $8A$ и если последний не разрушится под воздействием этого потока, то в переднем фронте множества разрозненных простейших элементов будет соответствующим образом зафиксирована форма элемента $8A$. И поток разрозненных элементов A будет нести собой эту форму, пока окружающая среда не рассеет этот поток и строй. Но подробнее, глубже и полнее это будет объяснено дальше.

IV

Выведение и определение понятия простейшей системы

Мы получили некоторые разновидности элементов и элементарных частиц, свойства которых таковы, что при определенных обстоятельствах, при вхождении в соответствующие взаимосоприкосновения, возможные тогда, когда в хаосе процессов взаимодвижений складываются благоприятные структурные ситуации, они могут замыкаться в более сложные образования. Так, частицы $+A_4$ и античастицы $-A_4$ и протяженные элементы типа $12A$, или $16A$, или иной протяженности при соответствующих обстоятельствах могут замыкаться противокачественными участками своих поверхностей и образовывать весьма устойчивые системы, которые будут носителями новой формы движения. В них реализуются формы существования, характерные для их образующих

частиц и элементов. Каждое последующее состояние каждого элемента А в структуре этой системы будет предопределено структурой предшествующего состояния их. Такое сложное устойчивое образование из некоторого множества элементов или частиц, являющееся следствием структурного объединения этих элементов или частиц, выступающее носителем новой формы движения и новых свойств, которыми не обладают составляющие это образование элементы и частицы при самостоятельном их существовании, и обладающее способностью сохранять свою целостность, обособляться от не-себя и противодействовать внешним воздействиям в некоторых условиях окружающей среды, будем называть системой. Если такая система образовалась только из разных элементов и частиц уже рассмотренного нами уровня сложности, то это будет простейшая система. Но об этом потом, в «Логах...», после уяснения в «Прологах...» изложенного о сути, возможностях и пределах наших способностей познания реальности вглубь.

§ 5. Иерархия структурных уровней

Краткий обзор содержания этого параграфа:

Продолжается и развивается изложение процесса переосмысливания, обновления и формирования логико-понятийного аппарата. Раскрываются, уясняются, переосмысливаются и определяются такие понятия как: структура элементов, элементно-структурный уровень сложности, иерархия структурных уровней, форма движения, вид системы, качество, свойство, структура-нечто и структура-ничто, внешняя поверхность системы, ее форма, свойства и роль. Уясняется и объясняется то, как и откуда появляются новые качества и свойства у более сложных элементно-структурных образований (эмерджентность). Из уяснения самоорганизации всего сущего реальности в иерархию структурных уровней делается и обосновывается методологический вывод о необходимости того, чтоб и знание любого более сложного образования, в том числе и образований, обладающих способностью чувствовать и мыслить, выводилось из знания менее сложных и менее развитых элементно-структурных образований и в конце-концов из окончательно и абсолютно истинно познаваемых всеобщих начал бытия и наименьших элементов сущего, в результате чего чтоб и все синтезирующееся объяснительное знание и все науки оказались бы интегрально организо-

ванными в иерархический ряд структурных уровней. Начинается более точное и более углубленное уяснение сути и возможностей процессов и результатов отражения и отображения и начинается прослеживание развития отображения производящих процессов, обосновывается необходимость продолжить прослеживание развития отражения из форм, свойственных всем видам и уровням организации сущего, в формы, свойственные лишь живым организмам, в формы отображения чувствами и мышлением.

I

Детальное исследование элементов и структур, при которых возможны возникновения систем, позволяют уяснить, что системы в свою очередь будут обладать своей внешней поверхностью, свойства участков которой разные. Это обуславливает возможность системам выступать в роли элементов более сложных образований и систем высшего уровня сложности, а из последних — еще более сложных и т. д.

Причем, исходные системы данного уровня сложности, которые лежат в основе строения различных новых структурных образований, будут являться элементами системы того уровня сложности, который они в состоянии образовать. А всякие промежуточные образования из них, не обладающие еще способностью сохранять свою целостность или не приобретающие при самостоятельном существовании существенно новых свойств, выступая лишь более сложным носителем того же движения, которым обладают и исходные системы, будем называть частицами, частями или, соответственно, элементами той целостной системы следующего уровня сложности, который они могут образовать в соответствующей структуре.

Всякая система содержит в себе структуру-нечто и структуру-ничто. Это и следует мыслить при словах: система; объективная система; субъективная система, которую мы надеемся в дальнейшем получить; а также когда говорится о материальной системе или об оструктуренной материи, то при этом следует материю мыслить вместе с ее идеальной противоположностью, если нет иных оговорок. Любое и каждое нечто (простейший элемент сущего, сложный элемент или система) имеет свою форму, очерчивающуюся посредством его внешней границы-ничто. Форма у нечто не может быть без заключенной в ней материи, как и материя любого и каждого непрерывного и однородного в себе не-

что не может существовать бесформенной.

Итак, системы могут входить элементами в состав более сложной системы и устанавливать сохраняющуюся структуру между собой как структуру нового уровня. Поэтому уточним понятие структурного уровня.

Структурные уровни систем разграничиваются между собой появлением новой прерывности, новой поверхности более сложной системы. Так, простейший элемент имеет свое простейшее идеальное ничто, охватывающее и ограничивающее собой свое материальное нечто. Это начало первого структурного уровня; и заканчивается он появлением простейшей системы, которая имеет уже свое идеальное ничто, свою прерывность, внешнюю поверхность, позволяющую ей проявлять свою обособленность. Эта новая прерывность включает в себя уже множество простейших элементов со структурой-нечто и структурой-ничто между ними. Т. е. в структурном уровне содержится уже и материальное и идеальное; он определяется теми элементами, которые объединяются посредством данной структуры. Переход от одного структурного уровня к более сложному будет определяться переходом от структуры между элементами систем данного качества к структуре, которая устанавливается между этими системами как элементами более сложной системы. Переход к низшему структурному уровню определяется переходом от структуры данной системы к структуре наиболее сложных ее элементов.

Форма движения некоторой системы в отличие от структуры выступает внешним общим движением всех ее образующих элементов и частей, объединившихся в ней в для нее характерной структуре, внешним итоговым качеством результативных проявлений структуры элементов этой целостной системы, которая поэтому и является носителем и реализатором данной формы движения, которая характеризует собой и множество которых образует данный структурный уровень сложности систем реальности.

В и д с и с т е м может включать, содержать в себе ряд подвидов или разновидностей, обусловленных структурным уровнем составляющих их объектов; а форма движения, соответственно, может содержать в себе ряд более мелких подразделений, обусловленных спецификой движения соответствующих носителей. Например, такой вид систем как живые организмы охватывает собой живые системы различных уровней сложности и структурных организаций, сре-

ди которых можно выделить доклеточные живые системы, системы одноклеточных организмов, многоклеточные живые организмы. Они образуют собой разновидности внутри вида и разновидности форм движения живых систем.

Называя какой-либо объект элементом мы обращаем внимание прежде всего на его внешние свойства, на характер его внешнего движения всей его целостностью, на то, что он входит или может входить в состав более сложного образования, на особенности по форме и по полярности его внешней поверхности, на то, что он может сохранять существенно характерное для него и при существовании вне системы.

Называя какой-либо объект системой мы обращаем внимание прежде всего на его внутренний состав, на сложность его внутреннего строения и процесса, на то, что он состоит из менее сложных элементов и частиц, структуры-ничто и структуры-нечто, что он обладает свойством сохранять целостность и некоторую самостоятельность и ограниченность (обособленность) от не-себя. Сложность не аддитивная (образованная суммой свойств элементов), а неаддитивная, выражающаяся в свойствах целостной системы, не механическая и не эклектическая совокупность более простых с определенной качественностью элементов, а инвариант структурной организации элементов, органическая целостность с эмерджентными свойствами в естественном и диалектико-материалистическом смысле этого слова, или как выражается А. Рапопорт, «организованная сложность». К примеру, объединение нескольких личностей в коллектив приводит к появлению новых свойств, которыми не обладает любая личность этого коллектива и носителем которых является лишь коллектив как целостная система.

К а ч е с т в о системы есть совокупность всего того нового, во-первых, что появляется как действительный результат акта общего проявления всех образующих ее элементов и частиц в той структуре, посредством которой эти элементы и частицы объединяются и обособливаются особой целостностью от вне; во-вторых, что проявляется по отношению к внешнему новой формой и мерой движения и поведения, новой формой и мерой взаимодействия и противодействия на внешнее, новой формой и мерой изменять внешнее и изменяться самому; в-третьих, что исчезает при разрушении целостности этой системы, при полном или частичном распаде, разделении, изъятии, уменьшении составляющих ее

элементов и частей и переходе их в существование вне структуры данной системы.

С в о й с т в а есть те отдельные конкретные специфические акты и формы движений, проявлений и поведения системы или ее частей и групп элементов в структуре системной целостности по отношению к внешнему, вся организованная совокупность которых составляет ее качество.

Потому и прав Спиноза, писавший, что «разрушить какую-нибудь вещь значит разложить ее на такого рода части, чтобы ни одна из всех их не выражала природы целого»^{1/}, что элемент или часть и не может быть носителем и актопроявителем той качественности, которая присуща лишь целостной системе и которая исчезает при разложении ее на части. И Лукреций писал, что «Свойство есть то, что никак отделить или отнять невозможно без разрушения того, чему оно будет присуще».^{2/}

Качественно обособленные и заключенные в собственные границы тела (элементы, системы) объективного мира, благодаря материальной и идеальной структуре, с одной стороны, сохраняют в некоторых пределах свою целостность, качественность и непроницаемость для некоторых иных тел, с другой стороны, в некоторых условиях и для некоторых тел являются проницаемыми, и сами могут проникать в другие тела; устойчивость и неизменность их качественного состояния и непроницаемость их границ относительны и проявляются лишь в некотором интервале условий и для некоторого интервала сложности воздействующих тел и их свойств. Атом, например, непроницаем для других атомов, но проницаем для элементарных частиц и сам может проникать в более сложные системы. Организм человека непроницаем для организмов других людей и для коллективов, а сам он является проницаемым для атомов, молекул и других элементов и может проникать в коллективы как более сложные системы.

Структура-ничто и структура-нечто в своем единстве являются акт существования, движения, взаимодействия, обеспечивают сохранение взаиморасположения и взаимосвязи элементов и систем; а поэтому они существуют объективно как идеальная и материальная противоположности в любой реальной системе, которые и составляют сущность всего

^{1/}. Спиноза Б. Избр. произв. в 2-х томах. М., 1967 г., т. 2, стр. 525.

^{2/}. Лукреций. «О природе вещей», Изд. АН СССР, 1946 г., т. 1, стр. 33.

существующего, обуславливающую собой многообразие конкретных видов всех систем и форм их движения.

Индивидуальные движения отдельных элементов в системе выступают в качестве относительно простых (элементарных) движений, составляющих собой сложную упорядоченность их в структуре данной системы; они генетически предшествуют сложной структуре и являются низшими в высшем, простым в сложном; но в соответствующих обстоятельствах и при соответствующих результатах развития сложных систем некоторых из их составляющих элементов могут синтезироваться, собираться, строиться из субэлементов в теле этой сложной системы в результате жизнедеятельности ее структуры элементов в характерной для нее системной целостности. Такою своих движений в целостной системе ее составляющие элементы дают и ее движение, «ибо движение целого, — писал Д. Толанд, — есть лишь совокупность движений частей... Хотя все части движущегося шара находятся в покое относительно друг друга и относительно своих мест в шаре, однако никто не скажет, что все они как части шара не находятся в движении по отношению к посторонним вещам».^{1/}

А вот как проницательно и предвосхитительно рассуждал Гольбах: «Самые сложные движения всегда являются лишь результатом сочетания простых движений. Поэтому, если мы будем знать общие законы тел и их движений, нам будет достаточно разложить на составные части и проанализировать сложные процессы, чтобы открыть составляющие их простые движения, а опыт покажет нам следствия, которые мы можем ожидать от последних. Мы увидим тогда, что причинами необходимого соединения различных веществ, из которых составлены все тела, являются очень простые движения, что эти тела, различные по своей сущности и свойствам, имеют свои особые движения, и что их совокупное движение есть сумма частных движений».^{2/} Однако следует заметить по поводу выраженного здесь, что имеются гносеологические трудности, которые не могут быть преодолены при помощи движения познающей мысли лишь от знания движений сложного к познанию движений составляющих это сложное простых элементов через разложение сложного на простое.

^{1/} Д. Толанд. Письма к Серене. См. «Английские материалисты XVIII в». М., 1967 г., т. I, стр. 177.

^{2/} П. А. Гольбах. Избр. произв., М., 1963 г., т. I, стр. 95.

Истинность знания о простом может быть установлена и подтверждена выводением знания сложного из простого. Эти трудности будут еще уясняться дальше.

Каждый самостоятельно существующий объект (если это не простейший элемент или соответствующее множество их) представляет собой систему, которая взаимодействием с окружающей средой производит и обуславливает самодвижение, сохраняет в некотором интервале условий свою целостность и инвариантность структуры и проявляет свои свойства и качество.

Наличие внутреннего противоречия в системе, внутренней неоднородности и структурной сложности является источником ее движения (самодвижения), проявляющегося как внешнее движение целостной системы лишь при такой структуре составляющих ее элементов, которая во взаимодействии с внешней средой обеспечивает целостность данной системы. Без сохранения целостности, без удержания своих элементов в своем составе данная система не может быть носителем своего движения. Идею о связи самосохранения системы с ее движением и самодвижением В. П. Волгин отмечал у Кампанеллы: «Всеу существующему присуще самосохранение, стремлением к самосохранению вызвано движение материи».^{1/}

А целостность системного объекта может быть более-менее устойчива лишь тогда, когда составляющие его элементы в его составе находят более оптимальные условия, которые могут быть обеспечены лишь определенным взаиморасположением, взаимообменом и взаимодействием элементов, т. е. структурой.

Различия свойств элементов и различия в свойствах разных сторон и участков внешней поверхности каждого элемента обуславливают различные возможности взаиморасположений и взаимодействий одного и того же набора элементов, обуславливают различные топологические возможности самослипания, самостыковки и самосборки элементов в различные структуры, некоторые из которых оказываются наиболее устойчивые и способны обеспечить целостность образовавшейся системы и предопределенность последующих состояний элементов предшествующими состояниями.

Является общепризнанным, что свойства и целостность атома обусловлены своеобразием свойств и количества со-

^{1/} В. П. Волгин. «Предшественники научного социализма». Изд. АН СССР, М., 1954 г. стр. 7.

ставляющих его элементов, элементарных частиц и своеобразием той структуры, благодаря которой элементы и элементарные частицы данного атома образуют новую целостную систему. А свойства и целостность молекул обусловлены своеобразием свойств и количества составляющих ее атомов и своеобразием той структуры, благодаря которой атомы данной молекулы объединились и взаимодействием и взаимодействием сохраняют образовавшуюся целостность молекулы, и т. д. И даже при одинаковом количественном и качественном составе элементов, но при различной структуре объединения их, образуются системы с разными свойствами. Множество примеров этому можно привести из химии.

Иерархия структурных уровней наблюдается при переходе вглубь от сложных форм движения и видов материи к менее сложным (в молекулярный, атомарный и субатомарный уровни), и при переходе к более сложным формам существования материи (планеты, звезды, звездные системы, созвездия, галактические системы, метagalaktiki и далее), и в направлении усложнения целостных системных объектов органических форм существования материи (объекты субклеточных, клеточных, многоклеточных уровней сложности, объекты растительного и животного миров), и, наконец, при переходе от человека к таким более сложным системам как семья, различные малые коллективы, производственные коллективы, классы, партии, нации, государства и различные системы государств. Хотя и по-своему, но это же утверждал и Гольбах, который не является ни первым, ни единственным, видящим реальность такую: «От камня, образованного внутри земли путем тесного сочетания сходных и родственных, сблизившихся между собой молекул, до солнца, этого колоссального резервуара пылающих частиц, освещающего небесный свод, от пассивной устрицы до активного и мыслящего человека мы видим непрерывное продвижение, постоянную цепь сочетаний и движений, дающую начало существам, которые отличаются друг от друга лишь входящими в их состав элементарными веществами, а также сочетаниями и пропорциями этих веществ, порождающими бесконечное разнообразие способов существования и действия».^{1/}

Человек также является системой соответствующего структурного уровня. сам составлен или образован из низших материально-идеальных объектов и сам составляет собой

^{1/} «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 678.

более сложные образования и системные объекты, — различные общности людей. Он есть продукт развития элементов и систем реальности, по отношению к которому все остальное реальности, кроме его, является объективной реальностью, а он в ней является для себя субъективной реальностью. Он есть продукт развития реальности, унаследовавший, включивший активность и движение ее простейших и сложных элементов и систем и развивший в себе эти свойства до такого специфического состояния, которое мы называем практикой и познанием и которое позволяет ему в некоторых пределах преобразовывать и подчинять себе окружающий мир. Ведь и простейший элемент оказывается в состоянии изменить направление движения другого простейшего элемента. Являясь слугой и истолкователем природы человек настолько становится господином ее, насколько он познал ее и насколько может реально совершать то, что знает и желает.

Говоря о необходимости разработки понятия земной самоорганизации Д. И. Дубровский пишет: «В общих чертах земная самоорганизация представляет собой чрезвычайно многоплановую систему, включающую множество иерархически, конкретно и ассоциативно соотносящихся между собой самоорганизующихся систем, которые обладают различной степенью сложности и автономии по отношению к целому и его подсистем. Среди них простейшей самоорганизующейся системой является, по-видимому, живая клетка, а наиболее сложной — человеческое общество. Будучи подсистемой земной самоорганизации, общество в своем саморазвитии обладает наивысшей степенью автономии и свободы по сравнению с функционированием всех прочих самоорганизующихся систем...»^{1/}. Но почему же за начало иерархической системы земной самоорганизации берется живая клетка как простейшая самоорганизующаяся система, как это пишет Дубровский в указанной статье? А молекулы? а атомы и прочее далее вглубь разве не само организуется? не самоорганизующиеся системы с нисходящей степенью автономии и свободны при соответствующем образе их существования и рассмотрения? Разве клетка образуется и состоит не из атомов и молекул? А разве атом образуется и состоит не из соответствующих элементов и частиц субатомного уровня сложности? И разве все это не само образуется при соответ-

^{1/} Д. И. Дубровский. «Проблема нейродинамического кода психических явлений». См. ж. «Вопросы философии», № 6, 1975 г., стр. 90.

ствующих обстоятельствах и ситуациях взаиморасположения и взаимодействия это образующих элементов и частей? А разве можно познать живую клетку, механизм образования ее живости и ее развития, не познавши того, из чего и как все это образуется, не познавши атомов и всего прочего до дна вглубь? — не познавши истинно и окончательно те начала, из которых все начинается, образуется и состоит, которыми все действует, обуславливается, существует, развивается, от которых все стареет, гибнет и кончается и в которые все разлагается? Как можно утверждать, как это делает Д. И. Дубровский, что «исследование самоорганизации может иметь достаточно автономный характер по отношению к физическим наукам и не быть жестко обусловленным их новейшими результатами. Мы имеем здесь еще одно доказательство несостоятельности редукционистских программ физикализма, позитивистская сущность которого общеизвестна».^{2/} Для чего Вы несостоятельно обосновываете то, что «исследование самоорганизации может иметь достаточно автономный характер по отношению к физическим наукам и не быть жестко обусловленным их новейшими результатами»? Для содействия или для противодействия познанию элементарно-структурного механизма, перехода неживого в живое? Как же можно познать живую клетку, механизм ее живости без познания того, из чего все это образуется? Неизвестным и непонятым объяснять непонятое и неизвестное? А осуждением редукционистских программ физикализма (см., например, Дубровский, там же, стр. 91) не осуждаются ли и попытки исчерпывающего и истинного познания тех неживых элементов, систем и структур, из которых образуется все биологическое и живое и исследованием которых занимаются физики и химики? — для того, чтоб исчерпывающе и истинно познать почему и как же образуется, работает и существует все в реальности, в том числе и живое, строящее себя из этого неживого, и как же и почему оно опять превращается в неживое?!

А если говорят, что высшие формы движения материи несводимы к низшим, то что мыслят под термином несводимости? Разве формы организации и движения живой клетки не сводятся самополучно в реальной действительности к формам организации и движения ее составляющих элементов и частей в результате гибели ее и разложения? Ведь оконча-

^{2/}. Там же, стр. 91.

тельно познать и объяснить живое можно лишь таким выведением его структуры и форм существования из окончательно и истиннейше познанных элементов неживого, какое и происходит на самом деле в реальной действительности, и таким сведением структуры и форм движения и существования живого ко всему тому, во что оно превращается в результате смерти и разложения, как это и происходит на самом деле в реальной действительности. Прогрессу или застою и регрессу научного познания служит настаивание на ошибочно понимаемом методологическом принципе несводимости высших форм организации существования материи к низшим?

II

Не вызывает сомнения, что способность ощущать и мыслить реальные образования могут приобрести лишь в ходе и в результате образования и развития соответствующих образований из всеобщих начал бытия и наименьших элементов сущего, в результате переходов от систем такой структурной организации элементов, при которой явно выраженной способности ощущать и мыслить еще нет, к системам с такой структурной организацией своих элементов, при которой появляется и способность ощущать, мыслить и пр. В соответствии с этим исследовательски проследим мысленно процесс взаимодействия и развития систем, выявляя и исследуя зарождение, развитие и сущность отражения, его влияние на ход саморазвития систем и развитие процессов отражения в высшие его формы, продвигаясь этим и к познанию наших способностей познания и их дальнейшего развития.

Целостность каждой системы обуславливается тем, что данному составу (по количеству и по качеству) элементов установившаяся между ними структура обеспечивает непрерывность и предопределенность тех условий, которые необходимы для реализации этими элементами тех движений и обменных процессов, без которых они не могут существовать, т. е. тем, что сохраняется состав элементов и благоприятная для сохранения целостности мера негэнтропии внутри этой системы (мера отсутствия неопределенности, степень предопределения будущего состояния каждого элемента данной системы их предшествующими состояниями в данной структуре при данном количестве).

Целевая причина такого-то существования такой-то целостной системы в том и заключается, что система сохраняет такую свою целостность и существует так настолько, насколько структура ее элементов оказывается способной в таком существовании такой целостности в таких-то обстоятельствах обеспечить непрерывность предопределенности такого существования составляющих эту систему элементов в последующем мгновении их предшествующими состояниями, которое и составляет сущность их существования как таковых. А цель здесь мыслится не только как то, куда, к какому результату движется или существует нечто (к этой одной стороне сводил все понятие цели И. Кант), но и как то, что составляет сам процесс движения (только к этой другой стороне сводил все понятие цели Гегель), как закономерно опричинненная связь последующих состояний структуры элементов с предшествующими, ведущая к предопределенным результатам.

Лишь относительно элементов среды может проявиться и обнаружиться общее движение элементов системы и ее целостности как общий результат слагаемых от всяких движений элементов в ее структуре, — в результате такого внешнего движения всех ее элементов, которое является общим результатом слагаемых, тождественных в каждом ее элементе, но разных по направлениям, и которое предопределяет устойчивую сохраняемость взаиморасположений и установившихся состояний элементов данной системы.

Система существует для внешнего и во вне себя лишь тогда и постольку, когда и поскольку имеется общее передвижение составляющих ее элементов, когда и поскольку она движется в окружающей ее среде, каким-либо образом проявляется, каким-либо образом влияет на окружающую среду, изменяет ее или препятствует, сохранением инвариантности структуры своих элементов противодействует тенденциозным изменениям во внешней среде окрест себя, началом себя ставит им ограничение и влияет на них своими излучениями. Кроме того, нечто существует как система лишь тогда, когда оно состоит из нескольких элементов и сохраняет свою целостность, т. е. удерживает свои элементы в характерном для системы общем движении, проявлении. А это удержание достигается той предопределенностью будущих состояний каждого элемента данной системы, которую обеспечивает ее структура, и обменными процессами с окружающей средой.

Таким образом, некоторое множество элементов существует как самостоятельная целостная система лишь тогда, когда эти элементы отличаются и обособливаются от окружающей среды каким-либо общим для всех их проявлением, поведением, движением, перемещением, действием или противодействием и т. п. относительно элементов и систем среды, не связанных той структурой, которая установилась между элементами данного множества и в характерных для этой системы пределах сохраняется. Без этого она не существует как самостоятельная и обособленная и именно этим проявляется эмерджентное качество этой системы. И элементный состав ее определяется тем количеством элементов, которые участвуют, помимо всех прочих движений, в общем, в тождественном движении, отсутствием которого у элемента определяется его непринадлежность к существу тела данной системы.

Если система сохраняет целостность и участвует всем составом своих элементов в каком-то общем для них и для другой системы движении, то такие системы в таком-то отношении проявляются в качестве элементов системы высшего структурного уровня. К примеру, если данные атомы данной молекулы воды (или данного камня) участвуют в движении Земли вокруг Солнца, то вода или камень со своими атомами есть элемент системы Земля. И насколько эта молекула со своими атомами и всеми составляющими ее элементами проявляет общее и тождественное для составляющих ее элементов движение, отличное от орбитального и суточного движения Земли, настолько она существует как самостоятельная и обособленная система.

Каждая система обладает свойствами саморегуляции процессов взаимодействия составляющих ее элементов между собой и с окружающей средой, свойствами сохранения своей целостности. Внутренняя сущность ее (во-первых, свойства и количество составляющих ее элементов, во-вторых, структура взаиморасположения и взаимодействия этих элементов, и в-третьих, обусловленное первым и вторым своеобразие функционирования и своеобразие требований, запросов к окружающей среде, удовлетворение которых обеспечило бы сохранение целостности этой системы и оптимальные условия для существования составляющих ее элементов) и свойства окружающей среды обуславливают собой определенный тип поведения, что и предстает его качеством или свойствами (= слагаемые качества) для всего окружающего. Качествен-

ные разновидности систем внутри одного уровня сложности обуславливаются количественными и качественными различиями составляющих элементов ближайшего низшего уровня сложности, и различиями структуры взаиморасположения, взаимодействия и функционирования, в которой эти элементы составляют собой системы данного уровня сложности.

Так, к примеру, качественная разновидность внутри множества систем атомарного уровня сложности обуславливается вышеупомянутыми различиями элементов микромира, так называемыми электронами и нуклонами, и прочими элементами и частицами, их количествами, качествами и структурой объединения в атоме. Качественные особенности систем молекулярного уровня обуславливаются количественными, качественными и структурными особенностями объединения составляющих молекулу атомов. И так далее в оба направления: в направлении к менее сложным системам, — в микромир, — и в направлении к более сложным — в макро- и мегамир.

Вопрос о том, как и откуда появляются новые свойства и разнообразие качественностей, занимал и продолжает занимать внимание мыслителей. И трудности решения его вынуждают многих утверждать изначальную бесконечность многообразия в природе. Но как тогда объяснить взаимопревращаемость одних качественностей в другие, а других в первые? Или зачем тогда эти объяснения? — ведь разнообразие вкладывается в сами начала?! Истинное и наилучшее объяснение этого вопроса получается именно таким выводением новых сложных образований из различных множеств исходных элементов, объединяющихся в различные структуры и вследствие этого по-разному проявляющие свое существование в этой новой общности, какое и происходит на самом деле в реальности. Иной набор элементов и объединение их в иной структуре дает иное проявление этого нового образования, дает новое качество. Нет свойства без его носителя и не существует никакое нечто без свойства, т. к. свойство носителя и есть какое-то его проявление, существование. Реально существующее любое нечто не существует без свойства, без того, чтобы в результате своего существования хоть как-нибудь не проявляться по отношению к другому. Новые проявления в результате элементарно-структурных изменений в системе и являют собой проявление новых свойств. Эмерджентные свойства и качества появляются как резуль-

тат элементарно-структурных образований и преобразований.

Как нематериальное может создавать материю? — спрашивали монистические материалисты монистических идеалистов и припирали их этим вопросом к стенке. Как материальное может создавать идею, спрашивали монистические идеалисты у монистических материалистов и ставили их в не менее затруднительное положение.

Материальность элементов реальности объединяется посредством новой структуры, что невозможно было бы без идеального ничто, прерывающего и обособливающего эти материальности в такости существования реальных элементов, и появляется новое образование с новым качеством, т. к. и постольку, поскольку это объединение отличается структурой и составом элементов и проявлением общности этих так оструктуренных элементов в соответствующей среде.

III

Из всего вышесказанного следует, что всякая система имеет свою идеальную поверхность, образованную пределом, границей, прерывом ею образующейся качественности и переходом к началу внешнего, к началу другой качественности, к иному нечто, в данный момент времени на данном этапе ее процесса функционирования не входящего в состав данной системы, т. е. имеет свое идеальное ничто. Эта поверхность будет определять собой внешнюю форму данной реальной системы, которая обуславливается количеством и структурным уровнем элементов, составляющих данную систему, формами их внешних поверхностей и характером той структуры, которая установилась между ними. Она не есть нечто такое, что для всего внешнего есть абсолютно непроницаемое, прерывное, и не есть нечто такое, что для всего внешнего есть абсолютно проницаемое, непрерывное. Одни участки поверхности системы составлены свободными от взаимоприкосновения участками поверхностей одних элементов этой системы, другие участки — соответствующими участками внешних поверхностей других элементов этой же системы. А поскольку система объединяет в себе разнокачественные элементы или элементы с различными участками их поверхностей, постольку и свойства ее внешней поверхности на разных участках могут быть разные. Эта важная особенность внешней поверхности любой реальной системы, во-первых, обуславливает собой объединение не-

скольких систем в качестве элементов в составе более сложной системы, и во-вторых, обуславливает собой запрос на определенную структуру объединения элементов в высшей системе, т. е. запрос на то, чтобы к данному участку поверхности данной системы (становящейся элементом более сложной системы) прикасались определенными участками своих поверхностей другие элементы, качество которых таково, что этим соприкосновением и определенным взаимодействием или взаимообменом они в состоянии обеспечить взаимный энергетический и энтропийный оптимум, в состоянии увеличить негэнтропию внутри системы. А в-третьих, и это важное для уяснения сущности отражения и генезиса ощущений, система входит в соприкосновение и во взаимодействие с материей элементов и систем внешней среды своей внешней поверхностью прежде и больше всего. И в-четвертых, что очень важно для логики познания, признание наличия ничто в реальности влечет за собой и признание необходимости мыслить его не как отсутствие мыслящегося, а как мысль о том, что является такой противоположностью протяженного нечто, которую можно мыслить посредством любого мыслящегося нечто (между любыми хоть чем-нибудь различающимися нечто), но достижением подобия или соответствия формы которого с формой познающегося реального нечто достигается истинность отображения.

Истинное познание сущности реального ничто и его роли в реальной действительности дает мышлению опору в процессе познавания тем, что чтобы правильно мыслящееся мыслилось, необходимо мыслить его как протяженное материальное нечто, ограниченное, вернее, прерывающееся посредством непротяженного идеального ничто. А чтобы мыслящееся было истинным, то оно должно мыслиться правильно соотнесенным к знанию о познающемся и иметь подобное соответствие с реальией познающегося, что устанавливается наличием тождественности формы ничто у мыслящегося представления и у познающейся реальности, хотя размер и качество того мыслящегося нечто, которое является носителем этого мыслящегося ничто, могут отличаться от размера и качества того реального нечто, которое является носителем своего реального ничто. Например, один может представлять себе модель атома посредством красного и зеленого цветов, другой — посредством черного и белого, третий — посредством данных осязания макета, а какой «цвет» у реального атома мы так и не знаем; но если и

насколько при всем этом формы ничто представлений у первого, у другого и у третьего субъектов имеют подобие с формой ничто реального атома, то и первый, и другой, и третий субъект настолько же мыслят истинное отображение этого предмета познания. Ничто — это, выражаясь фигурально, путеводная нить для мышления, которое должно об него опираться, за него держаться и его же отыскивать в своем познавательном продвижении, чтобы вновь опереться на него же как на границу уже познанных и познающихся нечто и получить возможность двигаться дальше в деле познания иных нечто.

Здесь уместно привести слова Ф. Бэкона: «...прекрасно известно, что Платон, созерцая весь мир с высоты своего гения, как с высокой скалы, в своем учении об идеях уже видел, что формы являются истинным объектом науки, хотя он и не сумел воспользоваться плодами этого в высшей степени правильного положения, поскольку рассматривал и воспринимал формы как нечто совершенно отвлеченное от материи и не детерминированное ею. Именно по этой причине он свернул с правильного пути и обратился к теологическим спекуляциям, что наложило отпечаток на всю его естественную философию и испортило ее. Поэтому, если мы внимательно, серьезно и искренне обратимся к действию и практике, то без большого труда сможем в результате исследований достичь знания того, что собой представляют те формы, познание которых могло бы удивительным образом обогатить и облагодетельствовать человечество».^{1/} А на страницу ниже у него можно прочесть и то, что эти формы составляют собой сущности всех субстанций. Комментарии излишни, если бы при этом имели в виду идеальное ничто в здесь определенном новом смысле этого понятия, без чего познание бьется в тисках противоречий монистической логики. К сожалению не избежал этого и Ф. Бэкон. «Ибо когда мы говорим о формах, — пишет он, — то мы понимаем под этим не что иное, как те законы и определения чистого действия, которые создают какую-либо простую природу, как, например, теплоту, свет, вес во всевозможных материях и воспринимающих их предметах».^{2/} Монизм тогда не столь был ветхим, как теперь, чтобы стряхнуть его и узы снять.

Интересно переосмысливаются и слова Ибн-Гебирия:

^{1/} Ф. Бэкон. Сочинения в двух томах. М., 1971 г., т. I, стр. 237.

^{2/} Ф. Бэкон. «Сочинения в двух томах. М., 1972 г., т. 2, стр. 114.

«Движение всего движущегося направляется к единству и совершается благодаря единству; доказывает это то, что все движущееся движется только для обретения формы, а форма есть не что иное как отпечаток единства. Единство — это благо; следовательно, движение всех вещей совершается только для достижения блага, которое и есть единство».^{3/} Это рассуждение верно с учетом такого перефразы: что форма являет себя через ничто, ограничивающее, прерывающее собой нечто, которое обособливается и отделяется своим ничто от иного нечто, от не-себя, и тем самым проявляет акт существования; что речь идет о единстве нечто и ничто; что это единство есть благо лишь потому, что именно оно является собой существование, обеспечивающее устойчивое предопределение будущих состояний элементов их предшествующими и нынешними состояниями в структуре этого единства; что «движение всех вещей совершается» потому «только для достижения блага, которое и есть единство», что без этого единства различностей и противоположностей не было бы движения и существования, не было бы и нас, стремящихся к благу.

IV

Нет ни одного целостного предмета, существование и свойства которого не являлись бы следствием в какой-то мере устойчивой, сохраняющейся структуры сосуществующих элементов. Объективным основанием для знания, организованного в форме иерархии понятий о системах, структурах и элементах различных уровней сложности, является реальное, фактическое, на соответствующих сложных уровнях подтверждающееся нашими ощущениями и восприятиями состояние реальности, которая существует в виде неисчислимых множеств различных дискретных и обособленных в своей целостности реальных носителей реального движения, реально существующих нечто со своим ничто или в виде неисчислимых множеств различных форм реального движения материальных носителей его, т. е. форм существования реальных, составленных из материального нечто и идеального ничто. И как объективно существуют соответствующие носители соответствующего движения, не существующие без движения, так же и в нашей логике мышления мыслимое понятие элемента или системы должно мыслиться вместе с суще-

^{3/} См. «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. I, стр. 778—779.

ственным для него движением, без которого оно и не должно мыслиться; и как объективно существует движение соответствующих носителей, не существующее без этих носителей, так же и субъективно мыслимое нами движение не должно мыслиться без понятия о его носителе, если мы хотим истинно мыслить и развивать знание в более сложные образования смыслового содержания.

Глубокое познание предмета достигается в результате успешного исследования его элементов, их связей, взаиморасположений и взаимодействий. И знание качества и возможностей предмета можно получить как следствие структурного объединения и эмерджентного проявления единства тех элементов, которые составляют собой систему этого предмета. А так как структурность реального мира является всеобщей и существенной особенностью его, то и понятие структуры и проблемы структурологии, которые в силу этого и возникли в лоне развития современного научного познания, имеют важное значение; и понятие структуры приобретает категориальную форму и включается в здесь переосмысливающийся и обновляющийся логико-понятийный аппарат новой СНОЗ, являющейся единой системой всех наук о всех и разных предметах всей реальности.

Исчерпывающее по ясности, глубине и подробностям исследование конкретных структур образования и развития реальных объектов с выявлением строго определенных параметров, характеризующих не только с качественной, но, главным образом, и с количественной стороны, тенденции и возможности их внутренних процессов в различных известных условиях, есть область специальных, частных наук, которые должны принять на вооружение разрабатываемый здесь обновленный логико-понятийный аппарат и метод диалектико-материалистической логики и использовать свою общепринятую терминологию и эмпирические данные для разработки новой системы понятий с уточненной, обновленной и усовершенствованной внутренней логикой развития, чтобы обновить, реорганизовать и представить научное объяснительное знание о своих предметах в форме, способной подвергаться мышлением и в мышлении развитию и прослеживаться в своем развитии так, как есть и развивается в реальности соответствующий предмет познания. А доведя развитие такого знания до определенного нового образования или уровня, соответствующая наука должна пере-

давать его для дальнейшего исследования в качестве исходного знания для другой науки.

Ф. Бэкон делил науки на основании трех способностей разумной души: памяти, воображения и рассудка. Но это же субъективизм. Авторы учебного пособия «Современная буржуазная философия» совершенно обоснованно опровергают классификацию наук по этому методу. «Метод, логическая структура понятия необходимо определяется объективным строением предмета. Поэтому классификация наук может и должна быть—в разрез с утверждениями Виндельбанда и Риккерта—только классификацией предметной. В основе не может лежать лишь учет возможных точек зрения на действительность, но прежде всего анализ различий, существующих в сфере самого предмета познания и делающих необходимым — для более полного и совершенного охвата и освоения этого предмета — наличие особых методологических приемов и установок, особых способов логического оформления понятий».^{1/} Такое же мнение выражал и Ф. Энгельс: «Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самых этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение».^{1/}

Иерархия частных наук должна определяться той иерархией структурных уровней реальности, в которой высшие системы образуются из низших и включают низшие в себя. Например, доведя развитие научного знания об элементарных частицах в знание об атомах и подведя последнее к переходу на молекулярный уровень физика должна передавать это знание в качестве исходного для химии. Частные науки должны преследовать цель изучения возможностей влияния человека на ход внутренних процессов конкретного объекта и предложить научно обоснованные безошибочные технологические рекомендации о том, чем, как, сколько, где и когда следует воздействовать на структуру внутреннего процесса данного тела и его окружающего, чтобы получить такой-то результат с такими-то возможными или неизбежными последствиями его.

^{1/} Учебное пособие «Современная буржуазная философия» под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля и И. Г. Нарского. МГУ, 1972 г., с. 52.

^{1/} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 564—565.

Философское мышление должно раскрыть, обосновать, объяснить, доказать и проверить в себе самое существенное и самое общее знание в его развитии от всеобщих общинно-донных, фундаментальных начал бытия и наименьших элементов сущего до наисложнейшего и наибольшего и в наистейнейшем соответствии с реальностью. И в результате этого получившаяся новая СНОЗ явит собой единую общую систему всех наук о всех и разных предметах всей реальности, как ту одну науку, которая должна явить собой новую СНОЗ, должна явить собой ту одну науку, которую предсказал и К. Маркс и настоятельную потребность в которой испытывает научное познание нашего времени. Совершенно прав Ф. Бэкон, когда он писал, что «...Пусть никто не ждет большого прогресса в науках, особенно в их действенной части, если естественная философия не будет доведена до отдельных наук или же если отдельные науки не будут возвращены к естественной философии».^{2/}

Потому-то современное естествознание и страдает разладичей в фундаменте, отсутствием глубины своего объяснительного знания, отсутствием ясности о наличии и сущности первопричин, первоначал, первоисточников и модель-механизмов сущего и актов его проявления; потому-то оно и скользит по поверхности, занимаясь лишь описанием видимого, чувствам доступного разнообразия вещей, лишь систематизацией и обобщением эмпирического знания, отвечая лишь на вопросы о том, что и как происходит, но оказывается зачастую неспособным ответить на вопросы: почему? при помощи чего? через какой глубинный элементарно-структурный и причинно-следственный механизм все так происходит? и какие возможности есть для иного существования и для существования иного? А если любопытство все же вынуждает отвечать на вопрос о том, почему это так происходит, то для объяснения этого обобщенный эмпирический опыт о том, что всегда в таких-то условиях это происходит так, выдают за особый закон и объясняют тогда все факты этого рода, например, так: яблоко падает потому, что действует закон всемирного тяготения. И дальше разум не ходит! Как будто трудно догадаться, что в таком объяснении массовость, частоту повторяемости, общность частного выдают за причину. Нынешняя СНОЗ достаточно хорошо реализует собой позитивистский принцип: не указывать причины, производящие

^{2/} Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1972 г., т. 2, стр. 44.

явления, т. к. это, де, только перемещает затруднение глубже или дальше, а анализировать и обобщать условия и та-кость проявления явлений. «Истинный позитивный дух, — писал основатель позитивизма О. Конт, — состоит преимущественно в замене изучения первых или конечных причин явлений изучением их непреложных законов, другими словами — в замене слова почему словом как».^{1/} И вовсе «неудивительно, — говоря словами Бэкона, — что науки не растут, ибо они отрезаны от своих корней».^{2/}

И Гегель рассматривал такие, строящиеся на тавтологических основаниях, способы объяснений и констатировал, что они не дают никакого продвижения в объяснении, в познании объясняющегося вопроса: «Если на вопрос, почему такой-то человек идет в город, указывается как на основание, что город имеет притягательную силу, влекущую его туда, то такого рода ответ, санкционированный в науках, считается вздорным... Посредством такого формализма нечто так же не объясняется, как не познается природа растения, если я скажу, что оно растение;...»^{3/}

Ведь науки, на долю которых выпало изучение материи в самых глубинных уровнях ее строения и существования, вынуждены были изучать это вне связи и вне единства с идеальным, изучением которого занимались философские науки, гипертрофированно заидеологизировавшие свое идеальное и материальное в монистически односторонние начала и системы. С другой стороны, и философские науки, на долю которых выпало изучать сознание, познание и знание, из-за традиционных гносеологических барьеров, нагроможденных предшествующим познанием и глубоко укоренившимися в теории познания традициями и влияниями авторитетов, вынуждены были долгое время изучать свой предмет вне связи, вне единства и не в аспекте естественного развития реальности в объективное и субъективное сущее из первичных глубинно-донных и всеобщих начал бытия. И поэтому и естествознание и философия не могут плодотворно и успешно развиваться дальше, как не может расти и процветать то, корни и плодотворные верхушки чего разорваны. И лишь по мере и в итоге длительного исторического пути развития познание приходит к установлению такого единства логической формы и содержания своего научного знания в

^{1/}. «Антология мировой философии», М., 1971 г., т. 3, стр. 681.

^{2/}. Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1972 г., т. 2, стр. 44.

^{3/}. Гегель, «Наука логики», М., 1972 г., т. 2, стр. 87—88.

философии и в частных науках, какой является сама реальность в многообразии своих областей и структурных уровней сложности.

Работа по объединению объяснительного знания в единую систему познание уже ведет в лоне естественных наук (кибернетика, структурология). Однако недостает осознанности сущности, онтологической и гносеологической роли объективного единства сущностных противоположностей, на что монополюльно продолжает влиять философия до сих пор, занимающая хвостистские позиции по отношению к частным наукам естествознания, вместо того, чтобы дать им истиннейшее знание о тех началах, из которых все образуется в реальности и из знания которых должно выводиться знание о любом предмете познания. Объяснительное знание нынешней СНОЗ раздроблено, эклектично и подобно мифу о вавилонском столпотворении разобщено терминологически. В результате специализации, пишет Н. Н. Моисеев, «не только гуманитарии не понимают профессиональный язык естественников, но и сами естественники начинают все хуже понимать друг друга. Уже сегодня даже математики разных специальностей не всегда могут объяснить друг другу смысл и значение своих исследований».^{1/} Даже человека поделили на части и отдали для изучения и лечения разным наукам и специальностям. Настал час покончить с этим анахронизмом. Идет время синтеза всех разновидностей и областей объяснительного знания частных наук, устранения неестественных разрывов и обособлений, переосмысливания междисциплинарных связей и хода развития логики понятий на стыках наук. «Естествознание, — предсказывал К. Маркс, — включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука».^{1/}

Философия должна не только расчистить заторы от скопления гносеологических трудностей, разладов и неясностей, громоздящихся на путях частных наук; она должна прорвать рубеж между истинно известным и неизвестным, продвинуть его в глубь непознанного, опрокинуть роковые столбы на границах знания, пролить свет и осветить тайны темноты подысподней и вести за собой частные науки, давая им ис-

^{1/} Н. Н. Моисеев. «Актуальные вопросы экологической эволюции и «мировая динамика» Джея Форрестера». Ж. «Вопросы философии», № 7, 1978 г., стр., 171.

^{1/} Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956 г., стр. 596.

тинный метод и смыслологику познания для детальной разработки всякого нового научного знания (объяснительного, и измерительного, и технологического, и пр.) о реальном мире.

«Начальные и основоположные шаги всегда имеют революционный характер. Научное воображение находит старые понятия слишком ограниченными и заменяет их новыми. Развитие, продолжающееся по какой-либо уже принятой линии, эволюционно до тех пор, пока не достигается следующий поворотный пункт, когда должно быть завоевано новое поле исследований».^{2/}

И неверно мнение, что традиционная логика пригодна лишь для специальных наук, а для философии, де, нужна особая диалектическая логика. О какой особой логике может идти речь, если мы стремимся познать реальный мир таким, каков он есть? как он развивается и каким может быть? Смысло-логика должна быть настолько одна и настолько разнообразна, насколько одинаковы и разнообразны соответствующие области реального мира, истинно познающиеся и отображающиеся этой смыслологикой.

В то время, когда истиннейшая фундаментальная смысло-логика больше всего необходима в началах знания, а выясняется, познается, уточняется, обновляется и проверяется она в конце, в итоге развития познания и практики применения его результатов, то зачем же при этом отрывать и отгораживать одни науки от других? Разве только из соображений движения под лозунгом: «Разделяй и властвуй!»? Разве только для спасения логического вандализма? для спасения логики: «А есть и не есть», столь удобной для тех, чьи интересы не совпадают с интересами прогрессивного развития общества и кому поэтому приходится выкручиваться и подвизаться у лжи? кому приходится разрабатывать «теории» запутывания, затуманивания, «теории» увода людей от ясности, отчетливости и истинности? — для спасения логики, удобной для тех, кто пытается философию свести лишь к такому средству идеологической борьбы, которое одинаково служило бы для любой группы заговорщиков, карьеристов и экстремистов, руководствующейся не единственно истинной и подлинно научной и прогрессотворнейшей теорией, а личным честолюбием и страстью к захвату и сохранению власти любым путем, любыми средствами и

^{2/} А. Эйнштейн и Л. Инфельд. «Эволюция физики». Изд. «Наука, 1965 г., стр. 26.

ценой и ради любых целей? — логики, удобной для спасения философии анархистски-бунтарствующего движения, в слепую и неосознанно протестующего против всего «установленного», и не имеющего четкой, научно обоснованной положительной (созидательной) прогрессотворной программы?! Урок того, к чему приводит такая философия, дает троцкизм и маоизм. Ведь «диалектической» логикой, признающей правильность формулы «А есть и не есть», можно обосновать что угодно: и то, что есть возможность предотвращения новой мировой войны, и то, что нет этой возможности. К чему может приводить такая философия и логика, видно и по событиям, имевших место в Кампучии (См. газ. «Правда», 25 октября 1978 г., статья: «Страна — концлагерь»): сгруппировавшаяся клика поднимает народ на борьбу под лозунгами социального прогресса, а потом, после победы и захвата власти, эта клика оргнизовывает казарменный фашизм. И администрация президента США Рейгана частенько прибегает к такой «диалектической» логике, например, в вопросе о готовности «поделиться с СССР результатами работ по СОИ»: «Все стало ясным «диалектический» характер логики, которой придерживаются в Белом доме, — оказалось (кстати, советскому руководству, как мы видели, это было ясно с самого начала), что «поделиться» означает одновременно «не делиться», «передать» означает вначале «испизвестно что передавать», а затем — «ничего не передавать». Такова вашингтонская логика». (См. «Правда», 25. 10. 86 г., статья К. Георгиева «Еще раз о логике»).

Лишь развитие истинного знания обо всем и верная служба истине и справедливой и прогрессотворной добродетели является тем идеологическим оружием для трудящихся масс, которое способно разоблачить, сокрушить и повергнуть во прах любые лживые хитрости, измышления и дьявольские проделки, инсинуации реакционеров, объединяя прогрессивные силы и отвращая от лжецов, от ошибающихся людей и людишек, принявших в своем стремлении к истине ложь за истину, — оружие, которое постоянно развивает прогрессивную идеологию и идеологически разоружает реакцию, которое способно насмерть неправду регрессотворную рубить.

«Философия» — предсказывал Фейербах, — должна снова связаться с естествознанием, естествознание — с философией. Эта связь, основанная на взаимной потребности, на внутренней необходимости, будет продолжительнее, счастливее и плодотворнее, чем тот мезальянс, который до сих пор был

между философией и теологией»,^{1/} и который, добавим от себя, до сих пор был между монистической философией и естествознанием. Хорошо выразился по этому поводу и Рене Декарт: «Тот, кто серьезно стремится к познанию истины, не должен избирать какую-нибудь одну науку, — ибо все они находятся во взаимной связи и зависимости одна от другой, — а должен заботиться лишь об увеличении естественного света разума, и не для решения тех или иных школьных трудностей, а для того, чтобы его ум мог указывать воле выбор действий в житейских случайностях».^{2/}

И в наше время многие видные ученые говорят о необходимости и проблемах интеграции чрезвычайно дифференцировавшегося научного познания и знания и его дальнейшего углубления и прогресса. В подтверждение этого приведу несколько цитат.

Академик П. Н. Федосеев: «...Естествознание напряженно ищет новые обобщающие теории, новые идеи».^{3/}

Академик Б. М. Кедров: «Бурные процессы дифференциации знаний, появление многих новых специальных областей исследования требуют пристального внимания к вопросу о внутреннем единстве различных научных областей, к вопросам их диалектико-материалистического синтеза».^{4/} И далее он отметил, что нужен не эклектический синтез, а подлинно научный синтез, который совершается в современном естествознании через борьбу различных воззрений.

«В настоящее время, отметил С. Т. Мелюхин, стоит задача создать новую модель единства мира, которую следует охарактеризовать как атрибутивную, и выполнить эту задачу должна диалектика природы. В данной модели описание природы не ограничивается только рассмотрением определенных качественных состояний материи или законов, а учитывается бесконечное многообразие ее форм, связей, качественных состояний, законов и возможностей изменения. Но вместе с тем считается, что всем материальным объектам присущи определенные всеобщие атрибуты: в природе, обществе и человеческом познании действуют единые всеобщие законы развития. К числу универсальных атрибутов материи отно-

^{1/} Л. Фейербах. Сочинения. М.—П., 1923 г., т. I, стр. 75.

^{2/} «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 272.

^{3/} Журнал «Вопросы философии», № 5, 1967 г., «Научная жизнь» — обзорная статья И. А. Ачкурина, В. В. Казютинского, Ю. Б. Молчанова: «Проблемы диалектики и логики развития современного естествонаучного познания», стр. 139.

^{4/} Там же, стр. 139.

сятся и объективность, несотворимость и неуничтожимость, взаимодействие, связь и движение, пространство и время, структурность, количественная и качественная бесконечность, тенденция к самоорганизации, развитию и т. д. Всеобщими законами являются: закон сохранения материи, движения, законы причинности, единства и взаимодействия противоположностей, взаимного перехода количественных и качественных изменений и т. п. Диалектика природы призвана дать анализ внутреннего содержания этих всеобщих атрибутов и законов бытия материи, а также специфики их проявления в различных областях действительности».^{1/}

Г. И. Наан и В. В. Казютинский: «Суть революции в астрономии в переходе от одного уровня знания к другому, а также в сложных, противоречивых, мучительных поисках нового, теоретического языка, более адекватного объективной реальности. Эти поиски ведут к (а) созданию более совершенного математического аппарата, (б) созданию единой физической теории (теорий), синтезирующей явления микро- и мегамира, (в) формулированию новых фундаментальных физических представлений и понятий — как в рамках существующих физических теорий, так и за их пределами. Современная астрономия показывает необходимость анализа и обобщения таких понятий и категорий, как Вселенная, существование, пространство, время, бесконечность, эволюция, причинность...»^{2/}

«В современной физике, констатировал Д. Д. Иваненко (Москва), наблюдается весьма сильная тенденция к построению единой картины мира, которая объясняла бы закономерности не только элементарных частиц, но и астрономических объектов: звезд, галактик, групп галактик и т. д. В этой связи весьма важное значение приобретают вопросы о природе гравитации, о взаимодействии гравитационного поля с другими полями, а также с частицами вещества».^{3/}

У. Росс Эшби, отвечая на вопрос о перспективах развития кибернетики, сказал: «Я считаю, что в ближайшее время возможны новые крупные открытия, и поэтому молодые ученые должны очень зорко наблюдать за развитием идей в процессе непосредственной каждодневной работы. Эти новые большие открытия должны вот-вот появиться».^{1/}

^{1/}. См. там же, стр. 142.

^{2/}. См. там же, стр. 147.

^{3/}. См. там же, стр. 149.

^{1/}. Журнал «Вопросы философии», № 1, 1965 г., «Научная жизнь», стр. 157.

И вот идет-грядет новая СНОЗ.

Учитывая то, что многое должно остаться на долю специальных наук, которые должны вырабатывать безошибочные и наилучшие технологические и поведенческие рекомендации о том, чем, как, сколько, где, при каких условиях и когда следует воздействовать на то-то, чтобы получить такой-то результат с такими-то его последствиями из таких-то всех возможных, а также то, что процессы развития разнообразных видов систем из всеобщих начал бытия и элементов сущего исчерпывающе глубоко и более подробно будут рассматриваться повторно в «Логах...», многие уже имеющиеся возможности для продвижения познания вглубь в «Прологах...» будут опускаться с целью ускорения предварительного уяснения и уточнения сути, пригодностей и возможностей процессов и форм отображения и познания, возможностей их дальнейшего развития и более полного использования того в познавательных способностях человека, что уже используется, и того, что еще не используется, но может быть использовано, без чего излишнее углубление и подробности затруднительны и бессмысленны.

Г Л А В А 3

§ 1. Рассуждения о Вселенной

Краткий обзор содержания этого параграфа:

В нем продолжается развитие изложения содержания «Прологов...». Сомнение и прочие проявления яйности субъекта используются как основания для доказательства наличия сущего и истинности новых смыслов исходных всеобщих начал бытия (материальное нечто, иное материальное нечто и идеальное ничто между ними). Дается простой, предельно ясный, неопровержимо и несомненно абсолютно истинный смысл понятия Вселенная (как абсолютное Все), в результате чего разум получает логическую опору и в этом понятии и устраняются путаница и проблемы, вызванные тем, что ныне употребляют понятие Вселенной, не фиксируя конкретно и четко смысл этого понятия, что широко используется реакцией в идеологии. Выводятся, высказываются и доказываются невозможность каких-либо движений или проявлений Вселенной вовне, абсолютный покой Вселенной вовне и смысл понятия скоростей движения сущего в ней. Исследуются зависимости между средой, структурой

элементов и систем и проявлениями их вовне и в себе. Уясняется противоположность смыслового содержания понятий простейшего элемента сущего и Вселенной и делаются из этого некоторые методологические и познавательные выводы. Излагаются полемические рассуждения по вопросам о смысле понятия Вселенной, о расширении Вселенной, о необходимости и возможности мыслить отчетливо, правильно и истинно и о прочем.

I

О проблеме исследования всеобщей системы природы Шарль Фурье сказал так: «Это — проблема, которую бог ставит на разрешение перед всеми планетами; и их обитатели могут достигнуть счастья лишь после того, как они ее разрешат». ^{1/} «Кто может подняться настолько высоко, чтобы постигнуть многообразие в единстве и единство в многообразии? — вопрошал Николай Кузанский и отвечал: — Это сочетание свыше всякого разумения». ^{2/} А логика обновленных фундаментальных понятий новой СНОЗ (Все, ничто, нечто и другие) позволяет разуму не только проникать вглубь до предела, до дна, но и подниматься предельно высоко: — позволяет разумом Вселенную объять и истинно познать, уяснить суть, состав и устройство ее, в ней имеющегося, ее движущегося, ее пронизывающего, в ней оживляющегося (в любых ее частях и в целости ее). — познать и всем, чем можно, овладеть. Не следует только при этом заниматься самоограничением человеческого разума, возможности которого нами еще не совсем познаны. А что если окажется, что способности нашего разума к познанию такие же, какими наделяют богословы лишь божественный разум, всячески умаляя человеческий, дабы добиться подчинения и умирения? Должно быть снято и включено в логику познания истинное и из размышлений над такими всеобъемлющими понятиями, как «бог», «все», «все во всем», «Вселенная» и т. п., которые проводились не только в связи с познаванием реальности, но и в связи с богопознанием, и которые часто имели схоластический, или мистический, или абстрактно-логический характер. Ведь из того, что разум представляет бога или Вселенную бесконечной сущностью, следует, что этот разум способен представлять бесконечное в соответствующем смысле этой бесконечности. Разум Гегеля,

^{1/} См. «Антология мировой философии», М., 1971 г., т. 3, стр. 516.

^{2/} См. «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 69.

мысливший бесконечное и абсолютное, проявил и показал способность мыслить такое и так, какое и как он мыслил на самом деле. Но дело в том, истинно ли он мыслил бесконечное и абсолютное!? Мыслимые атрибуты Вселенной, бога и всякого иного нечто есть же атрибуты, мыслимые нашим разумом!

II

Мыслима ли вся, вся (абсолютно вся) реальность как целостная система? Т. е. можно ли верно, непротиворечиво и истинно мыслить хоть что-нибудь абсолютно обо всем? Представим себе всю реальность как все и всякое ее материальное и идеальное, все и всякие элементы и системы, которые в ней содержатся и существуют и которые собой ее составляют. В таком составе реальность есть всякие и все нечто и ничто, есть абсолютное Все, есть Вселенная. Т. е. смысл Вселенной определяется как абсолютное Все. И тогда этим смыслом охватывающееся и отображающееся не может ограничиваться чем-то еще, т. е. какими-то невселенскими, за пределами Всего находящимися нечто или ничто, т. к. во Вселенную включается абсолютно все. А т. к. ничто есть лишь между каким-то нечто и иным нечто и так как за всяким ничто, которым оканчивается любое нечто, необходимо должно быть какое-то иное нечто, то и это иное нечто может быть только вселенским, только во Вселенной, а не вовне. Следовательно, Вселенная не имеет начала, конца и границы вовне, но имеет все начинающееся, оканчивающееся и ограничивающееся и все начала, концы и границы в себе — как начала, концы и границы того абсолютного Всего, которое ее составляет.

Может ли Вселенная, включающая в себя абсолютно все, непротиворечиво мыслится как как-то проявляющаяся по отношению хоть к чему-нибудь невселенскому? И вообще, может ли она существовать, как-то проявляться, двигаться, шевелиться, изменяться своим по отношению к не своему? Может ли она, абсолютно все нечто и ничто включающая в себя, как-то существовать в таком своем всеохватывающем ничто, которое окружало бы все вселенское, ограничивало бы, отделяло бы и оканчивало бы собой все и всякие нечто и ничто внутреннего состава Вселенной от невселенского? В результате размышления приходим к выводу, что такое существование так определяющейся Вселенной невозможно, если размышлять и мыслить при этом будем правильно, не-

противоречиво, руководствуясь логикой несомненно абсолютно истинных смыслов всеобщих равнопервичных понятий не-что, ничто и иное нечто, из чего аподиктически следует этот вывод. В таком смысле мыслящаяся Вселенная (включающая в себя абсолютно все материальное и идеальное) не может осуществлять хоть какое-нибудь движение, проявление хоть чего-нибудь своего во вне, т. к. нет ничего внешнего по отношению к ней, к ее составляющему. Все то, что есть, она включает в себя и содержит в себе как свое. И все то, что она включает, и все то, чем и во что она включает, что, в чем и чем содержит все, есть ее: и любое нечто, и любое ничто, окружающее, прерывающее и ограничивающее собой всякое и любое нечто от любого иного нечто, — все составляющее, пронизывающее, пропитывающее и всякое все есть ее. Реальная Вселенная есть вся и всякая реальность, которая есть на самом деле, со всеми и всякими материальными нечто и идеальными ничто, ее составляющими и все ее образующими.

Такая Вселенная есть, но она не проявляется вовне; по отношению к не своему она не существует, т. к. вообще нет и быть не может ничего вовне; она не существует вовне, но есть всем своим составом в себе самой и существует лишь как вселенское по отношению к вселенскому, но не по отношению к чему-то внешнему. Из этого отчетливо ясно и неопровержимо следует, что Вселенная не может ни расширяться, ни перемещаться, ни еще как-то проявляться вовне, т. к. ничего внешнего для абсолютно всего нет. Но будет неправильно представлять, мыслить и утверждать и то, что так определяющаяся Вселенная покоится относительно внешнего, т. к. ничего внешнего ведь нет, по отношению к которому Вселенная могла бы проявить хоть какой-нибудь (относительный или абсолютный) свой покой вовне. Она есть и только, и есть не по отношению к чему-то вовне, не в чем-то внешнем, а есть сама по себе, в себе самой, для себя самой как для абсолютно всего того, что она включает в себя и что вообще реально есть и существует на самом деле. Если реальная действительность берется вся, то она и есть тогда Вселенной. Невозможностью подвижности и неподвижности вовне она дает возможность проявить начинаемость движения и движение всему и всяко движущемуся в ней, в том числе и мышлению. Совершенно прав Эпикур, говоривший, что «Ведь помимо

Вселенной нет ничего, что могло бы войти в нее и произвести изменение». ^{1/} И Дидро писал, что «Невозможно предположение чего-либо, что существует вне материальной Вселенной; никогда не следует делать подобных предположений, потому что из этого нельзя сделать никаких выводов». ^{2/}

А некоторые ученые самым серьезным и наукообразным образом утверждают, что Вселенная расширяется или что Вселенная может быть не одна и даже что ее составляющие элементарные частицы являются вселенными, не утруждая себя уточнением того смысла, в котором употребляют понятие вселенной, и того, что остается за пределами Вселенной, во что Вселенная расширяется, и уточнением прочих вопросов. Ясно, что Вселенную в этих случаях берут в ином смысле, т. е. не как абсолютно все. Вот и получают возможность делать ошибочные выводы: расширять ее, размножать ее и что угодно с ней делать, и устраняют этим самым возможность разуму найти опору в четко и неопровержимо фиксированном смысле понятия Вселенной как абсолютное Все, — опору в его (разума) поисках и движениях к истиннейшему и исчерпанейшему познанию.

Здесь же понятие Вселенной определяется как абсолютно все включающая в себя и не могущая ни покоиться, ни существовать вовне из-за отсутствия внешнего. И если кто возразит и скажет, что этого мы не знаем и что возможно Вселенная может, де, все-таки как-то принапляться во вне себя, то это говорит о том, что так возражающий допускает ошибку в понимании Вселенной и становится на путь неправильного, противоречивого мышления, т. к. он не берет ее как абсолютно Все, а оставляет вне ее еще что-то. Но давайте Вселенную мыслить как абсолютно Все, а не по логике: А есть и не есть, Вселенная есть Все и не есть Все.

Так понимающийся смысл понятия Вселенная не может быть ложным или ошибочным и не может быть опровергнут; он несомненно абсолютно истинный, предельно ясен и отчетлив, ибо мы берем его в абсолютно точном соответствии со всем тем, что во всей реальности есть. И именно этим смыслом это понятие дает опору разуму, позволяет обнаруживать ошибки в мышлении и устранять их. Потому, что главное в этом смысле состоит в том, что если мы, беря понятие Вселенной, мыслим в его смысле абсолютно все, то

^{1/} См. «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. I, стр. 348.

^{2/} См. «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 664.

мы и не ошибаемся. А если и поскольку мы хоть что-нибудь материальное или идеальное оставим вне этот смысл составляющего, то тогда и настолько же мы и ошибаемся. Вывод о том, что ошибочно будет представлять и мыслить существование, или покой, или расширение, или сужение, или еще какое-нибудь состояние Вселенной по отношению к ей внешнему, будет абсолютно обоснованным, убедительным, неоспоримым и неопровержимым, т. к. нет ничего внешнего (невселенского) по отношению к вселенскому. Абсолютное отсутствие любого проявления Вселенной во вне дает незыблемую и достовернейшую опору и разуму в процессе познания, и всему познающемуся в процессе реального онтологического существования. А достоверные положения нам очень нужны для опоры, для ориентации движения разума на пути к истиннейшему знанию. «Так как ничто не может быть ни прибавлено к бесконечности, ни убавлено от нее, — писал Толанд, — то вселенная не может быть ни увеличена, ни уменьшена, ибо нет места, куда можно было бы удалить какие-нибудь ее части или откуда можно было бы взять новые. Следовательно, вселенная неподвижна и неделима, а также лишена всякой формы, ибо не имеет границ, и неизмерима...»^{1/}

Но если Вселенная не покоится и не существует по отношению к ей внешнему и так как мы и окружающее нас есть, то она есть; и тогда она как-то существует лишь в себе и существует как Все нечто и Все ничто, как все и всякие материальные нечто и идеальные ничто, как объективная и субъективная реальность, так как не существовать вообще хоть как-то хоть что-то вселенское не может, ибо нет сомнения в том, что мы или я, входящие во Вселенную, включающую в себя абсолютно все, есть и хоть как-то существуем или по отношению к тому, что вокруг нас, или по отношению к тому, что внутри нас, или по отношению к тому и другому.

Столь же аподиктически выводится и понятие внешней бесконечности Вселенной. Ведь ничто возможно и есть лишь там, где есть переход от такого нечто к иному. Но так как Вселенная включает в себя все, то она не может иметь такого своего внешнего ничто, которое оканчивало бы, прерывало бы и отделяло бы ее от не ее! Следовательно, Вселенная внешне или вширь бесконечна.

^{1/} См. «Английские материалисты XVIII в.», М., 1967 г., т. I, стр. 184.

«Нет никакого конца ни с одной стороны у вселенной, Ибо иначе края непременно она бы имела; Края ж не может иметь, очевидно, ничто, если только Вне его нет ничего, что его отделяет, чтоб видно Было, доколе следить за ним наши чувства способны. Если ж должны мы признать, что нет ничего за вселенной: Нет и краев у нее, и нет ни конца ни предела. И безразлично, в какой ты находишься части вселенной: Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь, Все бесконечной она остается во всех направлениях».^{1/}

Этим же подтверждается и то, что без единства ничто и нечто нет реального существования всяко сущего. Вселенная есть, но она не существует вовне. Ничто Вселенной есть, но оно не вне ее, а в ней, между теми всяковозможными нечто которые есть или существуют во Вселенной, ее составляю и посредством ничто прерываются и обособливаются друг от друга.

Итак, мы не можем правильно (по-новому правильно) мыслить Вселенную, включающую в себя абсолютно все всякие нечто и ничто, если будем мыслить ее конечной вовне. С другой стороны, уже было доказано, что мы не можем правильно мыслить любое существование любого нечто, если оно не имеет своей границы, своего ничто. Следовательно, все существующее во Вселенной конечно. Ведь и любая замкнутая линия оканчивается тем ничто, которым она отделяется от того, в чем она есть и проявляется как таковая. Существование внешне бесконечной Вселенной возможно лишь благодаря конечности, прерывности ее внутри. В противном случае, без ничто, невозможно различие и обособление такого от иного, а следовательно, невозможно и любое существование в ней хоть какого-нибудь нечто, невозможно никакое существование ничего вселенского, в том числе и нас, размышляющих над всем этим. Но мы ведь размышляем?! Следовательно, Вселенная есть и существует только так, как она единственно может существовать — она бесконечна вовне, конечна внутри и существует всяковозможным существованием абсолютно всего всяко возможного вселенского, ее составляющего.

И древние мыслители, Эпикур, Левкипп и Демокрит, полагали, что деление останавливается на неделимых и не идет в бесконечность. В противном случае все существующее лишилось бы всякой силы и мы принужденные были бы прий-

^{1/}. Лукреций. «О природе вещей». Изд. АН СССР, 1946 г., т. I, стр. 61.

ти в наших понятиях о сложных телах до бесконечного распыления их в неизвестно что. И сила самосложения всякого сущего из исходного состава уходила бы в бесконечность, не достигая конца бесконечности. И возврата ее оттуда не было бы. И любое сущее не могло бы каснуться такого же или любого иного сущего. Пальцем о палец не могли бы каснуться и ощутить, т. к. расстояние между границами их совсем исчезнуть не могло бы. И сложное не могло бы получаться, т. к. не из чего было бы начаться ему. Они говорили, что тела состоят из неделимых и делятся до этих неделимых, а причиной неделимости первоэлецов считали не только непроницаемость их, но также малость и отсутствие частей.^{1/} Вот, например, слова Эпикура на сей счет: «В числе тел одни суть соединения, а другие — то, из чего образованы соединения. Эти последние неделимы и неизменяемы, если не должно все уничтожиться в несуществующее, а что-то должно оставаться сильным при разложениях соединений... Таким образом, необходимо, чтобы первоначала были неделимыми телесными природами (субстанциями)»...^{2/}

III

Так как Вселенная не имеет существования вовне, то, во-первых, в этом отношении она являет собой прямую противоположность по отношению к тем наипростейшим элементам сущего, из которых состоит все сущее в ней и которые уже определялись и уяснялись. Ведь они, будучи наипростейшими и наименьшими, не могут проявлять своего существования внутри себя; а поскольку они не могут не существовать, то реализуют свое существование лишь вовне. Абсолютное отсутствие внешнего существования Вселенной есть противоположность абсолютного движения вовне простейших элементов сущего. Невозможность существования Вселенной вовне мы получаем в результате того, что мыслим ее как абсолютно Все, как наисложнейшее и наибольшее, как вся реальность. А необходимость наличия хоть какого-нибудь наипростейшего внешнего движения у наипростейшего элемента сущего реальности мы получаем в результате того, что мыслим его как наипростейшее и наименьшее из существующих в реальности сущностей.

Здесь, в «Прологах новой СНОЗ», не решаются и не раскрываются вопросы о том, какими конкретно являются

^{1/}. См. «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. I, стр. 348, 324.

^{2/}. См. «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. I, стр. 348.

эти наипростейшие элементы сущего, какие у них размеры, свойства и меры их свойств, — вопросы о том, могут ли они расширяться или сжиматься, увеличиваться или уменьшаться, и если да, то как, почему и при каких условиях, — вопросы о том, из чего и как они устроены, почему и как они движутся или как-то иначе проявляют свое существование. Истинное и окончательное познание всех этих и прочих вопросов изложено в «Логах новой СНОЗ», для успешного осуществления чего необходимо познание процесса отображения и развития всех форм отображения, которые уже используются человеческим познанием и которые еще могут использоваться, — необходимо познание того, почему и как познается нами познающееся и как оно может и должно познаваться. Но для этого необходимо в общем виде уяснить зачатие, суть и развитие отражения до форм чувственной и мыслительной ступеней познания включительно. И поэтому здесь пока решается вопрос о том, есть наипростейшие элементы сущего (такие элементы, из которых все существующее в реальности составляется, образуется, которыми существует и на которые разлагается все сущее) или нет таковых?! В результате тщательного исследования мы убеждаемся из всего предшествующего и из факта существования нашей яйности аподиктически следует, что они есть. И если все же кто-нибудь станет отрицать наличие таких элементов в реальности, тот вследствие этого будет отрицать и себя как нечто сущее в реальности, т. к. неизбежным следствием отрицания наличия наипростейших элементов сущего является то, что вообще никакое сущее не может быть, абсурдность чего вынуждает отказаться от отрицания наличия в реальной действительности наипростейших элементов сущего.

Так как все элементы и системы являются более сложными, чем наипростейшие элементы сущего, из которых они и образуются и состоят, и менее сложными, чем Вселенная, то их внешнее проявление и должно заключаться между абсолютным отсутствием движения Вселенной вовне и абсолютным внешним движением наипростейшего элемента сущего внутри Вселенной. Ту качественность внешнего движения элементов или систем, которая в своем изменении распределяется между абсолютным покоем внешнего существования Вселенной и абсолютным движением внешнего существования наипростейших элементов, будем называть скоростью. И поэтому можно сказать, что скорость внеш-

него движения Вселенной равна нулю, т. е. нет этого движения, а скорость наипростейших элементов сущего есть наибольшая и конечная в том смысле, что с большей скоростью своего движения никакое нечто, кроме наипростейших элементов сущего, существовать не может. Следовательно, простота движения наименьшего элемента сущего в том и состоит, что это движение наибольшее по скорости. Простота и неизменность формы существования этих наипростейших элементов, обусловленной сущностью всего это вызывающего и осуществляющего, относятся только к сохранению этой наибольшей скорости неизменной. А так как эти простейшие элементы не могут существовать меньшими и не могут существовать, двигаясь с меньшей или с большей скоростью, то изменению подвержено лишь направление движения их.

Не может быть такой общей для всей Вселенной катастрофы, чтоб абсолютно все ее составляющее произвело хотя бы малейшее одинаковое повсюду и во всем движение или какое-либо проявление вовне, так как некуда и нет по отношению к чему этому осуществиться. Да и хорошо, что это невозможно, так как это привело бы к разрушению всех систем различных уровней сложности, ибо для осуществления такого движения необходимо, чтобы все простейшие элементы совершили параллельно то свое простейшее движение, на которое они единственно и способны. И в таком случае любая сложная система, составленная из простейших элементов, должна была бы лишиться всей своей сложности структуры и инакости существования и отождествиться с простейшим движением множества своих простейших элементов в одну сторону. Ведь так как простейшие элементы сущего способны лишь на движение с наибольшей и конечной скоростью, то разрушение всех сложных систем, из них состоящих и с меньшей скоростью движущихся, было бы неизбежным. Но это невозможно, так как для совершения такого движения абсолютно всего, составляющего Вселенную, необходимо наличие чего-то внешнего по отношению к Вселенной, которого как раз и нет. Абсолютная неподвижность Вселенной вовне обуславливает возможность образования, сохранения, существования, развития ее внутреннего содержания. Абсолютно все нечто Вселенной противостоит своему ничто, а бесконечностью себя вовне исключается такое всеохватывающее ничто, которое включало бы в себя всю Вселенную, но включается оно в нее лишь как

ничто всех и любых нечто, имеющихсЯ во Вселенной. Любая система или элемент могут существовать во Вселенной лишь тогда, когда имеется при этом хоть простое, хоть сложное нечто, которое включено в свое ничто и этим оканчивает, прерывает себя и ограничивается и обособливается от иного.

Всякое внешнее движение любой системы и простейшего элемента есть внутреннее движение по отношению к Вселенной. Следовательно, между всеми простейшими элементами Вселенной нет и не может быть жесткой, стационарной, сохраняющейся, неизменной структуры. Идеальное Ничто Вселенной, ограничивая собой все и всякие материальные нечто, дает возможность различаться и развиваться всему ее внутреннему, возможность развития систем различных уровней сложности и форм их существования, в том числе и человека.

Следовательно, во-первых, Вселенная не имеет сохраняющейся неизменной жесткой структуры между всем сущим. Она только есть, а все сущее в ней есть и существует как результаты, образующиеся из хаоса и порядков существования различных множеств простейших элементов сущего и начал бытия. Она не может рассматриваться как элемент, т. к. не может входить в состав чего-то более сложного. Во-вторых, невозможно общее, одновременное и повсеместное начало или конец во времени, прерыв процессов изменения и развития для всего вселенского сразу.

Вселенная есть противоположность своего наипростейшего элемента сущего. Если простейший элемент сущего является движущимся вовне с предельно большой конечной скоростью, с наибольшей из возможных, то Вселенная есть сложнеее и недвижущееся вовне. Несомненно, что элементы неисчислимы, а Вселенная достоверно одна. Неисчислимо множество наипростейших элементов составляют все сложное вселенское и ее одну, наисложнейшую Вселенную; а последняя состоит из начал бытия и из неисчислимого множества всяково возможных элементов и систем. Наипростейший элемент может быть включен в любую систему, а Вселенная включает в себя все и не может быть включена во что-то. Если идеальное и материальное простейшего элемента и ему внешнего обуславливают возможность его движения вовне, то идеальное и материальное Вселенной обуславливают существование и развитие всего сущего внутри ее. Если в наипростейшем элементе идеальным ничто включается (пре-

рывается, ограничивается и очерчивается) его образующее ему принадлежащее нечто и исключается всякое иное (ему не принадлежащее) нечто, то в наисложнейшей Вселенной включением в нее всего и всякого материального нечто исключается ничто между материальным вселенским и материальным невселенским, т. к. последнего нет и быть не может, и включается оно во Вселенную как ничто между всеми и всякими материальными нечто Вселенной, хоть чем-нибудь отличающимися между собой.

«Вся природа составляет один индивидуум, — писал Б. Спиноза, — части которого, т. е. все тела, изменяются бесконечно многими способами без всякого изменения индивидуума в его целом».^{1/}

Так как Вселенная не может существовать системой, потому что не имеет внешнего невселенского нечто, и не может иметь внешнего движения, сохраняющейся структуры и своего ничто между всем своим материальным нечто и невселенским, то из этого можно сделать вывод, что ни одна система не может хоть как-нибудь существовать, целостность сохранения, без внешнего ей материального нечто. А из этого следует, что всякая система или любой элемент, как-то существующие во Вселенной, имеет свою внешнюю границу-ничто, которой очерчиваются формы систем или элементов и которыми они обособливаются от им не принадлежащего. Вселенная же существует процессами сложений, взаимообменов, изменений, развитий и разрушений всяко-возможных структур, в ней образующихся из всех ее начал и наипростейших элементов, из которых все в ней образуется и в которые все образовавшееся разлагается.

Какое-то множество элементов самостоятельно существует как система только тогда и постольку, когда и поскольку проявляет вовне общее движение всех или значительной части своих элементов, как-то взаимосвязанных, оструктуренных в составе эту систему образующей целостности, — вовне, т. е. в то внешнее нечто, которое ей не принадлежит. Дискретная материя не существует без движения, а движение не существует без дискретного материального носителя, реализатора, исполнителя, ограниченного своим идеальным ничто.

Движение, общее для всех составляющих систему элементов, обеспечивается той конкретной структурой, в которой

^{1/} Б. Спиноза. Избр. произв. в 2-х томах. М., 1957 г., т. 2, стр. 419.

они так взаиморасположены и распределяют меру, характер и форму своих движений, что этим обуславливают и общее движение, т. е. внешнее проявление целостности составляющей ими системы или ее части, органа, и такую уравни-
вешенность и согласованность со всем тем, что необходимо для сохранения существенных такостей существования элементов этой системы в последующих мгновениях и существенных для сохранения ее такости существования, характерного и существенного для ее целостности.

Из того, что Вселенная не может удерживать неизменной какую-нибудь структуру, общую и жесткую для всего ее составляющего сущего, — из-за отсутствия невселенского, — следует, что для того, чтобы какой-либо целостный системный объект начал изменять ему характерную структуру, необходимо лишить его возможности такого внешнего проявления и взаимодействия с окружающим, которые обуславливают сохранение его структуры, необходимо и достаточно изменить его внешнее проявление, взаимодействие или обмен с внешним. Следовательно, для изменения структуры, существенной для данной системы и характерной для таких систем, необходимо и достаточно изменить или ей характерное внешнее проявление, или существенные для нее условия внешней среды, или то и другое. А изменение характерного проявления системы в неизменной среде может быть достигнуто за счет изменений процессов во внутренней структуре и в составе элементов данной системы. Неизменность же структуры элементов, характерной и существенной для данной системы, может быть обеспечена либо неизменностью такости ее внешнего существования в неизменной такости внешних условий, либо каким-то изменением внешнего проявления в как-то изменяющихся внешних условиях.

IV

«Материя обладает движением сама по себе и реального покоя не существует»,^{1/} — писал Д. Толанд. Прав ли он или нет? Ведь согласно нашему рассуждению неподвижность вовсе есть у Вселенной; она даже абсолютна! И все же Толанд оказывается настолько прав, насколько он говорит не о наличии, а о существовании покоя. То и так, что и как покоится, оно же и так же не существует, даже если оно и есть такое. Ибо в понятие существования мы вложили

^{1/} См. «Английские материалисты XVIII в.», М., 1967 г., т. I, стр. 180.

такой смысл, согласно которому нечто существует, если оно как-то проявляется вне себя, по отношению к иному.

Из того, что Вселенная включает в себя абсолютно все и что поэтому нет ничего невселенского, ясно, несомненно, неопровержимо, аподиктически следует, что абсолютная неподвижность Вселенной вовне есть. И именно поэтому Вселенная не существует вовне, а только есть в себе, для себя одной, включающей в себя все и всякие нечто и ничто. Ничто не за, не вне Вселенной, не ограничивает ее от невселенского, которого ведь нет, а во Вселенной, которая не может быть несложной, не может быть простой, однородной, неразличной, монистической в том, что образует, составляет ее фундамент, начала, ибо из неразличного в себе и одного нечто не могло бы начаться и продолжаться развитие многообразного и различного, а следовательно, в ней не могло бы быть ни мыслящих, ни пишущих, ни читающих. Но каждый без всякого сомнения знает, что по меньшей мере есть он, из чего следует, что Вселенная не может быть простой. Из всего аподиктически следует, что фундаментальными основаниями всего имеющегося и существующего во Вселенной есть нечто, иные нечто и ничто между хоть чем-нибудь различающимися между собой нечто.

Невозможно логически правильно мыслить (в соответствии с развивающейся здесь новой смыслологикой), например, такой смысл: что все и всякое материальное нечто Вселенной заключено в ничто этой же Вселенной (окружено, очерчивается им), т. е. такую идею, что Вселенная все же имеет внешнюю границу, если не от иного отграничивающую ее, то хотя бы границу себе. Проведите и продумайте такое размышление:

Вселенная включает в себя абсолютно Все, что вообще есть. Следовательно, вне Вселенной остается ничто и только ничто? Значит есть такое ничто, которое охватывает собой Все вселенское? Но тут-то и обнаруживается смыслологическая неправильность этого рассуждения, т. к. чтоб было ничто, охватывающее собой Все вселенское, ко Всему необходимо добавить еще какое-то невселенское нечто, что-то еще, кроме абсолютного Все! Но мы же абсолютно все включили в объем понятия Вселенная! Следовательно, ничего иного или такого же самого за пределами абсолютного Всего нет. Значит и такой границы-ничто нет, которой отделялось бы абсолютное Все от чего-то еще. Следовательно есть только абсолютное Все, состоящее из всех и всяких

материальных нечто и идеальных ничто между ними, есть только Вселенная со всеми и всякими своими материальными нечто и идеальными ничто между хоть чем-нибудь взаимотличающимися материальными нечто.

Здесь же можно получить аподиктическим следствием то, что нечто не может существовать без ничто и что ничто истинно есть во всяком или при всяком том, что существует. Пусть наш разум мыслит изначальное состояние Вселенной как только монистически материальное нечто. Из этого следовало бы, что Вселенная есть только одно материальное нечто, один материальный монос без всякого или любого иного, ибо наличие иного невозможно без перехода от первого нечто к иному, т. е. невозможно без ничто. Но тогда не было бы и мыслящего Вселенную, ибо мыслящее все же есть иное по отношению к мыслимому, не говоря уж о том, что в мыслимом отображается. А т. к. мыслящее есть, — ведь кто-то или что-то пытается мыслить Вселенную как только монистическую материальность, — то есть и ничто. Следовательно, неверно, что Вселенная изначально состояла только из одного монистического нечто; монистическое начало и монистическая логическая форма негодятся для истинного объяснения того исходного, фундаментального, глубинного и всеобщего, из чего все во Вселенной начинается, состоит и развивается. Подобное рассуждение можно провести и по отношению начинаемости объяснения реальности из ничто и только. Если объяснение Вселенной начинать мысленно выводить только из ничто, то ведь логически необходимо же для этого мыслить и мыслящее Нечто?!

Как может монистическая ночь материи произвести Купидона (= мифический красивый мальчик или юноша) в естественной нагости его как иное себя, если не высидеть его из яйца? Но для этого изначально нужна ночь и яйцо, а между ними ничто, отгораживающее собой ночь от того иного нечто, которым является яйцо. Невозможно превзойти древних мудрецов в познании мира, отрицая их представление о том, что для существования чего-нибудь необходимы реальные формы и качество и что одной монистической абстракции, что одного бесформенного и однородного, неразличного в себе фундаментального моноса недостаточно для этого.

К такому же результату приходит и Шеллинг, размышляя над всеохватывающим понятием бога, чем подтверждается, что в предельно общем понятии человеческое мышление на-

ходит себе какую-то опору: «Но вещи не могут возникнуть в бoге, ибо они... отличны от него. Чтобы быть отдельными от бoга, они должны возникнуть в отличной от него основе».^{1/} То есть, чтобы чему-то быть иным, необходимо быть отделенным от того, по отношению к чему оно иное, т. к. лишь при этом оно сможет иметь иную такость своего существования. И далее логика рассуждения Шеллинга, обустраивающаяся всеохватывающей общностью понятия бог и необходимостью иметь еще что-то, чем обособливается иное, подобна логике нашего рассуждения с понятием Вселенная: «Но так как не может быть что-либо вне бoга, то это противоречие может быть уничтожено лишь тем, что вещи имеют свою основу в том, что в самом бoге не есть сам бог, т. е. в том, что есть основа его существования».^{2/} И в самом деле, т. к. вне абсолютного Все что-либо быть не может, то «вещи имеют свою основу» в том, что во Всем есть не-Все, что Все есть не одно однородное и неразличное в себе нечто, но в нем есть и иное нечто и есть ничто между ними; т. е. что во Всем есть нечто, иное нечто и ничто, которые и есть начала или фундаментальные основания существования всякого существующего в реальной Вселенной.

Правильно мыслить Вселенную как абсолютное Все и только материальной внутри невозможно, т. к. в этом смысле она была бы простейшим и одним нечто и только. Но тогда ведь становится очевидным, что кроме так мыслящейся Вселенной есть мыслящее ее нечто, которое необходимо включить в состав абсолютного Всего, и тогда следует мыслить ее сложной. Ведь она Все, значит следует мыслить все и всякие нечто: и те, которые мыслятся, и те, которые мыслят. А раз эти нечто разные, то они как-то по разному проявляются и имеют пределы протяженностей своих так проявляющихся материальностей (материальных нечто). Следовательно, имеют границу из идеального ничто. Но быть иным по отношению к чему-то, значит иметь иную структуру, иное проявление, иное движение, т. к. все состоит из простейших элементов, которые тождественны по сущности своего простейшего существования. А не быть этому иным, значит не иметь иной структуры, иного проявления, чем те, которые имеет то, к чему соотносится это. Из этого следует, что сложная система выступает или проявляется как обособливающаяся от иного целостность лишь тогда и на-

^{1/} См. «Антология мировой философии», М., 1971 г., т. 3, стр. 278.

^{2/} См. там же, стр. 279.

столько, когда и насколько структура ее элементов и условия внешней среды обуславливают, обеспечивают совместное движение ее элементов.

Насколько замечательное и предвосхитительное рассуждение Иоана Скота, если в слова «целокупная природа» и «форма» вложить смыслы наших понятий Вселенная и ее Ничто: «...Целокупная природа имеет формы в том отношении, что от нее некоторым образом обретает формы наше разумие, когда пытается ее рассматривать, ибо сама по себе целокупная природа не повсюду обретает формы. Если справедливо наше утверждение, что она объемлет в себе бога и тварь, то в качестве творящей она сама не приемлет в себе никаких форм, но сформированные ею природы являют многообразие форм».^{1/}

Вселенная имеет в себе дискретные элементы и системы, имеющие формы, фиксирующиеся границей-ничто, но сама вне себя не имеет своего предела, своего ничто, отграничивающего ее от невселенского из-за отсутствия такового. Следовательно, она не имеет своей формы. Но не имея своей формы извне, она такова, что размышление над ней дает нашему разуму опору, наше разумение обретает свои формы и получает много важных фундаментальных эвристических результатов, выводов, следствий.

Говорят, что бог есть бесконечная сущность, сущность без всяких ограничений. В связи с этим Фейербах рассуждает так: «Но то, что не является границей или пределом для бога, не является пределом и для разума. Там, где бог, например, представляется существом, поднимающимся над границами чувственности, таковым же является и разум. Тот, кто не может мыслить никакого другого существования кроме чувственного, кто, стало-быть, обладает разумом, чувственно ограниченным, тот, естественно, имеет и бога, чувственно ограниченного. Разум, который мыслит бога, как неограниченное существо, мыслит в боге только свою собственную неограниченность».^{1/} Правильные размышления о Вселенной приводят к таким же результатам. Ведь если Вселенная не имеет своей границы от вне, т. е. она есть Все, и если мы стремимся мыслить ее правильно и истинно, т. е. так, как она единственно может быть и есть, то и разум наш не должен ставить себе границу для составления понятия о Вселенной. А раз наш разум в этом отноше-

^{1/}. См. «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. I, стр. 788.

^{1/}. Л. Фейербах. Соч., М.,—Л., 1923 г., т. I, стр. 78.

нии не будет ставить границу для всего им мыслящегося, а будет включать абсолютно все, что он может мыслить, то поэтому он и окажется способным истинно познать безграничную Вселенную в этом аспекте и в этом аспектом обуславливающих последствиях.

Наши размышления о Вселенной приводят нас к выводу, что наш разум не должен ставить себе границу для составления понятия Вселенной, а должен включать абсолютно все, что он может мыслить, в смысл понятия Вселенной. И в результате этого он и окажется способным абсолютно истинно познать безграничную во вне Вселенную в соответствующих вопросах. Тот же, кто не может или не хочет мыслить так, т. е. кто мыслит Вселенную каким-то образом ограниченную, тот соответствующим образом сам себе ограничивает и искажает свое разумение.

Разумом верно и истинно объять (отобразить) бесконечное и необъятное (неохватное из-за безграничности) потому и можно, что представлять и мыслить его необходимо бесконечным и необъятным. Чтобы истиннейше познавать, необходимо, чтобы наш разум отверг всяческие самоограничения своего разумения и разумеющегося, а ограничивал бы и неограничивал бы в себе разумеющееся так, как ограничивается и неограничивается им познаваемое, в чем и обретает наш разум опору в продвижении от неведения и заблуждений к прогрессу познания и истинности его результатов. Ведь именно в том, что здесь определяющиеся и уясняющиеся понятия нечто, иное нечто, ничто и Вселенная и их применением обуславливающиеся последствия и правила (так-то представлять и мыслить можно, а так-то их мыслить и представлять нельзя) и проявляется то, что их смыслами обуславливающаяся логика мышления более отчетливо действует, проявляет повелительность. Ибо мы обнаруживаем, что мышление, логикой этих понятий руководствующееся, принуждается, убеждается и направляется на признание соответствующих результатов взаимоотношения этих смыслов, приобретает возможность замечать и отчетливо распознавать нелогичность, противоречивость и отличать их от логической согласованности этими понятиями образуемого смыслового содержания. Мы обнаруживаем, что логика этих понятий проявляется по отношению к ему руководствующемуся разуму как повелевающая закономерность правильного и более истинно познающего мышления. А это нам и требуется, если мы хотим более эвристично мыслить

и познавать так точно, подробно, глубоко и полностью, как это вообще возможно, а не мыслить как попало и лишь бы голову морочить. И отчетливость и принуждающая убедительность логики этих понятий проявляется значительно больше, чем на это способна логика фундаментальных понятий ныне господствующей СНОЗ, что обуславливается всеобщностью, простотой, ясностью и абсолютно неопровержимой истинностью смыслового содержания здесь раскрытых фундаментальных понятий новой СНОЗ.

А если в познании реальной действительности будем ограничиваться лишь организацией чувствам доступного опыта, лишь выявлением общего в чувствам доступном, будем уверять себя и других в невозможности познать глубже и истиннее то, что чувствам недоступно и что можно познать лишь отвлеченным мышлением, будем предвирать всякое познание отрицанием начал и пределов или отрицанием возможности абсолютно истинно и окончательно их познать, то ясно, что продвижение к окончательному познанию всего того и так, что и как вообще может человечество познать, будет или задержано, или приостановлено.

Разве можно познать глубже и истиннее, уверяя себя и других в невозможности этого и в неспособности человеческого разума к этому? Разве можно познать начала и пределы познаваемого и тем более познать их более глубоко и более истинно, предвывая всякое познание отрицанием этих начал и пределов или отрицанием их познаваемости? Давид Юм распинаясь, убеждая себя и других в том, что «предельным усилием, доступным человеческому разуму, является приведение принципов, производящих явления природы, к большей простоте и сведение многих частных действий к немногим общим причинам путем заключений, основанных на аналогии, опыте и наблюдении. Что же касается причин этих общих причин, то мы напрасно будем стараться открыть их и никогда не удовлетворимся тем или другим их объяснением. Эти окончательные причины и принципы совершенно скрыты от людского любопытства и исследования... Убеждение в человеческой слепоте и слабости является результатом всей философии; этот результат на каждом шагу вновь встречается нам вопреки всем нашим усилиям склониться от него или его избежать».^{1/}

Как же можно что-нибудь видеть, если сам, будучи зря-

^{1/} Д. Юм. Соч., М., 1965 г., т. 2, стр. 32—33.

чим, убежден в своей слепоте? В этом случае видят лишь то, лишь таким и настолько, насколько, как и на что позволяют себе видеть. Соглашаются на признание познаваемости лишь того, что или уже скрыть невозможно, или познаваемость чего не угрожает боящимся исчерпывающего познания?! Подобно тому, как буржуазия под напором классовой борьбы соглашается терпеть лишь то в борьбе рабочего класса и в завоевывающихся им правах, что не угрожает ей сохранению власти и экономического господства?! Желаемую убежденность в слепоте человечества Давид Юм и прочие агностики (в том числе и современные) выдают за результат всей философии. Но это результат не всей философии, а лишь той, целью или последствиями которой является не истиннейшее знание обо всем, а слепота заблуждений, незнаний и лжи. «По себе знаю, что это непознаваемое», — говорил один, не сознавая, что сочиняет хохму. Хотя прогресс познания мира на некоторое время в соответствующих общественно-исторических условиях и может кое-чем или кое-как задержаться, но в достаточно длительной исторической перспективе познание, к счастью, не останавливается тем, что кто-нибудь не способен или не желает что-то и так-то познавать и познать или признать, а стремится к окончательным, исчерпывающим вглубь и по полноте и предельно точным, истиннейшим, безошибочным познаниям всех начал и пределов, развития, возможностей и последствий познаваемого, познающего, знания и познания.

V

Разбор некоторых цитат в свете здесь развивающейся новой смыслологии

«В целом можно считать твердо установленной общую картину эволюции, объединяемую названием «теория горячей Вселенной». Эта картина включает в себя изотропное (одинаковое во всех направлениях), однородное (одинаковое во всех точках пространства) расширение Вселенной».^{1/} Какой смысл вкладывается авторами этой цитаты в понятие Вселенной? Абсолютно все включается в нее или нет? Если абсолютно все, то куда может расширяться Вселенная? На каком основании считающийся твердо установленным факт расширения чего-то в той части Вселенной, в которой это

^{1/} Я. Б. Зельдович, И. Д. Новиков. «Современные тенденции в космологии», Ж. «Вопросы философии», № 6, 1975 г., стр. 56.

на самом деле происходит, распространяют на всю Вселенную? А если Вселенную авторы этой цитаты (и многие другие) мыслят и предлагают мыслить не как абсолютное Все, то что же и для чего они оставляют еще за пределами Вселенной? И какое название они предлагают для того, что включало бы в себя все, все — абсолютно Все? Но так как на 62 странице указанного источника авторы этой цитаты утверждают, что Вселенная одна, то из этого следует, что тот смысл, в котором они употребляют термин Вселенная, включает в себя абсолютно все. И тогда ясно видна противоречивость рассуждения: абсолютно все в себя включающее расширяется! Куда же оно расширяется? Значит это было еще не абсолютное Все, если есть ему куда-то расширяться?! Значит Вселенную необоснованно и неправомерно уменьшают и оконечивают, т. к. утверждением, что нечто (Вселенная) расширяется, признается наличие и иного нечто, в которое расширяющееся нечто расширяется; из чего следует, что между ними есть и ничто, которое есть там, где чем-нибудь различающиеся нечто (расширяющееся и уступающее расширяющемуся, впускающее в себя расширяющееся) соприкасаются между собой. К тому же, а как согласовать признание изначального наличия взрывающегося или расширяющегося и того, куда взрывающееся или расширяющееся взрывается или расширяется, — следствием чего является необходимость признания какого-то нечего, иного нечто и границы-ничто между ними, — с признанием монистичности начала, с признанием того, что все в реальности, во Вселенной есть материальное и только? Ведь разным изначальным сущностям необходимо же давать и разные названия, если мы хотим избежать путаницы и непонимания!?

Может быть скажут, что во Вселенную включается все известное, а за пределами Вселенной оставляется неизвестное? Но по какому праву и ради чего оставлять за пределами Вселенной что-то еще лишь потому, что оно еще неизвестно? За пределами Вселенной можно оставить лишь то, о чем достоверно нам известно, что его нет! Но этого можно же довольно легко и надежно достичь именно включением во Вселенную абсолютно всего — и известного, и неизвестного. Все то, чего нет, находится за пределами Вселенной; а если и т. к. ничто есть, то оно находится во Вселенной, а не за ее пределами. Что-то оставлять за пределами Вселенной можно разве только с целью сохранения убе-

жища для неизвестного, за которое, как известно, реакция цепляется как утопающий за соломинку.

Ох и чудачи же эти монисты: утверждают, что есть только материя как абсолютно единственное себестождественное и в себе неразличное начало и субстрат всему тому, что вообще есть и существует во Вселенной, а затем сводят Вселенную к какой-то части ее и утверждают, что она расширяется и что движение есть иманентное и изначальное свойство материи! А куда, от чего и как движется материя, если кроме нее ничего нет? Куда и почему расширяется первичное облако Вселенной? В пространстве и во времени? Значит признаете, что изначально есть еще и пространство и время? — кроме того, что движется? Значит исходное начало берется не монистическим? Или и монистическим и немонистическим? — чтоб сохранить «логику» изворачивания? выкручивания? выбрехивания?

И с выведением противоположности из монистического первоначала, неразличного в себе и без иного вокруг себя и в себе (ибо если оно изначально не такое, то оно и не одно, а для разных составляющих начало и названия должны быть разные), получается настоящий обман или самообман. Ведь если из изначально одной материи потом выводят ее движение или даже нематерию, то необходимо же, кроме материи, так же изначально иметь и то, из-за чего изначальное превратится в потомшнее, отличающееся от предшествующего источника, т. к. в противном случае невозможно никакое потом. И поэтому логически неверно, что изначально берут только одну материю, ибо понятия времени, пространства и материи — не синонимы; а для разных изначальных смыслов и названия следует брать разные. Если же начинать объяснение из того, что все начинается из движущейся материи и только, то как и куда она может двигаться? А если то, что движется, и то, в чем движущееся движется, есть материя, то зачем же изначально различные сущности называть одним и тем же именем, термином? Для путаницы? Лишь бы монизм сохранить? обосновывающий монархию? диктатуру и культ единогоначала?

А ведь кроме того, что допускают возможность расширения Вселенной, наукообразно и в серьез рассуждают еще и о самосжимаемости Вселенной аж до микрочастицы фридмона и даже аж до нуля! Не заботятся об уточнении смысла понятия «Вселенная», не заботятся об исследовании вопроса о том, что такое радиус Вселенной, есть ли он на са-

мом деле, из чего он и как устроен и какую и как выполняет свою роль, а слепо идут на поводу логики понятий, которые стихийно исторически вырабатывались и использовались в ныне господствующей старой СНОЗ не без влияния и идеологических факторов. Вот пример наукообразного рассуждения: Если радиус Вселенной x , то «При увеличении x от нуля до Π деленное на 2 поверхность возрастает до ε в квадрате, что примерно константное. При дальнейшем увеличении x поверхность снова уменьшается и при x стремящемся к π поверхность стягивается в точку (ε в квадрате равно нулю), и мир закрывается...».^{1/} Так что не только материя, но, как видите, «и мир закрывается», и Вселенная исчезает? Под влиянием соответствующих уравнений? или от атомных бомб?

«Экспериментатор, находящийся вдали от центра такого мира, воспринимает его как материальный объект, локализованный в области минимальной сферы, как объект малых (если угодно, микроскопических) размеров и обладающий в целом малой (если угодно, микроскопически) массой, хотя внутри этого объекта может содержаться целая Вселенная со своими разнообразными галактиками».^{2/} Т. е. не логико-понятийный аппарат приспособливают к тому, чтобы он истиннейше отображал предмет познания, а признают расширение и сжатие Вселенной лишь потому, что это получается при промысливании таких-то формул, таких-то сочетаний таких-то понятий!? И при этом еще клянутся, что они материалисты!? А разве не побрехенькой является утверждение, что «экспериментатор, находящийся вдали от такого мира, воспринимает его как...» — см. выше приведенную цитату? Кто именно? Какой экспериментатор, как и что воспринимал и воспринимал ли? Что значит «...воспринимал...»? Приведите правдивое описание фактически истинных данных того, что дает основание для вывода, что... в объекте микроскопически малой массы содержится вся Вселенная!! Нет же таких экспериментальных данных!!! А есть лишь запутанные и фактически неистинные логико-математические формулы, приводящие мышление к таким выводам!!

И все это потому, что всеобщие логико-понятийные начала нынешней старой СНОЗ запутаны, не истинные и не дают

^{1/} М. А. Марков. «О природе материи». Изд. «Наука», М., 1976 г., с. 142 — 143.

^{2/} Там же.

разуму опоры, не дают ему возможности проверять, правильной ли дорогой он идет, так-то размышляя и представляя!

И далее М. А. Марков пишет: «Вселенная в целом может оказаться микроскопической частицей. Микроскопическая частица может содержать в себе Вселенную...»^{3/} «В такой концепции нет первоматерии и иерархия бесконечно разнообразных форм материи как бы замыкается на себя»... «Все в природе связано со Всем. И это физически дает бесконечное число разнообразных связей, ведущее к богатству свойств единичного объекта».^{4/} Вот это да-а-а! Разве это не алогизм? не логический вандализм?

Раньше всерьез, в научном виде, обсуждались мнения, что атом устроен так же, как солнечная система: ядро и электроны вокруг ядра, как планеты, на своих орбитах. И не исключалось, что на этих электронах-планетах могут быть и микроцивилизации. А в выше приведенных рассуждениях выдвигается «научно обоснованная» гипотеза: «Микроскопическая частица может содержать в себе Вселенную... со своими разнообразными галактиками»^{1/}!/? М-м-да! Вот такая «научная картина мира» получится! И в самом деле «достаточно сумасшедшая»! И это не результат нарочитой надуманности, пишет М. А. Марков на 168 странице, «а исследовали различные ситуации в строгих рамках современной теории...», дающих «...автоматизм возникновения и в данных условиях своего рода неизбежность».^{2/} Вот к каким результатам могут приводить логические выводы в строгих рамках современной теории, в рамках ныне господствующей старой СНОЗ. И все потому, что пренебрегают уяснением и выполнением диалектико-материалистической методологии, требующей максимально точного соответствия представляющегося и мыслящегося смысла с тем, что познается. «Все в природе связано с со Всем», — пишет М. А. Марков. А что такое Все? Это абсолютное все или только часть абсолютно Всего? Если в это понятие включается не абсолютно все, то оно тогда не все, а если абсолютно все, то оно тогда одно и связываться ему несчем! И как следует представлять: «Все в природе...» или природа во Всем? Природа больше, чем Все (ведь написано, что «Все в природе...»), или равна

^{3/}. Там же, стр. 145.

^{4/}. Там же, стр. 146.

^{1/}. М. А. Марков, «О природе материи». Изд. «Наука», М., 1976 г., с. 146, 145.

^{2/}. Там же, стр. 168.

Всему, или как? Почему же Вы, крупный ученый, не проявляете логической отчетливости, строгости и точности, а свои рассуждения выдаете за высшие достижения академической науки? не выполняя даже законов элементарной логики? И все эти и прочие неурядицы отчасти от того, что фундаментальные понятия ныне господствующей старой СНОЗ (материя, пространство, время, движение, масса, импульс, энергия, координаты и координатная система и пр., определение смыслов которых сводится к тому, что неизвестное и неясное объясняют таким же) запутаны, непонятны, неясны, со значительной примесью заблуждений и с неразберихой во взаимосвязях и в изначальном составе и в логике (в том алогизме), которая их туманными смыслами и взаимосвязями обуславливается и задается или не обуславливается и не задается. Логика этих фундаментальных понятий не дает разуму опоры, не дает ему возможности проверить, к истиннейшему ли и правильной ли дорогой он идет так-то представляя и размышляя; логика этих понятий не предотвращает заблуждений разума, не освещает истиннейшего пути для его движения, работы при выведении последствий из этих начал, из такого фундамента. Ибо и смыслы, и состав, и субординация их неясны и взаимозапутаны. Вот и путается разум в тумане, продвигаясь вперед лишь благодаря тому, что почву для каждого шага ощупывает средствами опыта и экспериментов, — как слепой палочкой ощупывает себе дорогу.

Можно ли прийти к истиннейшим, логически корректным понятиям и убедительным следствиям, если даже понятие Вселенной не удосуживаются точно и однозначно определить и употреблять его затем именно в таком смысле? А ведь пониманием Вселенной именно как абсолютного Всего и образуется смысл ее: простой и предельно отчетливый, абсолютно истинный, неопровержимый, дающий опровержения всем тем смыслам ее, в которые хоть что-то не включается, дающий мышлению очень важные опоры и эвристические последствия.

«Во всяком случае, в рамках современных представлений о геометрических свойствах пространства, определяемых распределением плотности вещества, могут оказаться ситуации, когда исследование «от меньшего к большему» может неожиданно привести снова к «меньшему», к расстояниям и закономерностям микромира»^{1/}, — пишет М. А. Марков, на-

^{1/} М. А. Марков. «О природе материи», М., 1976 г., стр. 159.

водя этим тень сомнения на плодотворность методологии атомизма, методологии иерархии элементарно-структурных систем, на попытки познания реальной действительности методом истиннейшего познания всеобщих исходных начал и выводением из них всего того, что, почему и как из них образуется, состоит и существует, и что, почему и как до них разлагается. Да, именно «в рамках современных представлений...» могут оказаться такие ситуации!! Но задача прогрессотворнейшей диалектико-материалистической теории научного познания в том и состоит, чтоб пристально следить за тем, не сбивают ли современные представления разум с путей, ведущих к истиннейшему, глубочайшему и исчерпаннейшему познанию реальной действительности! Задача и цель состоит в том, чтобы исследовать, есть ли возможность переосмыслить современные представления, обновить, дополнить, уточнить, перестроить и сформировать ядро новых основоположных представлений, дающих новую СНОЗ, более прогрессивно превосходящую, чем заплутавшаяся нынешняя, о гносеологическом кризисе и неудовлетворенности которой многие говорят и пишут. И истинные ли, понятные ли, убедительны ли, ясные ли, отчетливые ли, несомненные ли те «современные представления», из которых «в строгих рамках современной теории» выводятся парадоксальные, абсурдные ситуации? — вот в чем вопрос и задача! Чем и как следует без противоречивостей, без путаницы и истиннейше объяснить такие факты в реальной действительности, что меньшее становится большим, а большее — меньшим, если они действительно есть? Может ли меньшее включать в себя и то большее, в котором оно до этого было, без изменения своего и его состава? А может можно без такой путаницы и непротиворечиво объяснить то, как, из чего, почему и в каком смысле что-то есть или становится большим, а что-то есть или становится меньшим? Может все же можно договориться о том, в каком смысле, по какому критерию следует что-то считать большим, а что-то меньшим? Ведь все здраво рассуждающие люди в житейских хлопотах приходят к согласию в этом вопросе?! Нельзя же усложнять простое и упрощать сложное, если хотим истиннейшего познания?!

Ведь понятие «большее» не превращается в понятие «меньшее» от того, что им характеризовавшийся реальный предмет стал меньшим, чем был до этого?! И наоборот, от того, что какое-то уравнение, составленное из комплекса по-

ятий, показывает расширение или стягивание понятия поверхности сферы от соответствующих изменений понятия величины радиуса, не следует, что все так же и именно таким образом происходит в соотносимой к этому реальности?!. Понятия и из них составленные комплексы и формулы могут меняться в зависимости от того смысла, которым мы их наделим, и от того, что по ходу мысленной обработки ими составляющегося смыслового содержания мы произвольно, иногда незаметно, изменяем или подменяем эти смыслы. Но истинно ли в них отображаются соответствующие реальности — это совсем другой вопрос. Но те реальности, для отображения которых предназначаются эти понятия и из их комплекта выводятся последствия, могут вести себя и не так, если эти понятия и логика их комплекта не истинные!

Задача же диалектико-материалистической логики познания (с уточненным смыслом принципов материалистичности и диалектичности) состоит не в том, чтобы позволять и научно обоснованно оправдывать мышление какое попало, или какое угодно, или какое получается, какое обуславливают неясные и не истиннейшие исходные логико-понятийные основания (ядро фундаментальных идей СНОЗ); а в том состоит ее задача, чтоб не позволять мыслить ошибочно, чтоб кратчайшим, легчайшим, надежнейшим и убедительнейшим путем приводить познающего к истиннейшим результатам в познании любого предмета познания.

Разберем следующую цитату в аспекте логики понятий: Все, нечто, ничто, иное нечто. «Вселенная наша нестатична, — пишет далее М. А. Марков, — т. е. ее пространство нестатично, оно расширяется с некоторой скоростью, зависящей от расстояния» (там же, стр. 160—161). Во-первых, «Вселенная наша...»! Значит возможна еще Вселенная и не наша? Но тогда «Вселенная наша» не есть абсолютное Все! А что же и зачем оставляется за пределами абсолютно Всего и как это возможно? Во-вторых, «...ее пространство нестатично, оно расширяется...» Ха-ха! Куда расширяется? Значит уже не Вселенная, не вещество и не материя расширяется, а пространство? Но если пространство расширяется, то значит есть и еще что-то, во что оно расширяется?! Что же это? Так как же следует представлять Вселенную, вещество, материя, пространство и еще какое-то нечто, в которое расширяется то Вселенная, то материя, то вещество, то пространство? или которое отстает от их расширения? или как там все это происходит? Ведь если это «еще что-то»

есть ничто, то за ним должно быть нечто, иное, чем пространство; а если это «еще что-то» есть нечто, то между пространством и им есть ничто.

Мы ясно видим, что логика уже определенных и уясняющихся основоположных понятий новой СНОЗ не позволяет мыслить и выражать результаты мышления как-то иначе, чем это обуславливается смыслами и составом этих фундаментальных понятий: абсолютное Все, материальное нечто, идеальное ничто, иное материальное нечто и простейший элемент сущего, которые и дают не только исходные правила для мышления и представления, но и исходное истиннейшее знание, хотя и самое общее и предварительное, о Вселенной и обо всем в ней изначально имеющемся всеобщем.

§ 2. Выведения, объяснения, уяснения и определения понятий, отображающих процессы отражения

Краткий обзор содержания этого параграфа:

В нем излагаются: взаимозависимости между состояниями структуры системы, внешней среды и внешних проявлений системы; продолжается выяснение смыслов понятий структура-нечто и структура-ничто и их онтологической и гносеологической ролей и пригодностей; отображаемость структурой-ничто изменений в структуре-нечто; выясняется, что взаимодействие систем сводится к взаимодействию их слагающих элементов одного и того же уровня сложности, из чего делается и обосновывается принципиальный методологический вывод для обновляющейся и развивающейся логики научно-познавательного мышления о необходимости признания элементарно-структурной однородности фундамента реальности и получения объяснений всех сложных вещественных образований выводением знания о них и их свойствах из знания элементов низших уровней сложности; излагаются определения и уяснения процессов отражения и отображения, неопровержимые, исчерпывающе убедительные и отчетливо ясные объяснения отчуждения отображений от отображающихся в них реальных (телеотображение) и того, что вхождение отображения в отображающее образование не обязательно связано с вхождением в него материальных элементов извне, т. е. что отображение внешнего или и далеко расположенного предмета может входить в отображающее его образование без внешних для этого образования материальных элементов, — в итоге теория отражения и информации получают дальнейшее существенное развитие; уточняются

смыслы понятий энтропия и негэнтропия в свете развивающихся идей и дальше широко используются эвристическая, объяснительная и интеграционно обобщающая пригодности этих понятий; уясняются различия отображательных свойств разных веществ, суть информационных процессов, суть и роль каналов связи в процессах отображения; дается объяснение отображаемости и не только внешнего, но и внутреннего в вещах.

I

Рассмотрим подробнее зависимости между состояниями структуры системы, внешней среды и внешнего проявления системы. Проявление системы во внешней среде есть результат взаимодействия элементного состава и структурной организации системы с внешней средой; причем таким результатом, который приводит к равновесию, к оптимальному согласованию между структурами среды и системы. Если состав и структура среды таковы, что при данном количественном и качественном составе элементов этой системы и при данной установившейся между ними структуре данное соприкосновение и взаимодействие со средой обеспечивает сохранение устойчивых обменных энергетических режимов, установившихся в элементах данной системы, вокруг них и между ними, то устойчивая согласованность с окружающей средой будет сохраняться; состав и структура этой системы также будут сохраняться, а значит будут сохраняться и ее целостность и ее внешнее проявление.

Предположим, что после какого-либо исходного стабильного состояния этого равновесия произошло изменение условий внешней среды. Это влечет за собой появление рассогласования между структурой системы и средой, что возбуждает или усиливает процесс взаимодействия системы и среды и вызывает некоторое изменение во внутренней структуре и во внешнем проявлении системы. Изменив свое внешнее проявление система этим самым изменяет в соответствующей мере условия внешней среды по отношению к себе и или до некоторой степени восстанавливает согласованность внутренней и внешней структур и сохраняет свою целостность и качество, или безвозвратно изменяет и то, и другое.

Значимое изменение внутренней структуры системы относительно исходного равновесного состояния также ведет к появлению рассогласования, к изменению условий взаимодействия и к изменению внешнего проявления системы, а

через него и к изменениям условий внешней среды. Сохранение неизменным данного проявления системы вовне может быть обеспечено только неизменностью среды (по составу, концентрации и структуре ее элементов) и неизменностью внутренней элементно-структурной организации системы. Изменение же внешнего проявления системы есть следствие изменений или во внешней среде, или внутри системы, или того и другого. Причем, если изменение внешнего проявления системы возможно при сохранении неизменности или при восстановлении до прежнего состояния внутренней структуры системы, то изменение в составе, в концентрации и в структуре внешних по отношению к системе элементов неизбежно влечет за собой соответствующие изменения во внутренней структуре системы, которое или может быть устранено через изменение внешнего проявления, или нет — это зависит уже от специфики и уровня элементно-структурной организации системы и внешних условий. Взаимосвязь конструкции, строения и такостей проявлений (движений) систем, целостных образований из вещества особенно подчеркивал и академик И. П. Павлов.

Итак, важные для уяснения сущности отражения выводы:

- всякое изменение в состоянии элементно-структурных условий среды, внешней по отношению к данной системе и непосредственно окружающей ее, граничащей и соприкасающейся с ней, неизбежно вызывает соответствующие изменения в состоянии элементно-структурных условий внутреннего состава этой системы;

- неизменность внутренней структуры системы может сохраняться лишь там, тогда и настолько, где, когда и насколько сохраняются неизменными те условия внешней среды, с которыми система до этого уравнилась посредством своей структуры и своего внешнего проявления, сохраняющегося в данных условиях;

- изменение внешнего проявления (движения) системы, не обусловленного изменением условий внешней среды, может быть следствием лишь изменений ее внутренней структуры и обуславливает соответствующие изменения во внешней среде.

Форма поверхности, образованной границами, пределами множества элементов, взаимосвязанных структурой данной системы, предстает для внешнего формой начала новых условий, т. к. здесь и уровень сложности элементов, и концентрация их, и характер структуры, объединяющей их в

систему, отличаются от внешней среды. Но, т. к. внешняя среда представляет собой качественное многообразие систем различных структурных форм и уровней организации, каждая из которых существует благодаря своему внешнему движению, то такая среда вся кишит многообразием форм движения и многообразием условий и обстоятельств, складывающихся в разных местах и моментах. А существование всякой реальной системы в такой среде, вследствие вышераскрытой ее сущности и сущности ее существования, необходимым образом обуславливает вхождение ее в различные условия внешней среды и соответствующее изменение ее внутренней структуры.

Так как внутренняя структура системы фиксируется, с одной стороны, характером устойчивых взаиморасположений и взаимопередвижений составляющих эту систему протяженных материальных элементов, с другой стороны, характером взаиморасположений и взаимопередвижений прерывностей, идеальных поверхностей этих элементов, то изменения или состояния строев элементов в структуре системы и есть адекватные изменения или состояния ее структуры-нечто и структуры-ничто. В этих изменениях или состояниях в виде некоторого «следа» или последствия фиксируется, вписывается или вплетается особенность тех изменений или состояний окружающей среды, которые вызвали и детерминируют внутри системы изменения или состояния структуры-нечто и структуры-ничто между ее элементами. А в изменениях или состояниях структуры элементов, составляющих среду, внешнюю по отношению к нами рассматриваемой системе, фиксируется особенность последней. Характер пространственной и временной распределенности изменений в структурах (-нечто и -ничто) внешней среды обуславливает собой соответствующую последовательность (по месту и времени) изменений в структуре данной системы, т. е. фиксируется, оставляет следы из элементов и систем различных структурных уровней сложности; а взаимодействие систем низших уровней с более сложной системой и систем высших уровней с менее сложной сводится к взаимодействию множеств элементов равного уровня сложности, объединенных своими структурами, сводится к взаимодействию элементов или систем, относящихся к одному и тому же уровню сложности, то всякие изменения во внешней по отношению к данной системе среде и внутри самой системы есть изменения в концентрации и структуре состояний простейших элементов

сущего, составляющих или сложный элемент, или систему, или окружающую ее среду.

В связи с этим заслуживает внимания следующая мысль А. Эйнштейна: «То, что действует на наши чувства в виде вещества, есть на деле огромная концентрация энергии в сравнительно малом пространстве. Мы могли бы рассматривать вещество как такие области в пространстве, где поле чрезвычайно сильно. Таким путем можно было бы создать основы новой философии. Ее конечная цель состояла бы в объяснении всегда и всюду».^{1/} То есть элементарно-структурная однородность начал, фундамента реальности, веру во что М. С. Асимов и Акбар Турсунов характеризуют как методологический указатель на путь восходящего на новые познавательные высоты научного мышления^{2/}, выводимость закономерного самообразования всех систем и человека из всех тех начал, из которых состоит любое сущее реальной Вселенной — в этом суть и доказательство идеи единства макрокосма Вселенной и микрокосма человека как «высшего цвета» (Энгельс) развития реальности в нашей области Вселенной. Но уяснение элементарно-структурных моделей элементов и систем всех уровней сложности и причинно-следственных механизмов их состава, строения и взаимодействия более глубоко, подробно, точном и совершенном (на окончательном) уровне успешно можно провести лишь после исследования и уточнения необходимых для этого логико-понятийных средств. Для этого сначала необходимо более точно уяснить себе сущность и возможности форм и методов чувственного и рационального познания, познания вообще, знания и средств развития и выражения знания. Но этого можно достичь в результате предварительного уяснения сути и развития процесса отражения от неживого и не ощущающего до живого, ощущающего и всяко познающего, для чего здесь, в «Прологах...», осуществляющийся уровень исследования необходимых для этих вопросов достаточен.

II

Некоторое множество изменений в состояниях соответствующего множества элементов и их поверхностей одной системы, заданное, вызванное или причиненное некоторым мно-

^{1/} А. Эйнштейн. «Физика и реальность». М., 1965 г., стр. 316—317.

^{2/} М. С. Асимов, Акбар Турсунов. «Соотношение микрокосма и макрокосма как философская проблема: история и современность». Ж. «Вопросы философии», № 7, 1978 г., стр. 74.

жеством состояний и воздействий элементов и их поверхностей другой системы, как результат взаимодействия их между собой, и есть отражение, как всеобщее свойство материального и идеального в их единстве и борьбе во всем многообразии их видов и форм существования, во всем многообразии структурных уровней организации элементов и систем, составляющих собой реальность.

Иначе говоря, отражение есть такой процесс взаимодействия элементов и систем реальности, в ходе и в результате которого принятием состояний взаиморасположения и взаимопорядка границ-ничто каких-то элементов в каком-то множестве их между ними фиксируется какая-то форма и пределы ими составляющейся более протяженной границы-ничто, а сохранением и изменением этих состояний взаиморасположения сохраняется, распространяется и изменяется эта форма.

Несколько подробнее уясним сущность отражения в той всеобщей форме его, которую мы получили на данном этапе исследования, прежде чем получим более высокие, более развитые и специфические формы отражения (в живых организмах, например).

Следует различать отражение, как процесс взаимодействия отображающего (отражающего) и отображаемого (отражаемого), следствием которого является отображение одного в другом, — отображение как то изменение или состояние в структуре отображающего, в котором фиксируется, вписывается или как-то оструктурируется мера соответствия структуре, свойствам, форме, интенсивности и экстенсивности отображаемого.

Так как всякая система состоит из множества элементов, объединенных посредством некоторой структуры, то стабильность ее внутреннего состояния и процесса (стабильность структуры-ничто) обуславливает и стабильность формы пространственной распределенности поверхностей, образующихся прерывами, переходами, границами между протяженностями материальных элементов данной системы, стабильность временной взаимосогласованности их переходов и перемещений в соответствии с характером внутреннего процесса ее структуры, т. е. стабильность структуры-ничто. Изменение внутренней структуры в результате процесса отражения вызывает изменение как внешней формы системы, образованной свободными от взаимосоприкосновения участками внешних поверхностей множества элементов составляющих

ее, так и формы пространственно-временной взаимораспределенности тех участков поверхности элементов, которыми они входят во взаимосоприкосновение и взаимодействие, составляя данную систему, т. е. изменение и внешней и внутренней структуры-ничто этой системы.

Иначе говоря, состояние и изменение внутренней структуры-ничто системы взаимосвязано с состоянием и изменением в структуре-ничто. Изменение во взаиморасположениях этих прерывностей, этих границ обуславливается изменением взаиморасположений элементов; а изменение состояний и взаиморасположений элементов обуславливается изменением в условиях межэлементных границ, т. е. изменениями состояний структуры-ничто. Структура-ничто копирует собой состояния и изменения границ структуры-ничто. Некоторые изменения внешних условий таковы, что производимые ими отображения погружаются во внутрь отображающей системы и распространяются в ней. Реальное ничто в форме отображения погружается внутрь вещей по причине своей «тонкости», — потому, что оно есть такое ничто, которое есть во всех хоть как-нибудь существующих элементах и которое меняет свою идеальную форму в соответствии с изменениями им оформленного, прерванного материального сущих элементов. В случае представления о системе, как о какой-то внутренне неразличимой, абсолютно непрерывной и однородной мономатериальной качественности вширь и вглубь ее, изменение ее внутреннего состояния, а следовательно, и проникновение отображения в нее было бы невозможно.

Отображающаяся система воздествует на отображающую некоторым множеством своих элементов. Отображающаяся система в результате процесса отражения получает множество изменений в состояниях своих элементов, т. е. получает отображение. Но элементы отображающейся системы воздействуют на элементы отображающей не врозь, не согласованно, а вместе, в определенной взаимосвязи, взаимодействуют скоординированно и согласованно, что обуславливается сущностью целостностью существования отображающейся системы. Следовательно, во множестве единичных элементарных воздействий отображающейся системы есть нечто общее, одинаковое, что соответствует тому самому общему, одинаковому движению элементов данной системы, благодаря которому она существует. Хотя каждое из изменений в состояниях элементов отображающей системы и вызвано соответствующим единичным элементарным воздей-

ствием соответствующего элемента отображающейся системы, все же во множестве их фиксируется то общее и одинаковое, что имеется во множестве единичных воздействий элементов отображающейся системы. Поэтому и во множестве изменений в состояниях элементов и их границ отражающей системы фиксируется, «отпечатывается», «вписывается» соответствующая особенность этой совместности, этой взаиморасположенности, этой взаимосвязи, этой скоординированности и согласованности актов существования элементов и границ элементов отображающейся системы.

Следовательно, отображение не может не иметь какой-нибудь степени соответствия с отображающимся. В одних случаях — это слабый гомоморфизм, а в других — это соответствие близко или равно изоморфизму. Но то состояние взаиморасположений поверхностей элементов отображающейся системы, которое фиксируется в отображении, поступающем в отображающую систему под влиянием процесса отражения (взаимодействия) претерпевает некоторое изменение под влиянием противодействия структуры элементов отображающей системы. Поэтому следует учитывать, что в отображении фиксируется особенность структуры элементов отображающейся и отображающей (воздействующей и противодействующей) систем. Вхождение отображения в отображающую систему не зависит от вхождения (может не сопровождаться вхождением) в нее элементов внешней среды, а является перемещением изменений в состояниях взаиморасположения поверхностей ее же элементов, обусловленное воздействием элементом внешней среды и противодействием структуры ее составляющих элементов, т. е. является вхождением в структуру-ничто структуры-ничто.

Из предшествующего следует, что каждая система в процессе отображения выступает в роли отображающей и в роли отображающейся. Но мера способности выступать в этих ролях обуславливается качеством, концентрацией и структурой составляющих ее элементов. Способность отображать не следует понимать в метафизическом смысле, не следует смешивать с тем смыслом слова «отражать», которым выражают способности тела только отталкивать от своей поверхности падающие на нее элементы, тела и различные волны (например, отражение падающих на зеркало лучей), способности непроницаемости и неизменности, твердости этого тела, способности отражать от себя. Способность отображать есть и способность отражать от себя, и способность отобра-

жать в себе, т. е. изменять свою внутреннюю структуру под непосредственным влиянием отображающегося или под влиянием исходящего от него отображения. В термине «отражение» будем объединять смысл всего того в процессе взаимодействия реального, что дает смыслы для понятий: и отображение, и отображающееся, и отображающее.

III

Рассуждения о развитии систем и форм отражения

Выше была раскрыта сущность структуры-нечто и структуры-ничто систем реальной действительности. Они являются диалектико-материалистическими взаимопротивоположностями. Если структура-нечто есть экстенциональное и интенциональное сосуществование и взаимодействие материального в системе, т. е. множества протяженных качественностей различного, составляющих собой материальное тела системы, то структура-ничто есть взаимоположение поверхностей, не имеющих ничего в себе, очерчивающих, ограничивающих собой, прерывающих собой протяженные качественные материального у тех элементов, которые экстенционально и интенционально составляют собой тело системы. По сути дела, структура-ничто есть идеальное ничто, вплетенное в систему, в ее материальное нечто, прерывающее и этими прерываниями пронизывающее собой это нечто. Именно благодаря объективности идеального ничто возможна такость существования материального нечто как простого или сложного образования, как элемента или системы, образованных структурой одного или множества простейших элементов. Без ничто невозможно и сущее нечто, и наоборот. Это две сущностные взаимопротивоположности реальности, находящиеся в диалектико-материалистическом единстве: структура-ничто любой системы или элемента есть форма, порядок взаиморасположений тех прерывов-ничто, которыми кончаются такости ее составляющих нечто. Они как раз и составляют собой то реальное противоречие, которым реализуется проявление процесса отображения взаимодействующих и взаимообуславливающихся реалий. Состояние и изменение состояния структуры-нечто сопровождается соответствующим состоянием и изменением состояния структуры-ничто, а состояние и изменение состояния структуры-ничто вызывается соответствующим состоянием и изменением состояния структуры-нечто. Без структуры-нечто невозможна и структура-ничто и на-

оборот. А без структуры объединения материально-идеальных элементов сущего в систему невозможно образование, существование и проявление системы. Следовательно, по состояниям и изменениям состояний структуры-ничто какой-то системы можно и следует судить о состояниях и изменениях состояний структуры-ничто той же самой системы, чем и обеспечивается отображательная роль идеального ничто (и онтологическая, и гносеологическая, и в природе, и в смыслогике, отображающей собой природу).

Если структура-ничто данной системы ни целиком, ни частично не может быть отделена от нее и перемещена в другое место без соответствующего перемещения всех или части составляющих ее элементов, то структура-ничто данной системы отдельными участками, а в некоторых условиях и почти вся, может отчуждаться (как бы выходить, сниматься из системы) и распространяться в окружающей среде в виде отображений, как перемещение последствий отражения системы в виде перемещения изменений и состояний строев элементов в структурах-ничто и структурах-ничто окружающей среды, без существенного изменения структуры-ничто и структуры-ничто этой системы. Отображение данной системы может исходить и уходить от нее и распространяться вовне элементами среды (в виде очертания строя этих элементов, перестроившихся вследствие встречи их предшествующего строя с границей-ничто системы, отображающейся в их новом строе), не беря с собой элементов этой системы и никак ее не уменьшая. Вещество цветка не теряется от того, что вид (отображение) этого цветка доходит до наших глаз.

Таким образом, если структура-ничто данной системы имеется в одном-единственном экземпляре и находится она в том единственном месте, которое образуется и занимается ее составляющими ничто и ничто, то ее структура-ничто, в ходе существования и проявления системы вовне, в ходе взаимодействия ее с окружающей средой, а следовательно, в ходе процессов отражения, как бы истекает от и из системы и в неограниченном числе экземпляров распространяется посредством элементов окружающей среды, пребывая между ними в виде различных по полноте и существенности отображений структуры элементов отображающейся системы. Это существенное отличие структуры-ничто и структуры-ничто, важное для уяснения процесса отображения и возможностей развития систем и высших форм их взаимоотображения и телеотображения, обуславливается именно уясненной сущ-

ностью материального и идеального. Так как перемещение структуры-ничто есть совместное перемещение материального всех или существенного большинства элементов, составляющих данную систему, при сохранении их экстенциональных и интенциональных взаиморасположений и взаимодействий, существенных для сохранения целостности и характера данной системы; а распространение структуры-ничто во внешней среде есть такое последовательное перемещение очертаний порядков и строев и их изменений в состояниях или в положениях элементов среды, которое передается посредством возбуждения и осуществления импульсов активации и воздействия одного элемента (или ряда, слоя их) на другой и соответствующих перемещений очертаний их взаимных экстенсивных и интенсивных состояний и строев без сопровождения повсеместными перемещениями элементов системы. Элементы системы своим общим проявлением вовне причиняют изменение в состояниях (в строях) элементов, непосредственно окружающих систему, оставаясь в ее составе.

Таким образом, выход или отлет идеального в отображении из или от системы, последующее отчуждение и распространение его в окружающей среде не связано обязательно с полным выходом или отделением из или от этой системы ее составляющих элементов; вхождение в структуру системы какого-либо идеального отображения извне не связано обязательно с полным вхождением в нее внешних элементов; а все это обязательно связано с состояниями, сотрясениями и изменениями структур и с перемещениями очертаний-ничто этих состояний, сотрясений и изменений, последовательно повторяющихся или передающихся от элемента к элементу. Вот и получается, что идеальное отображение есть бестелесная полусущность (ибо оно есть структура-ничто), отделимая от тела, хотя и не существует без и не между материальности каких-нибудь реальных элементов. Поэтому-то оно и навевало различные мистические измышления о душе, о привидениях и прочее.

Так как распространение идеального отображения, т. е. идеального в отображении, (= какая-либо сторона или участок структуры-ничто, отчужденная от отображающейся системы) есть распространение соответствующих изменений в структурах-ничто окружающей среды или отображающейся системы, то в той мере, в какой структура тех элементов, посредством которых происходит распространение отображения, обеспечивает предопределенность их последующих со-

стояний, происходит противодействие этой структуры тому изменению, которое вносит распространяющееся здесь отображение. Поэтому следует учитывать, что в идеальном отображении по мере его отчуждения и удаления от структуры-ничто своей системы фиксируется не только особенность структуры отображающейся системы, но и отображающей системы, и особенности той среды, через которую отображение проходило.

Таким образом, каждая система в процессе отражения выступает в роли отображающей и в роли отображающейся; но соотносительная мера способности выступать в этих ролях обуславливается качеством, концентрацией и структурой (взаиморасположений и взаимосвязей) составляющих ее элементов.

Следовательно, можно отметить, что отображение по своей сути таково, что может исходить из и от отображающегося тела, фиксироваться идеальностями элементов окружающей среды (их множествами), пребывать между сущим в окружающей среде за пределами в нем отображающегося тела и распространяться в окрестности до тех пор, пока среда не изменит, не разрушит ту структуру-ничто, которая задана в отображении отображающейся системой.

Кроме этого, следует отметить еще и то, что отображение в таком отчужденном пребывании является не только пассивным следствием внешнего проявления отображенной в нем системы, но и отображением той активной причины, которая посредством несущих это отображение элементов осуществляет структурные изменения между элементами окружающей среды или системы, принявшей это отображение на или в себя, что может выразиться в изменении условий отображения проводящей среды или в изменении проявления и хода развития отображающей системы, т. к. любая структура-ничто не существует без структуры-ничто. Дело лишь в том, что элементы структуры-ничто меняются, передавая полученную структуру-ничто элементам другого множества; а структура-ничто распространяется, до некоторых пор и при некоторых условиях сохраняясь неизменной. Будучи даже отчужденным отображение через те элементы, которыми оно распространяется, в состоянии обусловить именно такую пространственно-временную структуру среди элементов, в близости находящихся или непосредственно соприкасающихся с системой, принимающей это отображение, которая может оказаться как раз единственно способной вызвать такое-

то изменение в структуре элементов системы, принимающей это (даже отчужденное) отображение. Вот в каком смысле бестелесное, т. е. идеальное, является управителем материального в онтологическом аспекте. Обогащаются также возможности для истинных и более глубоких естественно-научных объяснений многих психологических явлений (тепелатия, сновидения и пр.).

* * *

В свете изложенного очень примечательный смысл приобретают слова Эпикура, если образ мыслить как структура-ничто, как идеальное в отображении: «Образы имеют непревосходимую тонкость... непревосходимую быстроту, ибо всякий путь для них — подходящий, не говоря уж о том, что истечению их ничто не препятствует или немного препятствует, тогда как большому или безграничному числу (атомов в плотных телах) тотчас же что-нибудь препятствует... Течение атомов с поверхности тел непрерывно, но его нельзя заметить посредством (наблюдения) уменьшения (предметов) вследствие противоположного восполнения (телами того, что потеряно). Течение образов сохраняет (в плотном теле) положение и порядок атомов на долгое время, хотя оно, (течение образов), иногда приходит в беспорядок. Кроме того, в воздухе внезапно возникают сложные образы»...^{1/}

Природа, реальная действительность или Вселенная обладает разумом в том смысле, что во Вселенной есть существа, обладающие разумом, способным формировать в себе образы, истинно отображающие в себе соответствующие реалии. И истинный образ дома или самолета, находящихся от нас на расстоянии, мы можем сформировать или получить восприятием именно благодаря тому, что структура-ничто отображений способна отчуждаться от отображающихся в ней вещей и распространяться и в соответствующих условиях доходить до нашего сознания, передаваясь от одного множества одних элементов к другому множеству таких же или и других элементов. Вот и созерцаем мы на экране телевизора отображения реалий, находящихся от нас за тысячи километров. Но не только разум людей или разумных существ имеет дело с идеальностью, как это ясно из предшествующего, а всюду и в самых началах реальности имеется

^{1/}. См. «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. I, стр. 349.

идеальное как противоположность материального с уясняющимися здесь способностями отображать, отчуждаться, распространяться, сохраняться и искажаться и пр. Примечательно, что и Джон Локк в рассуждении о способности вещей вызывать в нашем уме образы обращает внимание на первичные и вторичные качества вещей,^{1/} выражая этими понятиями то, что вещи могут производить свои отображения непосредственным взаимодействием поверхности своего тела с принимающей это отображение системой и могут производить это через свои отчужденные отображения, истинная суть которых была ему неизвестной.

IV

Уяснение и определение энтропии и негэнтропии

Специфические состав и взаиморасположение элементов соответствующих уровней сложности и наиболее и достаточно устойчивые взаимосвязи и взаимообмены между ними образуют структуру тела системы, которой и взаимодействием которой с окружающей средой и обуславливается специфичность взаимоупорядоченности и взаимоопределенности последующих состояний элементов; характером направленности взаимоупорядоченности всего этого обуславливается характер проявления системы. Характером толохроноупорядоченности структурного объединения элементов в целостности тела системы обуславливается то, что из множества возможных для каждого отдельно взятого элемента состояний реализуются лишь те, которые обеспечивают и функционирование целостности системы и закономерное, предупорядоченное, предопределенное проявление сущностной активности элементов, благодаря чему устраняются или уменьшаются случайности (неопределенные такости проявлений, важные для сохраняемости этой системы), хаос, энтропия; так согласованное проявление множества элементов ведет к тому, что на уровне ими составляющегося целого возникают качественно новые движения этого целого и закономерности его проявлений, обуславленные согласованными движениями его составляющих элементов. А где есть необходимым образом упорядоченное инвариантное проявление элементов, там есть закон и проявление его реализующей или обуславливающей системы. Необходимости и закономерности имеют возможность проявиться потому, что

^{1/} См. «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 420.

их проявление реализующие элементы имеют возможность упорядоченно проявлять такое-то свойство, а упорядочивающее влияние на них обеспечивается характером структуры элементов в целостном теле системы и обстоятельствами условий в окружающей среде. Следовательно, упорядоченной направленностью тех актов существования элементов, которые для каждого из них характерны и существенны, обеспечивается проявление акта существования слагающейся из них системы или ее части. А все те возможные, но содействию существованию системы не соответствующие, проявления элементов предотвращаются такою взаиморасположением элементов, образующих структуру тела данной системы, и обстоятельствами, необходимыми для сохранения ее целостности, для выживания и развития. Влияние же процесса и результата познания всего этого на все это может проявиться лишь там, тогда и настолько, где, когда и насколько этот процесс познания его осуществляющими элементами субъективной или объективной реальности непосредственно или опосредовано вступает во взаимодействие с элементами, образующими и обуславливающими все это, и соответствующим образом влияет на все это. Ведь и здесь действует закон, согласно которому взаимодействие любых систем или их частей реализуется взаимодействием их составляющих элементов.

Энтропия структуры элементов системы есть мера множественности равновозможных вариантов последующих состояний элементов, обусловленная особенностями состояния этой структуры, обеспечивающей соответствующие условия вокруг каждого элемента и их предшествующих состояниях. Негэнтропия же характеризует собой состояние структуры элементов системы в противоположном отношении по сравнению с ее энтропийностью. Устойчивость целостности системы зависит от характерной для нее оптимальной меры негэнтропии, обеспечивающей своей структурой и особенностями состава и качества элементов соответствующую предопределенность таких последующих состояний элементов, которые и предопределяют существование этого состава элементов в единстве и в виде скоординированной общности их, т. е. которые и дают в результате целостность системы и характерное для нее проявление и качество. Но эта оптимальная мера негэнтропии может нарушаться и изменяться с изменением структуры, или с изменением количества элементов, составляющих эту систему, с появлением избытка

или недостатка элементов по отношению к оптимальному их количеству, или с изменением их качества. Где и насколько уменьшается негэнтропия структуры элементов, там и настолько возрастает энтропия, и наоборот, уменьшение энтропии при одном и том же количестве одинаковых элементов есть рост негэнтропии структуры этих же элементов.

V

Из самой сути отображения следует, что оно перетряхивает, изменяет, перестраивает или подстраивает структуру элементов отображающей системы. Принять отображение — значит перетряхнуть, изменить, перестроить или подстроить структуру своих элементов под влиянием структуры его несущих элементов и в соответствии с ней. Рассмотрим возможные варианты этого влияния и некоторые последствия их.

Если в той среде, в которой находится некоторая сложная система, инвариантной структурой своих элементов сохраняющая свою целостность, количество элементов будет увеличено за счет прибавления здесь элементов низших уровней сложности, не связанных со структурой данной системы, то энтропия структуры этой системы увеличится, а негэнтропия ее уменьшится. И наоборот, такое уменьшение таких элементов увеличивает негэнтропию такой системы и уменьшает ее энтропию. Эти выводы естественно следуют из логики исходных и уже полученных понятий. Но увеличение энтропийности структуры данной системы влечет за собой рост изменений в последующих состояниях ее элементов, что обуславливает увеличение вероятности к образованию измененных, новых структур внутри этой системы и, следовательно, к изменению качества всей системы или отдельных частей ее тела. А изменение может быть и в сторону повышения негэнтропии, и в сторону понижения ее.

Первый вариант. Отображение изменяет структуру элементов отображающей системы в сторону таких взаиморасположений и взаимодействий, в сторону таких взаимосоприкосновений, взаимообменов и совместимостей, которые будут более благоприятны для энергетических состояний элементов этой системы, которые уменьшат неопределенность и увеличат определенность (однозначность) последующих состояний существования элементов в составе целостной системы, т. е. в сторону более высокой негэнтропийности системы. В этом случае связи между элементами системы

станут более устойчивыми или более прочными, повысится способность системы сохранять свою целостность и противостоять внешним воздействиям, повысится устойчивость, прочность и стабильность ее структуры. Это обусловит повышение способности этой системы отображаться в окружающей среде, т. к. более прочная общность элементов системы в такой структуре причинит больше изменения во всем том, с чем данная система взаимодействует, и в большей степени внесет, впишет в него отображение такой структуры своих элементов. Это же обусловит и понижение способности отображать в себе внешнее, принимать в себя отображение извне, т. к. мера этой способности есть не что иное, как мера способности отображающего изменять свою структуру в некотором соответствии со структурой отображающегося. Факты реальной действительности подтверждают вышесказанное и объясняются им. Именно низкая способность твердых тел отображать в себе внешнее обусловила то, что развитие более сложных и высоких форм отражения (раздражимость, ощущение и т. д.) пошло не по линии более твердых тел, не в них.

Второй вариант. Отображение изменяет структуру отображающей системы в сторону уменьшения негэнтропии, к повышению неопределенности, многовариантности возможных последующих состояний элементов, к повышению хаоса, беспорядка. Тогда связи между элементами системы ослабнут, понизится способность противостоять внешним воздействиям и сохранять общность и единство своих элементов в процессе внешнего проявления системы; у такой системы понизится способность сохранять целостность и стабильность структуры. Она предстанет для внешнего как менее прочная и твердая, более рыхлая. Это повлечет за собой понижение способности отображаться, т. к. структура такой системы станет менее способна к внесению изменений в структуру внешней среды в процессе своего проявления, потому что сама станет более изменчива и более податлива внешним воздействиям. Такая система станет менее способной вносить свои отображения в окружающую среду и более способной отображать в себе, принимать на себя или в себя отображения внешних систем и элементов.

Большая способность системы отображать в себе отображающееся, принимать отображение отображающегося обуславливает собой и большую способность передавать это отображение от того множества элементов, в характере из-

менения состояний которых оно фиксируется, к другому множеству своих элементов, т. е. большую способность распространять отображение в себе и через себя с меньшими искажениями. Это и обусловило то, что переход отображения от одной системы к другой может осуществляться не только непосредственно (от соответствующего множества элементов отображающей системы к соответствующему множеству элементов отображающей системы), но и опосредовано, через среду со слабой взаимосвязью элементов или через высокоэнтропийную среду, которая в этом случае играет роль канала связи. «Канал связи задан всякий раз, как только некоторому множеству различных состояний входа системы поставлено определенное множество состояний выхода».^{1/}

Все это подтверждается тем, что среды, составленные не связанными или слабо связанными между собой элементами низших уровней сложности (простейшие элементы сущего, несколько более сложные элементы и частицы, атомы, молекулы и др., соответствующие концентрации в пространстве и смеси которых со слабой связью между ними могут быть высокоэнтропийными или легко перестраивающиеся строи своих элементов средами или каналами и хорошо играют роль каналов связи) обладают высокой способностью отображать и распространять отображения. Так, например, если фотоны световых лучей падают на такой участок поверхности какого-либо тела (пусть поверхность зеркала), который полностью и без всяких изменений отражает их (не отображает, а отражает в механическом смысле этого термина), то в отражающихся от зеркала лучах не будет фиксироваться особенность формы и свойства поверхности зеркала, которая их отражает. Такое зеркало не изменяет отображения, зафиксированного в структуре световых лучей, выполняющих роль канала связи; а изменяет лишь направление распространения отображений, исходящих от тела, отображающегося в этих световых лучах. А поэтому отображение предмета, отображающегося в отражающихся от зеркала лучах света, мы будем видеть как бы в ином месте, не замечая самого зеркала, если (и настолько, насколько) оно без изменений отражает. Зеркало в этом случае дает о себе знать лишь изменением места видения предметов, отображающихся не в нем, а в лучах, сохранивших структуру своих эле-

^{1/} Б. В. Ахлибининский. «Информация и система». Л., 1969 г., стр. 24.

ментов и изменивших лишь направление своего распространения.

Но если то тело, на которое падают лучи света, изменяет структуру составляющих их элементов (часть элементов поглощает, а часть отражает, изменяет длину волны колебаний или форму переднего фронта потока этих элементов и пр.), то в этих изменениях уже будут фиксироваться особенности структуры производящего эти изменения тела. В таких условиях зеркало дает нам знать больше о себе, чем о телах, отображающихся в падающих на него лучах света, т. е. оно лучше отображается в исходящих от него лучах.

То, что первая система хорошо отображается в другой системе или во множестве элементов низшего по сравнению с первой системой уровня сложности, указывает не только на соответствующий (более высокий) уровень энтропийности или слабовзаимосвязанности элементов отображающей системы или среды, но и на соответствующую общую активность множества элементов отображающейся системы. При чем эта активность может выражаться или в противодействии проникновению элементов внешней среды внутрь отображающейся системы, или в различных выборочных взаимодействиях элементов отображающейся системы с элементами отображающей среды, следствием которых является соответствующее сотрясение, колебание или изменение структуры последней, становящееся отображением первой. Естественно, что в таком отображении фиксируются не только особенности внешней поверхности отображающейся системы, но оно является следствием результативного взаимодействия специфически оструктуренного множества элементов этой системы с соответствующим множеством элементов отображающей среды, также каким-то образом оструктуренных. Поэтому мы можем отметить, что в отображении отображается не только внешнее явление вещи, но в какой-то степени и вещь в себе.

Мера энтропийности системы обуславливает в обратной зависимости и меру способности сохранять в себе отображение, способность сохранять в себе те изменения, которые произошли в результате процесса отражения. Следовательно, системы с высокой энтропийностью своих структур хорошо отображают и хорошо распространяют отображения, но плохо их сохраняют. А системы с высокой неэнтропийностью своих структур хорошо отображаются и при соответствующих условиях и соответствующими структурами элементов хоро-

шо сохраняют полученное отображение, но плохо отображают внешнее в своей структуре. Например, раскаленная лава вулканических извержений отображает в себе встречающиеся на пути твердые тела а застывши, веками сохраняет эти отображения. В 79 году до н. э. разверзшийся Везувий внезапно обрушил свои извержения на древние города Геркуланум и Помпею и заживо замуровал их окаменевшей лавой в трудовых буднях на века. Восемнадцать столетий в неприкосновенном виде сохранялось это гигантское отображение достижений античной цивилизации и (воскресши после Ренессанса в археологии) поведало (формами идеального в своей структуре) о тех, кто оказался жертвами катастрофы, — поведало людям другой культуры, других обычаев, достигшим изумительных результатов в познании, но связанных кровными узами родства всего человечества с трагически погибшими.

Зависимость способности отображать и сохранять отображения от изменения состояния прочности и энтропийности структуры элементов вещества используется в технике (запись и хранение информации на грампластинках, на магнитных и светочувствительных лентах, на фотографиях, на киноплёнке, телепередача отображений на расстояния по кабелю, передвижения отображений по нейроканалам нервной системы живых организмов и т. п.). Поэтому следствием развития форм существования реальности является то, что некоторые элементно-структурные среды играют роль каналов связи, а некоторые — хорошо сохраняют полученные отображения.

В результате процессов отражения как всеобщего свойства материального и идеального реальности системы видоизменяют свою внутреннюю структуру и тем самым приобретают или большую энергетическую уравновешенность и для сохранения целостности благоприятную предопределённость последующих состояний системы и ее элементов предшествующими (приобретают негэнтропию), или меньшую. Те системы, состав элементов которых в результате процессов отражения образует такую структуру, которая наилучшим образом состыковывает разнокачественность внешних поверхностей элементов, которая наилучшим образом обеспечивает негэнтропийность системы в данных условиях среды, — такие системы сохраняют и даже повышают свою целостность и «выживают», а другие разрушаются или перестраивают свою структуру в более совершенную в данных условиях или

образуют с другими элементами и системами более сложные системы и образования.

Подобно тому, как морские волны на берегах шлифуют камни, так и материально-идеальные волны процессов отражения обуславливают и производят собой колебания, сотрясения, изменения, разрушения, подстройки, перестройки и усложнения структур систем реальности и тем самым обуславливают собой изменение условий, естественный отбор и развитие видов самоорганизации материи и форм ее существования. Все сущее движется, кишит и шевелится, все воздействует и страдает, все в зависимости от условий в этом месте и в это время зарождается, живет или функционирует как некоторая целостность и умирает, распадается и тем самым изменяет условия некоторого места и времени. «Этот космос, — как говорил Гераклит, — тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим».^{1/}

Невозможно утверждать, что идеальное есть свойство материального, и этим пытаться сохранить монистичность материалистического начала еще и потому, что свойство материи не может быть отделено от того материального, чему оно свойственно, без разрушения его. А между тем структура-ничто (идеальное отображения) отчуждается от оригинала и распространяется посредством строя ее передающих элементов, фрагментарно отображая собой форму, размер относительно другого и некоторые иные свойства оригинала. Иначе невозможно объяснить, как и почему мы созерцаем предметы дискретными, пространственно ограниченными, имеющими форму своей границы и на расстоянии, не отнимая от них им принадлежащей материи.

Однако нам известен факт, что некоторые твердые тела обладают низкой энтропийностью структуры своих довольно прочно взаимосвязанных элементов ближайших уровней сложности (молекулы металлического проводника и атомы как элементы ближайших уровней сложности) и все же они являются хорошими каналами связи. Не противоречит ли этот факт вышесказанным выводам? Здесь следует учитывать наличие в данной системе (в данном теле или веществе) элементов различных уровней сложности и состояние энтропийности и взаимосвязанности элементов тех структур, по-

^{1/} См. «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. I, стр. 275.

средством которых объединяются элементы соответствующих уровней сложности в целостности данной системы. Так, если вышеохарактеризованный металлический проводник имеет относительно высокую меру изменяемости энтропии структуры элементов более простых уровней сложности (так называемые электроны, фотоны и прочие элементы и частицы), то роль хорошего канала связи он осуществляет не посредством элементов более сложных уровней, связанных жесткой низкоэнтропийной структурой каркаса, а посредством элементов низших уровней сложности, структура между которыми или высокоэнтропийна или легко изменяющаяся. Идеальная структура-ничто отображения передается перемещением изменения в структуре-нечто соответствующих множеств простейших элементов металлического проводника, а не перемещением изменения структуры на молекулярном и атомарном уровнях, если роль канала связи выполняют не они, а структура потоков электронов или еще более простых элементов, что будет раскрыто в «Логах...».

* * *

«Хотя мировая материя повсюду одна и та же, однако в соответствии с ее различными модификациями. — пишет Д. Толанд, — она мыслится разделенной на бесчисленное множество отдельных систем или выхрей; эти последние в свою очередь подразделяются на другие системы разной величины, зависящие друг от друга и от целого по положению своих центров, по своей структуре, форме и взаимной связи. Наше Солнце, например, является центром одной из более крупных систем, включающих в сферу своей деятельности гораздо меньшие системы... Земля в свою очередь разделена на сушу, воду и другие части, а эти части — на людей, птиц, животных, деревья, растения. ...И так как все они являются звеньями одной общей цепи, то их материя (выражаясь обычным языком) переходит из одного в другое и обратно... Животные, которых мы уничтожаем, способствуют нашему сохранению до тех пор, пока мы сами не разрушимся, и, превратившись в траву, воду или что-нибудь другое, не послужим для образования других животных, как они сами служат строительным материалом друг для друга или для других людей... Все части вселенной находятся в этом непрестанном движении разрушения и созидания, созидания и разрушения... Отдавая некоторые части нашего другим телам и принимая, с другой стороны, их части в свое тело,

мы сегодня не совсем то же самое, что были вчера, и завтра будем другими, чем сегодня. Мы находимся в постоянном течении, как река, и с полным разложением нашего тела после смерти войдем составными частями в тысячу других предметов. Частицы материи не связаны ни с какой определенной фигурой или формой, но постоянно теряют и меняют свои фигуры и формы; они находятся в непрестанном движении, стираются, изнашиваются, раздробляются. Другие частицы, поглощая их, приобретают их форму, как первые приобретают форму других, и так происходит без конца».^{1/} Однако следует отметить, что самостоятельно существующие частицы, элементы и системы любых уровней сложности неразрывно связаны с границей-ничто, отделяющей каждое из них от иного, за исключением наисложнейшей Вселенной, особенности которой нами уяснены. Правда, по отношению ко Вселенной у Толанда имеются верные суждения: «Но изменения в частях не влекут за собой никакого изменения вселенной, ибо ясно, что постоянные перемены, переходы и превращения материи не могут вызвать ни увеличения, ни уменьшения ее общего количества... Великие системы вселенной подразделены на постепенно уменьшающиеся системы материи, и индивидуумы, принадлежащие к этим последним, гибнут, хотя, правда, и не уничтожаются полностью, сохраняясь лишь определенное время в своей особой форме, более или менее долго, смотря по силе или слабости своей общей структуры или строения... Смерть вполне тождественна с рождением, ибо как умереть значит только перестать быть тем, чем был прежде, так родиться значит стать чем-то, чем не был до того».^{1/}

А вот как пишет о человеке как системе И. П. Павлов: «Человек есть, конечно, система..., как и всякая другая в природе, подчиняющаяся неизбежным и единым для всей природы законам; но система, в горизонте нашего современного научного видения, единственная по высочайшему саморегулированию... система, в высочайшей степени саморегулирующаяся, сама себя поддерживающая, восстанавливающая, поправляющая и даже совершенствующая...».^{2/}

И Гольбах, и Толанд, и И. П. Павлов, и Винер, и тем более современные ученые, пользующиеся так называемым методом системно-структурного анализа, — и не перечислить

^{1/}. См. «Английские материалисты XVIII в.», М., 1967 г., т. I, стр. 167—169.

^{1/}. См. «Английские материалисты XVIII в.», М., 1967 г., т. I, стр. 169—170.

^{2/}. И. П. Павлов. Полн. собр. трудов. М.—Л., 1949 г., т. 3, стр. 454.

всех, кто видит, признает и говорит, что реальная действительность устроена в виде иерархии элементов и систем различных уровней сложности. Это, как и многое другое, излагается потому, что оно истинно, а, следовательно, новая СНОЗ в развертывании изложения своего идейного содержания должна показать свою способность, пригодность лучше отобразить, объяснить не только новое, но и все то, что истинно в ныне господствующей ветхой СНОЗ. Задача заключается в том, чтобы при этом выявить и новое и обратить внимание на главное и на нужное нам для разработки новых метода и логики познания.

Ведь дело в том, что многие признают и говорят о том, что реальная действительность устроена в виде иерархии элементов и систем различных уровней сложности. Но все они при этом продолжают мыслить монистической логической формой, которая не соответствует фактическому состоянию и ходу развития реальной действительности, которая не позволяет понять и объяснить процессы самообразования и саморазвития сложных систем из простых, и живого из неживого, и саморазвития живого, феноменов отчуждения отображений, телеотображения, мышления и многого прочего, — которая пришла к гносеологическому кризису и нуждается в радикальном обновлении. Все они работают формами мышления старой логики: индукция, дедукция и прочее такое, что позволяет анализировать, организовывать, систематизировать и обобщать опыт, вместо того, чтобы опираясь на такую особенность реальной действительности, какой она есть, разработать истинную логику развития научного объяснительного знания из истинных начал, как это и имеет место в реальной действительности, и выработать логику получения нового истинного знания о сложном объекте смыслологическим выводением его из истинных исходных смысловых элементов и из них получающихся структур.

§ 3. Рассуждения об отражении в среде элементов и систем различных уровней сложности

Краткий обзор содержания:

Продолжается и развивается изложение выраженного в предшествующих частях и главах «Прологов...» процесса переформирования состава и смыслов фундаментальных гносеологических понятий и логической формы научного объяснительного знания и развития последствий этого; исследуют

ся процессы отражения в среде элементов и систем различных уровней сложности, взаимосвязь элементов и роль ее прочности в процессах отображения. Продолжаются уяснения процессов отчуждения и распространения отображений посредством элементов канала связи, среды и отображающей системы и извлекаются из всего этого выводы и объяснения, важные для теории отражения и информации и не объясняющиеся монистической логической формой. Продолжается раскрытие невозможности, ошибочности считать идеальное ничто за свойство материи, т. к. оно есть противоположность, отсутствие всяких свойств и отчуждается от их форму задавших материальных носителей свойств, тогда как никакое свойство невозможно отделить, оторвать от его материального производителя и носителя. Выясняются особенности отражения и роли отображений в неживой природе. Дается поверхностное предварительное выведение живого одноклеточного организма. Уясняется источник и некоторые обусловленности меры инициативности проявлений вещественных образований; рассматриваются некоторые возможные поведения и последствия модели простейшего одноклеточного организма в различных условиях. Выводятся, а следовательно, и объясняются передвижения и простейшие реагирования (уклонения от неблагоприятного и влечение к благоприятному или кажущемуся таковым) с уяснением при всем этом сути, роли и развития процессов и результатов отражения и отображения. Дается общее поверхностное выведение развития более сложных, развитых и совершенных организмов и homo sapiens с целью перехода в дальнейшем к исследованию процессов отображения формами человеческих чувств, представлений и мышления.

I

Целостная система более высокого уровня сложности, проявляясь общностью своих элементов вовне, производит некоторые воздействия на окружающие ее элементы среды или элементы другой системы того же уровня сложности, что и ее элементы. В результате чего будет произведено отображение в структуре внешних элементов и последующее отчуждение его и распространение. Его интенсивность, отчетливость, степень соответствия отображающемуся в нем и дальнейшая судьба будут обуславливаться соотношением и изменяемостью энтропии и негэнтропии структур взаимодей-

ствующих множеств элементов. То множество элементов, в котором имеется структура элементов со слабо взаимосвязанными элементами и с высокой мерой изменчивости энтропии, будет выполнять роль канала связи, по которому распространяются отображения. Из выхода канала связи отображения могут поступать и на другую систему, уровень сложности которой может быть выше, ниже или одного порядка с системой, отображающей в данном отображении. Система высшего уровня сложности, будучи окружена со всех сторон элементами низших уровней сложности, непрерывно индуцирует в такой среде свои отображения, которые распространяются посредством возбуждения (или погашения) или поддержания (или усиления) колебаний, сотрясаний, введения изменений в состояния, в колебания элементов среды, которые, совершая эти колебания, передают форму и другие особенности структуры-ничто внешней поверхности этой системы и передают ее окрест посредством колебаний от одного сферического слоя элементов к другому. Таким образом, идеальность отображений формы и других свойств и особенностей внешней поверхности системы как бы снимаются, отчуждаются и распространяются лишь благодаря материи их индицирующих и передающих элементов и лишь как результат их прерывности и движений.

Но хотя процессы отражения между системами различных уровней сложности осуществляются посредством составляющих их элементов одинаковых уровней сложности (например, молекула вступает во взаимодействие с внешним атомом не всей своей целостностью, а одним или несколькими своими атомами; а взаимодействие двух молекул есть процесс взаимодействия их атомов; а атом вступает во взаимодействие не со всей молекулой, а лишь с одним или несколькими ее атомами), все же различие структурных уровней сложности каркасных элементов этих систем обуславливает собой то различие, которое отображение системы из данного уровня сложности каркасных элементов оказывает на системы, уровень сложности каркасных элементов которых выше или ниже ее или одного и того же порядка с ней.

1. Из уяснения сущности отображения, распространяющегося вовне от индуцирующей его системы, мы можем отметить, что оно несет в себе не всю структуру-ничто этой системы, а лишь ту часть ее, которая зафиксирована в структуре-ничто тех поверхностных, крайних элементов системы, которые общностью положения, связи и проявления вовне

произвели это отображение на множестве элементов внешней среды, выполняющих роль канала связи. Поэтому структура отображения хотя и обусловлена внутренней структурой системы, но непосредственно содержит в себе не ее, а структуру-ничто лишь внешней идеальной поверхности, составленной свободными от взаимосоприкосновения поверхностями тех ее внешних элементов, со стороны которых исходит это отображение. Следовательно, отчужденное отображение не может быть полным, не может фиксировать в себе всю структуру отображающейся в нем системы и со всех сторон и глубин, а лишь часть ее, преимущественно внешнюю и одностороннюю, т. к. система эта проявляла себя или в одну сторону, или, если она проявляла себя во все стороны, то отображение этого проявления распространяется во все стороны, а принимается с одной или с нескольких сторон.

2. Те множества элементов, которые связаны между собой структурой, обеспечивающей более прочную взаимосвязь и более высокую негэнтропию для этих элементов и для элементов этих элементов по сравнению с окрест находящимися множествами элементов этого же уровня сложности, выступают в качестве системы высшего уровня сложности, активно индуцирующей свое отображение вовне. Они лучше отображаются в среде с большей энтропийностью или с большей изменяемостью ее и хуже отображают эту среду в себе, т. е. лучше противостоят тем изменениям, которые происходят во множествах элементов среды с высокоэнтропийной структурой или с большей измененностью ее энтропии.

3. Множество элементов, не связанных или слабо связанных между собой структурой или связанных более высокоэнтропийной структурой или структурой с большей изменяемостью энтропии, выполняют роль канала связи для распространения отображений, индуцирующихся низкоэнтропийными образованиями.

4. Отображение системы высшего уровня сложности, исходящее от нескольких ее элементов, не может быть воспринято системой низшего уровня сложности, т. к. последняя относится к тому уровню сложности, к которому относятся элементы системы высшего уровня сложности. Поэтому она может воспринять на себя отображение лишь одного элемента системы высшего уровня сложности, ибо для фиксации элементами данного уровня сложности самой простой структуры высшего уровня сложности необходимо минимум два

таких элемента. К примеру, атом не может воспринять на себя отображение внешней структуры многоатомной молекулы, а лишь отображение проявления ее одного атома или проявление результата взаимодействия двух ее смежных атомов.

5. Отображение системы низшего уровня сложности может быть воспринято системой высшего уровня сложности посредством элементов соответствующего уровня сложности и с соответствующей стороны в зависимости от взаиморасположения их. К примеру, молекула может воспринять отображение внешнего атома посредством изменения структуры составляющих ее атомов или воспринять отображение атома, зафиксированное в некотором множестве элементарных частиц, посредством тех сотрясений, колебаний или изменений, которые произойдут в структуре элементарных частиц, составляющих собой ее атомы и саму ее.

6. Системы одинаковых уровней сложности могут принимать на себя отображение друг друга, но, как это уже выяснилось, отображение лишь внешнего и одностороннее отображающейся системы, если речь идет лишь о кратковременном и одностороннем акте приема.

7. Если система K_1 и система K_2 обладают достаточно высокой негэнтропией структур своих элементов и если они войдут в непосредственное взаимосоприкосновение, то каждая из них будет принимать на себя отображение другой на участке соприкосновения непосредственно и это отображение будет весьма устойчивое и активное, что обеспечивается устойчивостью внутренних структур этих систем. В этом случае системы могут получить взаимные последственные изменения не только на поверхности, но и внутри своих структур, что зависит от свойств и формы тех участков, которыми они соприкасаются. Результатом же этого будет изменение внешнего проявления каждой из них и они или выйдут из взаимосоприкосновения, или укрепят взаимосвязь и взаимодействие, взаимообмен. Это уже необходимо решать на примере конкретных систем и ситуаций их соприкосновения.

8. Если системы K_1 и K_2 обладают достаточно высокой негэнтропией структур и если они находятся на расстоянии друг от друга и между ними высокэнтропийная среда или среда слабо взаимосвязанных элементов с легко изменяющейся энтропией, то каждая из них также может принимать отображение другой (одностороннее, конечно, и частично ис-

каженное каналом связи) без взаимного соприкосновения. Но это отображение будет уже неустойчивым, если и т. к. его передают рассеивающиеся, не заканализированные и не находящиеся в устойчивых связях элементы среды. Поэтому прием такого отображения может ограничиться лишь поступлением его на внешнюю поверхность и не получить прохождения во внутрь системы из-за устойчивости взаимосвязей тех ее внешних элементов, которые восприняли это отображение, вследствие чего оно будет отброшено назад без прохождения его внутрь системы и дополнительно расстроено этим отбросом. Но в некоторых случаях оно может быть принято внутрь, — если элементы среды, передавшие это отображение и имевшие поэтому соответствующее взаиморасположение, заданное структурой-ничто отображения, вошли в такое соприкосновение и с таким участком внешней поверхности принимающей системы, что вызвало изменение структуры элементов последней.

Таким образом, даже системы неживой природы, находясь на расстоянии друг от друга, посредством индуцирования вовне своих структур-ничто могут оказывать влияние друг на друга, иногда даже очень существенное, обуславливая собой взаимное перестроение своих внутренних структур. Но тот факт, что принятое системой неживой природы отображение произведено другой отдаленной системой, в рассматриваемых здесь неживых системах ничем еще не различается от отображений, вызываемых воздействием множества элементов в состоянии непосредственного соприкосновения с принимающей это отображение системой.

9. Кроме этого следует отметить, что способность системы к отображению зависит не только от энтропийности и изменяемости энтропии структуры элементов этой системы, но и от того интервала или диапазона уровней сложности элементов, которые связаны в этой системе ее структурой, чем обуславливается способность к изменению состояний и концентрации своих элементов низших уровней сложности при сохраняемости относительной неизменчивости структуры между своими элементами на более сложных уровнях, как это разъяснялось на примере с металлическим проводником. Следовательно, использование процессов отражения и отображений в системе без ущерба целостности структуры ее элементов существенного или каркасного для этой системы уровня сложности может достигаться лишь в системах, структура элементов которых охватывает достаточное коли-

чество уровней сложности. Например, живая клетка охватывает собой и многомолекулярные бионы, и молекулы, и атомы, и все то, из чего состоят атомы.

10. Передача и прием отображения системами могут быть не связаны с соответствующим обменом реальными элементами этих систем, хотя и не могут осуществляться вне среды, образующейся материально-идеальными элементами и началами реальности. Они могут осуществляться через множества элементов среды, каждому из которых для передачи этого отображения достаточно сделать одно какое-то движение, заданное структурой распространяющегося через них отображения. Отчужденное отображение может таким образом оказать влияние на принявшую его систему. И в связи с этим прошлое состояние иной системы, находящейся где-то поодаль, через распространяющиеся окрест ее отображения может оказать влияние на теперешнее состояние системы, принимающей эти отображения. Однако, отметим здесь, система не может оказать влияние на саму себя в теперь отображениями своих прошлых состояний без приема на или в себя и фиксации и обработки в себе отображений своих прошлых состояний. Да и вообще система не может изменять своих состояний без приема извне или изнутри себя хоть каких-нибудь отображений.

11. В результате мы получаем предварительные выводимость и объяснение в логике уже уясненных понятий новой СНОЗ общеизвестного и неоспоримого тезиса: в реальности, в результате наличия и движения ее простейших элементов и всех ее составляющих начал, появляются различные множества самых различных материально-идеальных объектов, которые обладают структурой целостных систем различных уровней сложности или их частей и производят собой различные внешние движения, проявляя свои свойства. Как простейшие элементы, так и сложные системы и их части не возможны без идеального в их структурах. Развитие реальности невозможно без ее составляющих взаимопротивоположностей и инакостей. Кроме того, идеальное структуры элементов любой сложной системы или ее части может отчуждаться и распространяться вовне в виде идеальности отображения, пребывая некоторое время уже независимо от образовавшего его объекта, от отобразившегося в нем объекта.

Но в отчужденной структуре-ничто неживых систем фиксируется не вся внутренняя структура отображающегося в

ней объекта, а в основном его форма внешней поверхности и внешнее проявление. В отображении, не выступающего в качестве символического, фиксируется в основном внешнее проявление, в основном явление объекта-оригинала; а его внутренняя сущность дана в значительно меньшей степени, зависящей от характера структуры ее элементов и количества уровней сложности элементов, охватывающегося составом и структурой ее элементов.

Продолжим весьма общее уяснение того, чем и как обуславливается и осуществляется дальнейшее развитие реальности с тем, чтобы прийти к возможности уяснения и уточнения сущности и возможностей форм чувственных восприятий, мышления и прочих познавательных способностей человека.

II

Системы неживой природы воспринимают отображение не как отображение чего-то иного и не здесь находящегося, — даже если оно пришло издалека, — а как воздействие здесь и в такой-то ситуации соприкасающихся элементов, как воздействие ситуации теперешних и здешних условий соприкосновений и взаимодействий, хотя на самом деле эти условия могли быть predetermined именно или актом распространившегося сюда одноэкземплярного отображения или процессом потока отображений, следующими друг за другом, а то и в результате передачи сюда одновременно многих отображений, произведенных другими системами прежде и где-то. Изменениями, движениями и развитиями составов и взаиморасположений элементов и систем в соответствующих местах реальной действительности будут складываться различные ситуации элементарно-структурных условий в обуславливаемом и в окружающем, будут случаться и происходить все более разнообразные взаимосоприкосновения и объединения различных образований и систем в более сложные образования и замыкания простых образований в такие новые системы, которые возможны в данных условиях и для данных элементов и частей.

Но простое, экстенсивное увеличение объекта в результате объединения систем в сложное тело, без существенной перестройки их структур или без образования особой структуры внутри этого сложного объекта или тела, которая обеспечивала бы его целостность и высокую негэнтропийность, ведет к возрастанию энтропии внутри этого тела, т. к. сре-

дина такого тела становится все более изолированной от вне, что и влечет рост энтропии, которая после достижения определенного уровня обуславливает изменение внутреннего и общего состояния этого тела (распад, структурная перестройка и пр.). Все это в свою очередь обуславливает видоизменения структур таких образований и последующий естественный отбор наиболее приспособленных к окружающим условиям со стороны способностей внутренней структуры обеспечить более высокую негэнтропийность, целостность и прочность связей элементов данного образования.

В ходе такого развития и появляются различного рода тела и вещества (металлы, кристаллы, полимеры и пр.) с меньшей энтропийностью и с достаточно прочными связями элементов. Но будут складываться и такие локальные среды, что между составляющими их элементами соответствующих уровней сложности (субатомный, или атомный, или молекулярный, или какой-то еще) не получают прочные взаимосвязи в результате непосредственных взаимосоприкосновений из-за специфических особенностей внешних поверхностей этих элементов и из-за специфических условий в этом месте, образующихся состояниями и взаимоконцентрациями элементов низших уровней сложности, наипростейших элементов сущего и тех первоначал реальности, в которые все разлагается и из которых все образуется. Такие среды будут способны хорошо распространять в себе отображения различных твердых образований при наличии соответствующих условий.

Здесь мы получаем весьма важный вывод, который следует хорошо понять и запомнить. Как уже отмечалось, твердые вещества хорошо отображаются, но из-за прочности взаимосвязи элементов плохо отображают в себе и плохо проводят отображения, передающиеся элементами такого же уровня сложности, как и каркас твердости образующие элементы этого вещества. А вещества со слабой связью элементов и легко меняющие меру энтропийности, наоборот, хорошо распространяют в себе отображения, но сами плохо отображаются и не обладают свойством сохранять характер структуры своих элементов. Кроме структурно-элементных образований с крайними мерами таких противоположных свойств (соотношение прочности взаимосвязей элементов и диапазон изменения меры энтропийности и негэнтропийности) в реальной действительности непременно будут возникать структуры со средним соотношением этих свойств, т. е. такие структуры между элементами некоторого уровня слож-

ности, которые обеспечивают такое гибкое единство и связь этих элементов, что при некоторой мере изменения этой структуры или условий вокруг нее в сторону от оптимальной эти элементы начинают осуществлять свой обменный процесс со средой и между собой с соответствующей мерой выделения элементов тех уровней сложности, которые на один, два, а то и на несколько уровней сложности ниже (т. е. элементы элементов, элементы субэлементов, а может и элементы еще низших уровней сложности — это зависит от характера системы и того уровня, на котором реализуются соответствующие процессы), чем изменяется состояние соотношения энтропии и негэнтропии (беспорядка и порядка) в теле этой системы, обнаруживающееся элементами этой же системы на соответствующем уровне сложности, и появляется возможность для распространения отображения по телу данной системы посредством изменяемости энтропийности на низших уровнях сложности ее же элементов, при сохранении, а то и при повышении, негэнтропии структуры ее элементов высших каркасных уровней сложности. А потом система может возвратиться в исходное состояние и восстановить необходимые состав элементов и меру соотношения энтропии и негэнтропии в своей структуре и на низших уровнях сложности своих элементов за счет соответствующих изменений условий на том или ином уровне сложности или в окружающей среде. Именно вещества с такой структурой своих элементов весьма гибки и эластичны и оказываются пригодными для замыкания в самые разнообразные образования и системы с достаточно высокой прочностью, гибкостью и чувствительностью к внешним воздействиям и со способностью производить или принимать «сигнализацию» даже о незначительных изменениях в окружающих условиях или в структуре своих элементов выделением элементов низших уровней ценой разложения нескольких более сложных элементов. Такие системы оказываются достаточно хорошо отображающими и отображающимися. Они сообуславливают возможность возникновения живого.

Так системы структурно-элементной организации вещества и приобретают, накапливают и переформируют способности к развитию и совершенствованию в соответствующих условиях и направлениях. И если они оказываются в условиях, благоприятствующих образованию у них новых особенностей в их образующих составе элементов и их структуре, то они и будут развиваться туда, куда больше, чаще

и наиболее предобуславливающе (предопределенное) их ведут окружающие условия, если они все еще оказываются обеспечивающими их выживаемость и развитие, и их образующая структура элементов и куда ведут в результате всего этого получающиеся усовершенствования или перестройки, если они обеспечивают им сохраняемость или улучшение выживаемости.

В результате где-то и когда-то складываются условия, которые обуславливают появление таких сложных систем с гибкой структурой элементов их образующего вещества, в каждой из которых получились специфические образования, окруженные веществом остального тела каждой такой системы, но с такой своеобразной структурой и с таким направлением своих процессов функционирования и свойств, что это образование обеспечивает свою целостность за счет тех элементов, которые выделяются в качестве продуктов жизнедеятельности, катаболизма (распада, разложения) той части тела системы, в окружении которой оно находится в качестве подсистемы или части всей такой системы.

В некоторых случаях такие подсистемы вызовут повышение энтропии системы и будут ускорять ее разложение. В других случаях такие подсистемы вызовут понижение энтропии их содержащих более сложных систем и будут повышать негэнтропию этих систем. Но еще более взаимоблагоприятная совместимость системы и подсистемы будет иметь место тогда, когда то и там, в чем и где нуждается подсистема для сохранения своей целостности и функционирования, будет выделяться ее системой как то, что выделяется ее частями и органами в результате воздействий на нее внешней среды; а в том, что выделяется подсистемой в качестве конечного продукта ее функционирования, нуждается в свою очередь сложная система, включающая в себя эту подсистему, для сохранения целостности и для повышения или сохранения негэнтропийности структуры своих элементов своего тела. А такая взаимоблагоприятная совместимость системы и подсистемы внутри ее образуется тогда, когда существенная и характерная структура подсистемы образуется тождественно-противоположной с существенным и характерным в форме и функциях того остального вещества тела системы, которым она охватывается, а процессы внутреннего функционирования этой подсистемы также являются противоположно-тождественными по отношению к процессам функционирования остального тела системы, охватывающей ее. Неживые и не-

инициативные элементы, системы и части объединяются, реструктурируются и замыкаются в сложные системы со способностью к таким проявлениям, которые мы считаем характерными для живого.

III

Даже из уже изложенного (в «Прологах...» до сего) о сущности отображения, процессов взаимоотражения систем, энтропии и негэнтропии структур тех систем, которые участвуют в процессе отражения, их поведения в зависимости от структурной организации и от внешних условий можно получить важные следствия, познавательные результаты. Например, по проблеме так называемой активности и пассивности. Чем выше негэнтропия структуры твердый каркас образующих элементов систем, тем больше изменение характера внешнего проявления и поведения этой системы обуславливается изменениями во внешней среде, а неизменность ее проявления и поведения — неизменностью внешних условий. И в этом смысле можно сказать, что возможностей для инициативного проявления внутренней активности к изменению такости своего проявления в такой системе или в таком теле (по отношению к окружающей и насыщающей среде) мала и находится в прямой зависимости от меры негэнтропийности ее каркасной структуры. Чем ниже твердость и негэнтропия структуры каркасных элементов системы, тем больше возможностей для изменений такости внешнего проявления этой системы, но и тем меньше и способность удерживать элементы связанными именно этой структурой и, следовательно, тем больше разрушается и не сохраняется целостность этой системы. Но системы, объединяющие в себе такие сложные элементы, которые структурно взаимосвязывают в себе элементы низших уровней сложности, а последние еще низших и т. д. — в виде иерархии некоторого интервала уровней сложности — обладают возможностью в некоторых пределах изменять свое внешнее проявление за счет изменения структуры элементов низших уровней сложности и сохранения ее на высших уровнях сложности. Пределы такой возможности обуславливаются количеством интервалов сложности и общим характером структуры элементов системы. Деревянная щепка участвует в суточном и орбитальном движении Земли и в то же время может разлагаться и менять свойства древесины, форму, свои отображения и пр. Живые системы проявляют свою активность

вовне именно за счет изменений структуры элементов низших уровней сложности. Но, чтобы при этом сохранялась целостность системы и структура между ее элементами высших уровней сложности, должна образоваться в ней такая взаимосвязанность таких процессов, которая окажется способной так влиять на внешние проявления и внутренние процессы этой системы, что в результате и будет сохраняться упомянутая целостность структуры между элементами высших уровней сложности, существенно важных для данной системы. Мера инициативной активности системы обуславливает собой и меру изменяемости исходящих от нее отображений. Неизменность отображений, принимаемых системой в себя извне, зависит от меры противодействия тем элементам среды, которые распространяют собой отображения, со стороны элементов этой системы. Поэтому мерой наличия высокой изменяемости энтропийности у части своих не связанных или слабо связанных между собой элементов низших уровней сложности, насыщающих соответствующие образования или все тело системы, в системе обуславливается мера точности, неискаженности принимаемых ею отображений извне. Хорошими проводниками отображений, несущихся нейротоками, являются каналы нейронов, начиненные соответствующими биоэлементами (нейробионами).

Неживые системы не используют отображения, поступающие в них извне, для предопределения последующих состояний всей своей целостности или отдельных своих частей, — состояний иных, чем это обуславливают все непосредственные условия текущего момента, т. е. для проявления той или иной самопроизвольности, самоинициативы в себе, приводящей к акту поведения наперекор непосредственным и ближайшим условиям с целью обеспечения целостности (или особого состояния) системы не только теперь, но и в будущем, — не имеют в себе образования, способного к накоплению и задержке внешних отображений и последующего использования их для самопредопределения будущих состояний себя; не имеют органа накопления, обработки и использования опыта.

Рассмотрим возможное поведение системы с такой подсистемой в ней, о которой шла речь в предшествующем рассуждении, т. е. мысленно проследим поведение весьма общей модели простейшего живого организма с целью уяснения развития процессов отражения, а также форм и возможностей отображения объектов реальной действительности.

IV

Предшествующим выводением (общим и предварительным) мы получили приблизительное представление сложной системы, которая имеет в себе подсистему (ядро), согласованно выпротивоположенную по отношению к остальному ее окружающему телу системы в существенном и характерном для их единства и взаимообуславливания (форма структур, суть и направления процессов обмена и взаимодействия). Между ними образуется пространство промежуточной среды с относительно слабой взаимосвязью ее составляющих элементов и с относительно высокой изменчивостью энтропии, имеющее границу-ничто со всем тем, что имеет специфическую структуру относительно прочно взаимосвязанных элементов вещества и принадлежит телу окружающей подсистемы, и со всем тем, что имеет структуру относительно прочно взаимосвязанных элементов вещества и принадлежит тому остальному телу системы (цитоплазма), которым окружена ее подсистема (ядро). Через эту промежуточную среду осуществляется обмен элементами со взаимовыпротивоположенностью для них существенного и характерного. В результате получается так, что если из тела системы поступит какая-то мера элементов низших уровней сложности или субэлементов (элементы тех элементов, которые составляют собой тело системы и подсистем) на соответствующий вход подсистемы, то последняя примет их и взамен им выдаст соответствующее количество элементов соответствующего уровня сложности и противоположных по сущности своей функции, а принятые элементы выделит на функционально противоположном участке своей поверхности.

Пусть такая мысленная модель клетки находится в таких мысленных условиях: лежит на поверхности твердого тела, соприкосновение с элементами которого не вызывает существенных изменений структуры тех ее внешних элементов, которыми она касается этой поверхности. Структура, связывающая элементы цитоплазмы, достаточно гибкая. Вокруг — достаточно высокоэнтропийная среда воздушного пространства, составленная свободными элементами низших уровней сложности со слабой взаимосвязью или с отсутствием ее; а далее окрест имеются различные тела и системы, индуцирующие собой свои отображения в окружающую среду. И пусть на некотором участке ее внешней поверхности близлежащие элементы среды произведут такое воздействие —

под влиянием распространявшегося какого-нибудь отображения, — которое вызовет увеличение энтропии в структуре тех элементов нашей системы, которые подверглись этому воздействию. Тогда здесь увеличится выделение свободных субэлементов, что получит свое распространение и в глубь тела цитоплазмы, и произойдет выделение их на соответствующем участке промежуточной среды.

Принимая их здесь больше, чем обычно, ядро больше выделяет в это место и функционально противокачественных элементов. Но т. к. первые субэлементы являются следствием разрыхления, увеличения беспорядка структуры элементов на данном участке цитоплазмы, то выделенные ядром субэлементы обладают функционально противоположным действием, — повышают негэнтропию, — от чего элементы вещества цитоплазмы здесь стягиваются и прижимаются к ядру, к центру выделения им этих функционально противокачественных субэлементов. На функционально противоположном участке поверхности ядра произойдет функционально противоположный процесс: от ядра на вход тела цитоплазмы поступят те элементы, которые увеличивают энтропию, что повлечет расслабление соответствующего участка тела цитоплазмы (пусть в данном случае будет участок тела противоположного по отношению к участку, подвергнутому воздействию извне). Если воздействие среды вызовет не повышение энтропии, а понижение ее, то произойдет противоположный процесс. Такая подсистема в системе (ядро в цитоплазме), функционируя на базе субэлементов и в тех условиях и в той структуре, которые задаются не только состояниями ее элементов, но и состояниями элементов цитоплазмы системы, охватывающей ее, своим функционированием оказывает обратное влияние на состояния элементов цитоплазмы и тем самым является источником внутренней активности, внутренним источником простейшего различения внешних раздражений и выбора реагирования. Этим уже обуславливается возможность обособленных, самостоятельных проявлений системы во внешней среде даже на перекор ближайшим и теперешним воздействиям этой среды, обеспечивающих сохранение ее целостности; этим же и обуславливается обособление такой системы от внешней среды, а проявлениями ее целостности наперекор воздействиям внешней среды, т. е. не совпадающими с направлениями движений свободных элементов вещества среды, обуславливается ее субъективизация в объективной реальности.

В таком образовании могут осуществляться уже более сложные процессы передачи и обработки идеального отображений, несущихся элементами всех тех уровней сложности, которые охватываются структурой каркасных элементов вещества тела такой системы. Так, например, может осуществляться процесс запоминания и выявления выобщенных отображений благодаря фиксации формы взаимоположения соответствующих элементов подсистемы (управляющего образования, нервной системы) под влиянием воздействий на них наиболее общего в формах отображений, передающихся элементами соответствующих уровней сложности и свойств и поступающих и из тела системы в управляющее образование (в нервную систему), и из внешней среды, окружающей собой всю эту систему. А потом осуществляется выявление так запомнившегося и проявление влияния на предопределение такостей последующих реагирований управляющего образования и всей системы. Так формируется механизм опережающего, упреждающего отражения.

Цитоплазма клетки выявляет, собирает и слагает общее во влияющих на нее проявлениях соответствующих множеств элементов низших уровней сложности из окружающей ее и ее насыщающей среды и принимает отображения, передающиеся этими множествами этих элементов. В результате цитоплазма влияет на ядро уже обобщенно и кратко описанным образом, а ядро на цитоплазму. Это приводит к соответствующему перемещению клетки в среде часто и наперекор тех закономерностей, которые проявляются среди элементов, составляющих собой эту среду. В результате всего клеткой индуцируется такое сложное крупномасштабное отображение, передающимися элементами которого уже являются целые участки или и вся целостность тела клетки.

В итоге такого моделирования мы добились некоторого прояснения, продвижения в познании механизма выработки ответных реакций системы простого живого организма на внешние раздражения. Но поведение конкретных видов живых организмов может быть точнее выяснено лишь в результате детального изучения особенностей тех элементов (доклеточных или и клеточных), из которых они состоят, и той конкретной структуры и элементного состава, которые их образуют и объединяют. Выше мы занимались мысленным моделированием и имели дело с весьма общим, предварительным и приблизительным модель-представлением такого простейшего организма, который находится на грани-

це перехода от неживого к живому. Истиннее, окончательно и до дна в глубь основное и существенное живой клетки будет познано (объяснено) выведением ее из окончательно и наистиннейше познанных начал реальности, что уже мною сделано и изложено в тексте «Логи...».

Итак, на мысленной модели простейшего одноклеточного организма можно проследживать последствия, проявления рассмотренных и нерассмотренных реакций (уклонение от неблагоприятного и влечение к благоприятному), причины и механизмы способности осуществлять самое примитивное перемещение по поверхности твердых тел, что влечет за собой понимание сосредоточения таких организмов в благоприятных для них местах и вступления их в различные взаимодействия, результатом чего будет понимание получающихся и всевозможных процессов, преобразований и появления новых образований и прочих последствий. Под влиянием образующегося разнообразия и естественного отбора происходит развитие живых организмов, усложнение и усовершенствование их тел и управляющих образований и центров (нервной системы). Со временем появляются многоклеточные образования, центральные подсистемы которых объединяются в иные образования, в конце-концов в более общую и сложную нервную систему, которая управляет уже всем сомножеством клеток как целостным многоклеточным организмом. Естественный процесс саморазвития образований приводит к самовыделению и субъективной реальности, противопоставляющей себя всему остальному реальности как объективному.

Уже на примере функционирования модели простейшего одноклеточного живого организма мы можем уяснить себе зависимость его дальнейшего развития от разнообразия воздействий на него окружающей среды и от того разнообразия движений, которые этот организм вынужден будет совершать. Скажем, если воздействия внешней среды однообразны и производятся преимущественно с одного направления, то и управляющая подсистема этого организма будет функционировать однообразно и ее структура будет приспособляться, прирабатываться именно для осуществления данной функции. И все тело системы также будет совершенствоваться для осуществления данной однообразной реакции (движение к свету или, наоборот, от света и пр.). Разнообразие и разносторонность воздействий обуславливают разнообразие поведения и разносторонность развития,

выделения различных спецорганов для реализации различных движений и реакций. Или система погибает в разнообразной среде, или если выживает, то лишь благодаря разностороннему совершенствованию структуры своего тела и своего управляющего центра, своей нервной системы, позволяющими использовать все новые и новые возможности для существования и развития системы в разнообразно изменчивой среде.

На определенном этапе развития живого появляются такие виды живых организмов, у которых особенности строения их тел и нервной системы предъявляют особые запросы к окружающей среде для сохранения своей целостности и оптимального режима функционирования, что вынуждает их к особенно сложным видам поведения, жиднедеятельности и взаимодействиям, в результате чего их управляющая (нервная) система и структура тела развиваются еще более усложненно. Появляются органы, выполняющие функцию формирования таких структурных образований (семена), которые, оказавшись в соответствующих условиях, развиваются в систему данного вида живых организмов; появляются органы, процессы и поведения, ведущие к размножению взаимоподобных систем и формирование из них сообществ.

Когда развитие нервной системы и иннервирующегося ею ее окружающего достигает такого уровня, что появляется возможность и способность различать воздействия внешней среды настолько, чтобы опознавать отображения, индуцирующиеся себе подобными, и организовывать движение на сближение, на вступление в благоприятные взаимодействия и на уклонение от неблагоприятных, тогда появляется возможность для ускорения развития благодаря тому, что на индивидуальность онтогенетического развития начинает оказывать влияние филогенез своими наиболее общими и успешными результатами. Происходит включение живого организма в видовую систему, в которой связь и взаимодействия между элементами видовой системы, между индивидами вида осуществляется посредством циркуляции между индивидами индуцирующихся ими отображений и посредством обмена не только структурами-ничто, но и структурами-нечто. Начавшаяся специфичность направления эволюции системы тела индивида и его нервной системы удерживается, направляется, ускоряется и закрепляется влиянием видовой системы и экологической ниши. Появляется способность к живорождению и к передаче индивидуального и видового опыта но-

ворожденному. Так на фоне прогрессирующего развития флоры и фауны появляется Гомо сапиенс, у которого анатомия его тела, структура и чувствительность его органов и нервная система достигают такого уровня совершенства, которое ставит его на качественно новую высоту, по сравнению с любыми видами животных на нашей Земле. Процессами своего зарождения, существования и развития, процессами функционирования системы своего тела со всеми органами, частями и подсистемами в себе и вовне человек вызывает и получает, образует и преобразует отображения, развивает их в себе до формы ощущения, восприятия и представления и сознанием своим принимает их за исходный материал процесса мышления и познания.

В «Логах новой СНОЗ» основному из всего этого будут даны обстоятельные, подробные и истинные объяснения и неопровержимые доказательства, устраняющие все неясности, непонятности и неизвестности, что будет получено результатами последовательного выведения из начал, неопровержимо, предельно ясно, отчетливо, окончательно и истиннейше познанных и общих для всего в реальной действительности. Именно для такого познания этих начал мы и уясняем суть и прослеживаем развитие процессов отражения и форм отображения и еще не использующихся возможностей человеческих способностей к познанию и к заблуждениям ведущих таких-то познания.

§ 4. Про сознание и про субъективное и объективное

Краткий обзор содержания:

В этом параграфе продолжается изложение развития, уяснений и уточнений интересующих нас основных последствий из предшествующего. Начинается предварительное уяснение смысла (в свете развивающихся новых гносеологических идей) сознания, объективного и субъективного, даются дополнительные обоснования невозможности и ненужности сохранения (спасения) монистической логической формы материализма. Уясняется и уточняется смысл вторичности сознания по отношению к его создающим, сохраняющим и воссоздающим образованиям реальности. Дается характеристика особо развитых способностей человеческого организма и его органов, использующихся им в познании мира и себя. Проводится обоснование необходимости познания объективного и субъективного для достижения исчерпы-

вающего и окончательного познания реальности. Всем, изложенным в первых двух частях «Прологов...», подготавливается и создается возможность для перехода к переосмыслению, к уточнениям и к дальнейшему развитию важных и необходимых для последующего вопросов психологии и логики познания.

I

Могло ли в реальной действительности появиться, образоваться и существовать сознание в результате развития только одного материального, без идеального как диалектико-материалистической противоположности по отношению к материальному? Конечно нет, т. к. никакое нечто не может начать и продолжать своего развития без иного нечего, т. к. даже простейший элемент сущего невозможен без его составляющего материального нечего и его идеального ничто, прерывающего и отделяющего это нечто от иного нечего, — невозможен вне границы-ничто, этим прерыванием и соприкосновением различностей образующейся и это прерывающееся окружающей. Ведь невозможно никакое развитие какого-нибудь нечего без изначального наличия инакости по отношению к тому нечего, акт развития которого должен проявиться, или констатируется, или уясняется. Но если такая инакость для этого необходима, то столь же и для этого же необходимо и то ничто, которым необходимо разделить тому нечего, которое совершило акт перехода в состояние, при котором оно хоть чем-то отличается от его окружающего, и тому нечего, которое его окружает, по сравнению с которым и, наверняка, не без влияния которого, им окруженное изменилось. Ведь границу-ничто некоторого нечего невозможно (неправильно, ошибочно будет) считать свойством материи быть прерывной. Факт прерывности является общепризнанным, но из этого не следует, что ничто, прерывающее собой это конкретное нечего, есть свойство материи, составляющей это конкретное нечего. То свойство, которым обладает материя, не может быть отделено от нее. Свойство материального неотделимо от своего обладателя и носителя. А идеальное отображения (форма границы-ничто), как мы уяснили, способно отчуждаться от его производшего материального нечего, сохраняя подобие с формой границы-ничто того материального нечего, от которого произошло отчуждение этой формы идеального в отображении. Кроме того, ведь если материальное нечего конечно, имеет прерыв-

ность себя, то неправильно (ошибочно) будет считать, что оно имеет прерывность в себе, т. к. то, что хоть чем-то отличается от ему не принадлежащего, отделяется от него посредством ничто. И неверно будет считать, что это ничто, которым разделяются чем-то взаимоотноличающиеся и соприкасающиеся нечто, принадлежит какому-то только одному из этих нечто. Оно не принадлежит ни тому, ни другому, а между ними оно есть и в нем ничего своего нет, т. к. оно есть отсутственность всех и всяких свойств и качеств, оно есть прерыв, ничто и только. И поэтому ничто имеется не в том либо в другом нечто, между которыми оно есть или мышлением признается как граница соответствующего различия, а находится в реальности, имеющей в себе и то и другое (и такое и иное) нечто и ничто между ними. Любое материальное нечто не может существовать без ничто, без прерыва его составляющей и такостью существования проявляющейся качественности, ибо без ничто не может проявиться хоть какая-нибудь инакость по отношению к эту инакость окружающему. Поэтому же любое материальное нечто не может развиваться без идеального ничто. Невозможность же одного материального нечто развиваться до такого состояния, чтоб в результате получилось то, что познавая пытаются отобразить и выразить понятием сознания, в результате вышепроведенного уяснения становится совершенно ясной, убедительной и неопровержимой. Из всего предшествующего следует, что идеальное есть в реальной действительности на самом деле и играет в ней соответствующую роль (онтологическую и гносеологическую), переосмысливанием и уяснением чего мы и занимаемся. Всем этим и объясняется невозможность спасения, сохранения монистической логической формы материализма.

Из этого же ясно и неопровержимо следует, что отождествлять сознание и феномены яйности с идеальностью, — это значит заблуждаться; сводить место пребывания идеального только к области сознания и феноменов яйности — это значит заблуждаться. Поэтому же нельзя также и противопоставлять суть сознания или суть феноменов яйности и суть материи, т. к. сознание или феномены яйности есть специфические материально-идеальные образования и процессы в ими обладающем живом организме, как результат особым образом организованной и существующей системы из материального и идеального реальности, проявляющейся по отношению к этим своим специфическим материально-идеальным

образованиям и процессам в себе и по отношению к всему не своему: не освоенному, противостоящему всему своему (освоенному) и окружающему все освоенному принадлежащее.

Сознание субъекта вторично по отношению к объективной реальности генетически, по происхождению, но оно не существует вне и без материального и идеального реальности. А становится оно субъективным по отношению к этому образованию по мере того, как развивающаяся материально-идеальная целостная система (образование) достигает таких специфических уровня сложности, формы и состояния, что в ней образуется, самовыделяется и относительно обособливается специфическая подсистема со специфическим комплексом процессов, сутью инакости качества функционирования которых противопоставляющая себя системе, окружающей ее, создающей ее, обуславливающей ее и обеспечивающей ее относительную целостность, — противопоставляющая противоположную такость функционирования и существования благодаря последствиям, получающимся в результате взаимодействия специфических сложностей, формы и структурно-функциональных выпротивоположенностей этого образования (подсистемы в системе или сознания в им обладающем организме), организма и их окружающей внешней среды. Сознание человеческого индивида есть особое результативное образование и состояние процессов актуально функционирующих тела организма, нервной системы и головного мозга индивидуального человека, имеющих весьма сложное строение, включающих в себя и материальное и идеальное элементов достаточно широкого диапазона уровней сложности, и включающиеся как элементы в социальные системы, взаимодействие чего с окружающей средой (также возможной лишь в результате наличия идеального и материального и развивающейся благодаря этому наличию) приспосабливает среду к себе и себя к среде, творит новое, индуцирует новые различные отображения и воспринимает извне отображения и непосредственные воздействия среды. С результатами этих восприятий и имеет дело наше сознание, осознающее свои потребности, вырабатывающее опыт и знание о своих и не своих интересах, целях и все прочее, что управляет нашими состояниями и жизнедеятельностью.

Учитывая закон иерархического усложнения систем в ходе развития реальности и специфическое место систем живых организмов и человека (кажущееся нам средним) в диапазо-

не всех уровней сложности, следует отметить такую особенность строения человеческого организма, как наличие такого комплекса весьма совершенных и дифференцированно развитых органов чувств, которые позволяют ему охватить почти все существенно важные для него уровни сложности объективного мира: зрение прекрасно воспринимает отображения самых различных предметов, распространяющиеся на уровне соответствующих элементов (фотонов и прочих элементов и частиц) в форме световых волн весьма широкого диапазона частот и цветов; слух прекрасно воспринимает отображения внешне активных предметов, распространяющихся в среде на уровне атомов и молекул; обоняние воспринимает отображения от предметов химического и биологического уровней сложности, распространяющихся посредством инфузии соответствующих частиц и аллергенов в окружающей среде; вкус воспринимает непосредственные воздействия предметов химического и биологического уровней сложности; осязание воспринимает отображения твердых тел при непосредственном соприкосновении с ними и ощупывании их для определения их твердости, влажности, сухости, гладкости и пр.; способность тела и вестибулярного органа к проприорецепции и пространственному анализу — невесомость, ускорение, повороты, подъемы, мышечное напряжение, положение относительно гравитационного поля и пр. — позволяют принимать весьма обширный круг ощущений, связанных с движением; терморецепция, способность тела воспринимать температуру, позволяет определять степень концентрации элементарных частиц, атомов и молекул, степень и характер их активности в данном пространстве; способность чувствовать биопотребности (жажда, удовлетворенность, позывы к различным влечениям и потребностям) и нарушения в организме (жара, одышка, боль, тошнота, усталость и пр.) позволяют воспринимать все существенно необходимые для нормального функционирования организма чувства, отображающие потребности и состояние органов и тела в целом. Следует особо подчеркнуть то, что человеческий организм имеет в своем составе такой набор различных органов чувств, что некоторые из них дистанционного действия, а некоторые чувствуют лишь соприкасающееся; кроме того, некоторые воспринимают пространственно развернутое, а некоторые — следующее друг за другом и друг после друга (во времени) — например, звук, — и имеют соответствующие способности для преобразования последовательного в

пространственно развернутое и наоборот (запоминание и воспроизведение запомненного из памяти).

С другой стороны, человеческий организм развил в себе весьма высокую способность к воспроизведению звуков и к варьированию им по силе и частоте, способность к артикуляции, способность к производству жестов и мимики, способность производить и оставлять отображения движений своих органов и своего тела в средах, образованных элементами различных уровней сложности и состояний, на различных телах и поверхностях, которые развились до музыкального творчества, до письма и живописи, и другие способности, посредством которых человек в состоянии активностью своей индуцировать отображения состояний своего вовне и для других.

Кроме этого, следует отметить, как весьма важные, особенности человека, развившуюся в нем способность запоминать, накапливать, хранить предшествующий опыт и обновлять его, и развившуюся в нем силу творческого воображения, мышления, способностей составлять образы, алгоритмы своего поведения, цели и модели конечного результата деятельности.

Развивается реальность, порождая в себе различные образования, в том числе и человека, который тоже развивается (в ходе индивидуальной жизнедеятельности и в результате общения с другими в процессе общественной жизни, в единстве онтогенеза и филогенеза, материального и идеального); развивается в реальности и отражение, производя все более сложные формы, в том числе и отражение теми формами, на которые оказывается способным человеческий субъект; развивается сознание человеческих индивидов в ходе общественно-исторического и индивидуального развития; развивается познание и знание в историческом, в логическом и в индивидуальном отношениях; развиваются и совершенствуются формы и логика познания. К уяснению сущности познания и знания, их возможностей и возможностей дальнейшего их развития, к познанию и уточнению форм и логики познания мы приступим в следующей части текста «Прологи...». А здесь проведем еще рассуждение с целью более отчетливого уяснения и определения часто употребляющихся понятий объективной и субъективной реальности.

II

«Нет объекта без субъекта» — вот положение, которое

навсегда делает невозможным всякий материализм», — писал А. Шопенгауэр.^{1/}

Философия и ныне полна схоластических споров о том, есть ли объект вне или без субъекта или субъект вне или без объекта. Одни отвергают положение о том, что вне субъекта нет объекта, как чисто идеалистическое, и утверждают, что объект никак не зависит от субъекта; другие повторяют принципиальную координацию Авенариуса (объективное не может существовать без субъективного); третьи еще что-то выдумывают. Но ведь этот вопрос следует решать, руководствуясь новым смыслом принципов материальности и диалектичности, материального и идеального, и лишь точно определив и уяснив, что же мы называем объектом и объективным и что — субъектом и субъективным.

Всякий элемент или система реальности в той мере, в какой они обособливаются, сохраняют свою целостность и противостоят всему тому, что им не принадлежит, по отношению к последнему можно назвать и рассматривать как субъективную реальность соответствующего уровня сложности, уровня развития и совершенства. А все то, что не принадлежит элементу, системе или любому существующему целому, рассматриваемому как субъективная реальность, будем называть объективной реальностью, но не вообще, а лишь по отношению к этой субъективной реальности. То есть субъект-объектные отношения частей реальности проявляются лишь во взаимовыпротивопоставлении каких-то двух частей реальности, а не во взаимопоставлении или взаимовыпротивопоставлении материального и идеального. Естественно, что при этом всякая субъективная реальность будет иметь свое внешнее ничто, т. е. внешнюю идеальную границу, которой это субъективное оканчивается, и отделяется от внешнего, от объективного по отношению к нему. Как объективная, так и субъективная реальность содержит в себе и свое материальное и свое идеальное, что и обуславливает необходимость мышлению, желающему истинно их познать, руководствоваться в этой работе развивающимися и уясняющимися понятиями, идеями новой, немонистической диалектико-материалистической логики. Поэтому следует различать и не смешивать идеальное и материальное всего и всякого существующего в реальности

^{1/} А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. М., 1900 г., т. I, стр. 31.

и субъективную реальность, которой может быть названа любая такая часть реальности, которая целостностью какого-то своего существования включает и удерживает в себе свое (осваивающееся) и исключает из себя все остальное реальности как не-себя, как объективную реальность. Самовыделение любой части реального из всей реальности и противопоставление ею себя по отношению ко всему остальному в реальности, что ей не принадлежит, и есть появление и проявление взаимопротивоположных реальностей во всей реальной действительности. Самовыделение себя из не себя, противопоставление и обнаружение собой не себя и исключение не себя из себя и дают право нам на различение субъективного и объективного в реальности. А так как никакой элемент сущего и никакая система сущего не может проявить и сохранять свое существование и целостность без внешнего и иного и без ничто между ним и собой, что следует из размышлений над Вселенной и простейшим элементом сущего, то никакое сущее реальности, принимающееся за субъективное, не может существовать без хотя какой-нибудь объективной реальности. А сложная и развитая субъективная реальность не может существовать вне и без такой объективной реальности, которая необходима и достаточна для этого. Невозможно субъективное (например, сознание) принимать за монистическое начало, которым производится все то, с чем оно имеет дело, вся реальность, т. к. в таком случае очевидна невозможность развития или выведения из него чего-нибудь иного. Но существование, хоть какое-нибудь проявление, субъективного невозможно без иного, без выпротивопоставившегося по отношению к нему объективного, его окружающего и ему не принадлежащего, если не отождествлять субъективное с объективным, если признавать, что субъективное хоть чем-то, да должно отличаться от объективного. И поэтому из признания существования субъективного (сознания, например) следует необходимость признания и объективного. Но и из признания существования объективного следует необходимость признания и субъективного (хотя бы того, которое признало факт существования объективного). И выходит, что А. Шопенгауэр прав в том, что: «Подобно тому, как материализм не замечал, что с самым простым объектом он сейчас же утверждает и субъект, так не замечал и Фихте, что не только вместе с субъектом (как бы он его ни титуловал)

он утверждает уже и объект, ибо без последнего немислим никакой субъект...».^{1/}

Субъективное некоторого конкретного субъекта может влиять на объективное по отношению к нему и доступное его влияниям. Но объективное реальности не зависит от субъективного реальности в том смысле, что его составляющее не исчезает с исчезновением субъективного; а изменится ли оно или не изменится от исчезновения данного субъективного — это зависит от того, влияло ли, как и насколько влияло это субъективное на это объективное до своего исчезновения. Следует учитывать и то, что это же объективное может быть таковым и по отношению к другому, менее или более совершенному, проявляющему и противопоставляющему себя в этом объективном, которое существует собой в не-себе и которое может поэтому рассматриваться как субъективная реальность в объективной. Если в некоторой области реальности нет субъективного, выделившегося, обособившегося и выпротивопоставившегося по отношению к его окружающему объективному, то реальность, состоящая из своих начал, способных при соответствующих условиях начинать, творить и обуславливать развитие ими составляющегося, при наличии всех необходимых и достаточных условий может произвести в себе такое целостное и сложное из своих наипростейших элементов сущего, которое станет существовать собой вовеки себя и что может после этого и поэтому рассматриваться как субъективная реальность в объективной. Я по отношению к мухе — в моем противопоставлении и рассмотрении себя и мухи — есть субъект, а она — объект. Но муха — в своем противопоставлении и рассмотрении меня или слона для себя — является субъектом по отношению ко мне, или к слону, или к чему угодно, что что не есть она, или что не есть то, что она противопоставляет и чем она рассматривает рассматриваемое. Здесь еще следует учитывать и следующее. То в моей руке, чем я как-то обнаруживаю что-то иное и этим обнаруживанием отличаю и противопоставляю это иное от себя, есть мое субъективное; но та же самая моя рука, взятая как как-нибудь обнаруживающаяся, отличающаяся, противопоставляющаяся и рассматривающаяся иным моим (сознанием, например), становится объектом по

^{1/} А. Шопенгауэр, «Мир как воля и представление», М., 1900 г., т. I, стр. 35 (Или см. «Антология мировой философии», М., 1971 г., т. 3, стр. 679.).

отношению к тому во мне, что и чем ее как-то обнаруживает, отличает, противопоставляет и рассматривает как иное по отношению к себе.

Субъективное проявляется как таковое по отношению к объективному в процессе и в результате процесса самовыделения и самовыпротиположения чего-то устойчивого реального из иного или из другого, ему не принадлежащего, а следовательно, в процессе и в результате процесса взаимосвязанного и существующего реального с иным, ему не принадлежащим. И поэтому характер и специфика субъективных феноменов зависит от того, что, как, по отношению к чему и по поводу чего самовыделяется и самовыпротиположается. Субъективность сознания проявляется некоторой структурно-функциональной противоположностью и по отношению к знанию, формированием и осознанием которого осуществляется саморазличение и саморазделение сознания и знания и объективация знания по отношению к сознанию. Тогда как материальное и идеальное во всех отношениях являются основными, всеобщими, абсолютными и полными взаимопротивоположностями реальности. Разумеется, что отличие субъективного каждого субъекта по сравнению с субъективным иных субъектов будет зависеть от меры и характера различного и тождественного в уровне сложности, в особенностях структурной организации тела субъекта и в специфике того, из чего и как появилось, развивалось и оказалось устроенным то, что существует и рассматривается как субъективное в сравнении с субъективным других субъектов.

Итак, суждение, что без субъекта нет объекта, может быть истинным лишь в том смысле, что без того субъекта и только для и по отношению к тому субъекту, которого нет, нет и объекта. Ибо не может быть что-то чем-то по отношению к тому и для того, чего нет. Но без этого субъекта реальность остается такой, какова она есть без него, и в ней есть множество иного объективного по отношению к другому субъективному. Суждение же, что без всего и всякого объективного не может быть субъективного, несомненно истинно, т. к. никакое нечто без внешнего и иного по отношению к себе не сможет отличиться, обособиться, проявиться, развиваться и существовать как целостность по отношению к тому внешнему и иному, которого нет. Следовательно, необходимо различать себя или свое Я, как факти-

ческий или действительный субъект, и все то в реальности, что не есть Я, что окружает меня или мою яйность, в чем мое Я существует и из чего получает все получаемое как получающее, во что отдает как отдающее. А т. к. познающая яйность познает всю реальность, познает и себя и не себя, и свое субъективное и объективное по отношению к себе, то в результатах познания следует различать знание про объективную и знание про субъективную области реальности. Если я мысленно рассматриваю отношение одного объекта с другим и если я есть нечто третье по отношению к двум объектам или к двум моим знаниям о двух объектах, то имеет место рассмотрение этих объектов в объект-объектном отношении. А если я рассматриваю объект или мое знание об объекте по отношению к себе или к моему знанию о себе, то имеет место рассмотрение в субъект-объективном отношении. Если я рассматриваю отношение некоего объекта к иному объекту как его отношения и как только по отношению к нему, то один из них по отношению к другому может рассматриваться как субъект по отношению к другому, рассматривающемуся мною при этом как объект по отношению к первому.

Легко решается вопрос о том, может ли мышление или сознание существовать объективно. Сознание и мышление субъекта, пусть первого, для него же существует как субъективное, но по отношению к сознанию и мышлению другого субъекта — они объективные, если речь идет о реалиях сознания и мышления этого первого субъекта; а если речь идет о знании другого субъекта о сознании или мышлении первого субъекта, то оно есть знание второго субъекта, объективность и субъективность которого будут уясняться после выведения и при уяснении сути и разных характеристик знания.

Можно ли считать, что объект первичен по отношению к субъекту или наоборот? Во-первых, нельзя говорить об этом в общей форме и без строгого установления смысла, содержания тех объектов, отношение первичности и вторичности между которыми выясняется, и без того смысла, который вкладывается в термин «первичный». Во-вторых, если, скажем, речь идет о первичности по происхождению, то эту первичность нельзя установить, т. к. как только нечто в реальности начинает существовать, то оно начинает свое существование одновременно с иным, через иное и благодаря этому внешнему иному. И здесь познание имеет возможность впа-

дать в две крайности: попытку познать и объяснить себя и не-себя только из самого себя и противоположную попытку объяснить себя и не-себя только из внешнего. Эти крайности, односторонне противопоставленные, без единства, без взаимодополнения и взаимоуточнения различием и соединением, не могут привести к успеху в познании. Более того, именно эти и подобные односторонние крайности позволяют морочить голову познающему и являются гносеологическим источником для идеологизирующей реакции ловить на ложь и дрессировать уловленных, отвлекая ищущих истину и идущих к ней и направляя их на ложный и порочный путь в познании и в жизни. Этому же содействует здесь и монистическая логика: либо сначала был только субъект, а потом объект, либо сначала был объект, а потом субъект. Конъюнкцию противоположных начал монистическая логика запрещает.

Не следует смешивать различные состояния, уровни развития и части реальной действительности и различные состояния, уровни развития и части знания о реальной действительности. И следует различать отношение нашей реальной яйности к тому реальному, что ее окружает, потом, отношение нашей реальной яйности к тому знанию, которое она мыслит в своем мышлении, и отношение к той нашей реальной яйности, которая мыслит и знает это знание в соответствующей форме познания и организации знания. Затем следует различать состояние, уровень развития частей знания и отношения между ними, различать и прослеживать взаимоотношение между знанием объективного и теми частями и состояниями развития знания, которые относятся к знанию субъективной реальности. И кроме всего этого ведь своя субъективная реальность является субъективной именно и лишь для этого субъекта; а для другого субъекта она же является объективной реальностью, если она берется другим субъектом как действительная реальность, а не как знание о субъективном того субъекта. И в то же время как первый, так и второй субъект являются соответствующими частями реальности, которые для третьего субъекта в действительности являются объективной реальностью. А чтобы все это различать, необходимо познать его таким, каким в реальности все это есть в себе и для себя, другому и между.

Если знание ранее определенного понятия о материальном и идеальном и о простейших элементах сущего логически

правильно развивать мышлением и если это развитие приведет к таким результатам, что получится знание, в котором можно обнаружить и опознать и знание о том реальном, что не есть знание о янности все это познающего субъекта, и такое знание, в котором истинно отражается все то и такое, что и какое есть янность все это познающего субъекта, которая до этого смутно им понималась, то это и будет означать, что получено знание о такой субъективной реальности, какой и есть реальное Я этого субъекта в реальной Вселенной. Так как это знание себя как субъективной реальности мы выводим из своего же знания о том, что было, и есть, и может быть непринадлежащим к нашей янности, то в этом смысле и можно сказать, что мы выводим знание о субъективной реальности из знания об объективной реальности, а вовсе не в том смысле, что мы получаем или выводим свое знание о субъективной реальности из объективной реальности, а не из знания ее. Знание более сложного, более развитого познаваемого выводится из знания более простого, менее развитого познаваемого. А знание этого менее развитого и более простого выводится из еще менее развитого и более простого. И так до знания тех наипростейших элементов и начал, из которых выводится все и всякое знание, в соответствии с тем, как и в реальности все и всякое происходит и развивается из реальных начал и простейших элементов. Знание нашей субъективной реальности выводится из знания объективной реальности как и в реальности более сложное и развитое произрастает из менее развитого и сохраняя и противопоставляя свою целостность внешнему по отношению к себе становится субъектом само себя: а то, что ему противостоит и что не есть оно, становится по отношению к нему объектом. Истинное знание субъективной реальности, истинно развивающееся из исходного знания начал реальности, может быть получено лишь из истинного знания этих начал. Истинное же знание всеобщих и развитейших начал реальности и последующих развитейших образований в ней может быть получено лишь как истинный результат истинного познания объективной и субъективной реальности. Истинное же знание всякой возможной реальности мы получим из познания объективной и субъективной реальности. Ведь не зная субъективного, невозможно в кажущемся или в берущемся как объективное опознать субъективное, невозможно в познаваемом отличить познаваемое от знания и не смешивать его с ним. И наоборот, не

зная объективного, невозможно в берущемся или кажущемся как субъективное опознать объективное, отделить и не смешивать его с ним, невозможно в знании распознать знание о познающем и знание о предмете, им познающемся. Поэтому-то и приходилось человеческому познанию двигаться вперед или задерживаться то из-за успехов или неудач в познании субъективной реальности, то из-за успехов или неудач в познании объективной реальности. Поэтому же и нам приходится удовлетвориться сначала предварительным (но более истинным, более отчетливым и глубоким, чем прежде) познанием объективной и субъективной реальности с тем, чтобы затем получить возможность к еще более глубокому, ясному и более истинному познанию всего интересующего нас в реальности.

И совершенно очевидной становится тормозящая роль традиционного положения о том, что идеальное есть только у субъекта, что в объективной реальности нет идеального. Как же тогда возможно истинно познать всеобщие начала объективной реальности и избавиться от незнания и смешивания объективного и субъективного?! И мы, как субъекты, достигшие в своем развитии известного уровня сложности и совершенства, не сможем познать себя, познавая только то, что вне нас, только нам объективное. Мы должны познавать также и субъективное.

Продолжая выведение или мысленное проследивание дальнейшего развития знания, проводимого нашим же мышлением из начал и руководствующегося обновленной диалектико-материалистической логикой, мы далее и будем мысленно входить в проследивание таких областей знания, которые являют собой отображение нашего субъективного, и будем сверять выводимое получаемое знание с тем, что наше сознание имеет и получает реально от нашего реального тела и от объективной реальности.

Даже поведение собаки невозможно целиком изучить объективным методом, говорил академик И. П. Павлов, «то есть только сопоставляя падающие на животное раздражения с ответами на них, следовательно, не принимая во внимание ее предполагаемого по аналогии с нами самими субъективного мира».^{1/}

И в заключение предшествующего или в качестве эпиграфа последующего предоставим слово Рене Декарту: «Если кто-

^{1/} И. П. Павлов. Полн. собр. трудов. М.—Л., 1949 г., т. 3, стр. 436.

нибдь задается целью исследовать все истины, познание которых доступно человеческому разуму (исследование, которое, мне кажется, должен произвести однажды в своей жизни всякий, кто серьезно стремится к истинной мудрости), то он, вероятно, поймет..., что ничто не может быть познано прежде самого интеллекта, ибо познание всех прочих вещей зависит от интеллекта, а не наоборот. Затем, исследовав все, непосредственно идущее за познанием чистого интеллекта, он перечислит все другие средства познания, которыми мы обладаем, кроме интеллекта; он увидит, что их только два, а именно воображение и чувство».^{2/}

К О Н Е Ц второй части текста «Прологи новой системы научного объяснительного знания».

* * *

В третьей части «Прологов...», которая будет опубликована как только автор соберет достаточно для этого денег, излагаются существенные уточнения и дальнейшее развитие основных вопросов психологии познания, продолжается изложение развития смыслологического содержания новой СНОЗ, ее гносеологии и логико-понятийного аппарата, ее оснований и основ.

Если Вы, уважаемый читатель, желаете приобрести третью часть «Прологов...» (или предшествующие ей первую или вторую части) или и последующие части этого научного труда, то заказы на это высылайте по адресу: 251010-, Украина, Черниговская обл., г. Бахмач, ул. Чапаева, д. 17, Неволько Григорию Ивановичу; или по адресу: 344025, г. Ростов-на-Дону, 37 линия, д. 42, кв. 4, Неволько Григорию Ивановичу.

И соответствующие, заказанные Вами, книги «Прологов новой СНОЗ», а потом и «Логов новой СНОЗ», будут высылаться Вам (почтой с наложенным платежом) по указанному Вами адресу, — по мере опубликования и наличия их у автора.

Всю финансовую, юридическую и моральную ответственность перед общественностью и государством и перед каждым из заказчиков, покупателей и читателей автор берет на себя. Обязательность, правдивость, справедливость и честность автором гарантируются.

^{2/} См. «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 280.

О Г Л А В Л Е Н И Е

и краткий обзор

ПРЕДИСЛОВИЕ

3 стр.

ГЛАВА I

Выяснения, определения и интерпретации новых
смыслов категорий: материальное и идеальное

8 стр.

Эпиграф.

§ 1. Вводные рассуждения

8 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа: Диалектическое противоречие и логическая противоречивость. Контрарность и контрадикторность. Логический закон запрета противоречивости мышления. Формальная (аристотелевская) логика, диалектическая (гегелевская) логика и диалектико-материалистическая логика. Еще фрагмент гносеологической и идеологической критики монистичности фундаментальных оснований и монистической логической формы, общих для объективно-идеалистической, субъективно-идеалистической и материалистической систем объяснительного знания. О том, что любое сущее реальности не может начинать свое существование и развитие из чего-то изначально одного, неразличного в себе, что монизм начала и логической формы объяснительного знания гносеологически и идеологически несостоятелен и вреден, что это делает объяснительное знание софистичным, запутывает научное познание и ограничивает дальнейшее развитие человеческих познавательных способностей и прогрессивное развитие научного объяснительного знания; по отношению к монистическому идеализму монистический материализм получается симметрично противоположенным и недостаточно превосходит его по своим эвристическим, объяснительным и прогностическим возможностям и потенциям.

§ 2. Предварительные определения материального и идеального

27 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа: Предварительные определения и уяснения новых смыслов материального и идеального — как изначально равнопервичных всеобщих начал всего сущего реальности. Рассуждения по поводу логического приема выпротивоположения, применяющегося для получения новых взаимопротивоположных смыслов этих категорий, дающих для мышления начинаемость, опору и направление (самоуправляемость) в производстве истинного знания.

§ 3. Нечто и ничто как определяющие материальное и идеальное

35 стр.

В этом параграфе излагается дальнейшее поэтапное развитие определений новых смыслов материального и идеального и уяснения, объяснения, и обоснования этих смыслов и их определений. Нечто необходимо мыслить протяженным, а ничто — не-протяженным.

§ 4. Интерпретация и реабилитация понятия ничто 41 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа: Ничто как прерыв, как граница между хоть чем-нибудь взаимоотличающимися нечто. Оно, например, есть там, где кончается стол и начинается воздух, как не се и не то.

Диалог по выяснению и определению идеального 44 стр.

Уяснения онтологических и гносеологических смыслов и ролей ничто как реалии и как понятия. Критика ошибочных мнений (Спинозы, Декарта, Канта, Гегеля и Фейербаха) о ничто и недооценки его гносеологической и онтологической ролей. Ничто невозможно и не следует мыслить без нечто. Ничто и отрицание. Великие открытия делают то вдали от исхоженных путей, то в результате обращения к тому и переосмысливания того, обычного, что путалось под ногами. Гносеологически-социально-психологическая ситуация в том, что существенно измениться должны смыслы именно самых общепринятых и фундаментальных начал и положений всей СНОЗ.

ГЛАВА 2

Элементы, структуры и системы сущего реальности и иерархия структурных уровней 56 стр.

§ 1. Методологические рассуждения 56 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа: О том, что мысль вонзить в грядущее возможно, ведя ее из прошлого через теперь. Обоснование возможности самопознания путем выведения знания о себе из знания о развитии объективной реальности и прочие рассуждения. Не ослепляться блеском чувственного и гневом к идеям идеологического противника. Исчерпаннее познать сущность, формы и еще неиспользующиеся возможности познания.

§ 2. Определения, выяснения и объяснения элементов сущего реальности 63 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа: Элемент сущего. Первичные противоположности элемента сущего. Наименьший или простейший элемент сущего реальности. Доказательства невозможности логически правильно и непротиворечиво мыслить иные состав и смыслы исходных всеобщих и фундаментальных понятий, чем изначально равнопервичные и прямо и

полностью взаимопротивоположные материальное нечто и идеальное ничто, в результате чего разрушается гносеологический фундамент монистического объективного идеализма, и монистического субъективного идеализма, и монистического материализма.

§ 3. Предварительные объяснения движения элементов и развития сущего реальности 80 стр.

Краткий обзор содержания этого и 4-го параграфа 80 стр.

§ 4. Выведение и определение системы 93 стр.

§ 5. Иерархия структурных уровней 101 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа 101 стр.

ГЛАВА 3

§ 1. Рассуждения о Вселенной 128 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа 128 стр.

Разбор некоторых цитат в свете здесь развиваемой новой смыслологии 147 стр.

§ 2. Выведения, объяснения, уяснения и определения понятий, отображающих и выражающих процессы отражения 155 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа 155 стр.

Рассуждения о развитии систем и форм отражения 163 стр.

Уяснения и определения энтропии и негэнтропии 168 стр.

§ 3. Рассуждения об отражении в среде элементов и систем различных уровней сложности 178 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа 178 стр.

§ 4. Про сознание и про субъективное и объективное 196 стр.

Краткий обзор содержания этого параграфа 196 стр.

Конец второй части текста «Прологи...». стр. 210

Сдано в набор 20.06.93. Подписано в печать 13.08.93. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ.
листов 13,5. Учетно-изд. листов 11. Тираж 2500. Изд. № 33. Зак. 1678.
Цена договорная. Заказное.

Областное управление по печати. 250000. Чернигов, проспект Октябрь-
ской революции, 62.

Щорская районная типография. 251530. Щорс, Ленина, 25.